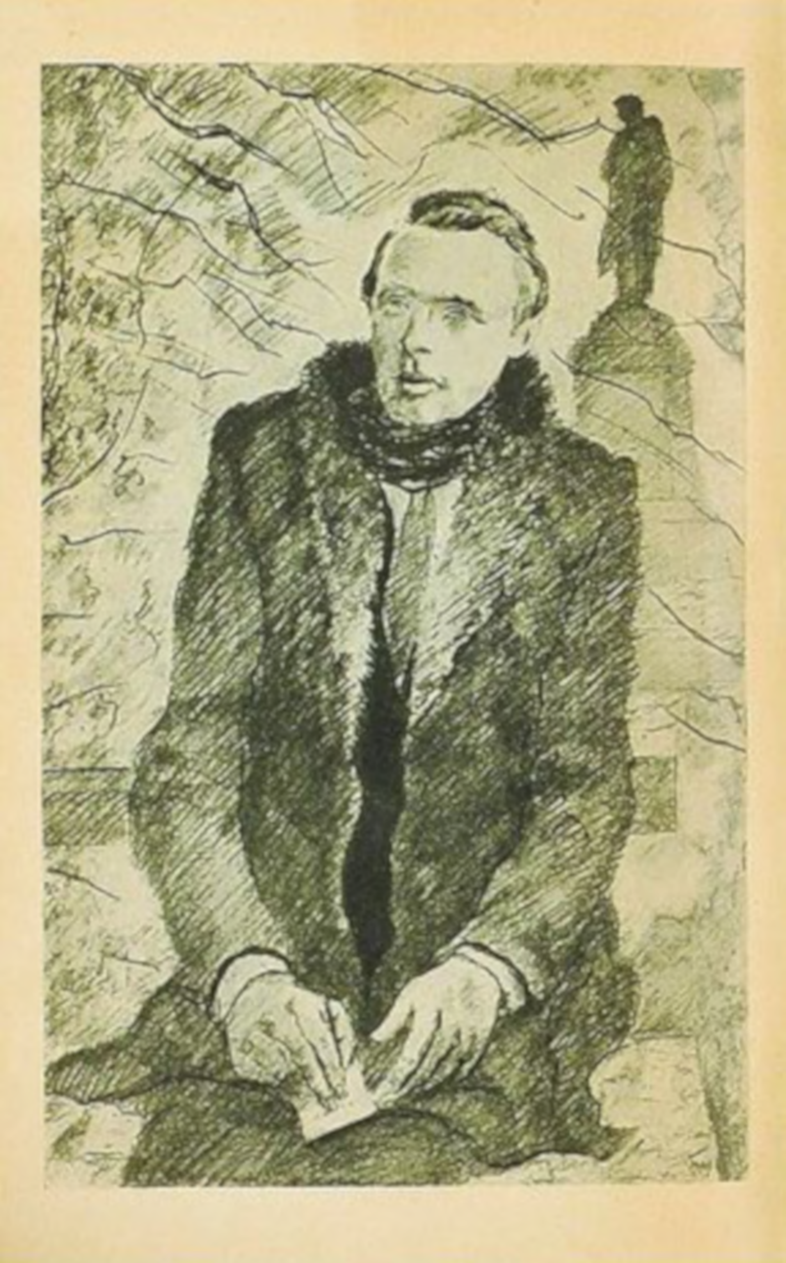
В. Хлебников

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПОЭМЫ И СТИХИ

Редакция и комментарии
Н. Харджиева

ПРОЗА

Редакция и комментарии
Т. Грица

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва 1940

От редакции

Со дня смерти Велимира Хлебникова прошло шестнадцать лет. Между тем, до настоящего времени не пройден еще первый этап на пути к научному изучению его творчества. До сих пор еще не собрано все его литературное наследие, не установлены точные редакции его вещей, основанные на критическом анализе рукописных текстов, чрезвычайно запутан вопрос о хронологии, предопределяющий анализ эволюции творчества Хлебникова.

В 1928—1933 гг. было издано «Собрание произведений» Хлебникова в пяти томах. В послесловии к первому тому редакция писала: «Задача настоящего издания — показать Хлебникова «во весь рост», дать его совершенные и законченные произведения, разрушить традиционное представление о нем как об авторе набросков и экспериментов... Перегрузка незаконченными вещами, черновыми вариантами... сделала бы его малодоступным широкому читателю». Несмотря на эту установку, редакция сочла возможным в последующих томах отступить от принципа публикации законченных вещей и включила множество черновиков и недоработанных произведений.

В результате издание приобрело эклектический характер. Оно не может быть отнесено ни к типу популярных изданий, рассчитанных на широкого читателя, ни к типу научных изданий, основанных на филологическом анализе материала.

Отсутствие правильной установки обусловило ряд типовых ошибок.

Редакция не выдержала единой системы в отборе текстов Хлебникова. Так, например, некоторые беловые тексты помещены в

разделе черновиков: «Где ищет белых мотыльков», «Сияющая вольза», «И вечер темец», «У колодезя молодезь», «Русь, ты вся поцелуй на морозе» (т. V) и др.

С другой стороны, черновики и отрывки напечатаны среди законченных и беловых текстов: «И чтоб утроить», «Когда я следуя Толстому» (т. II), драматический фрагмент 1910 г. (т. IV) и др.

Включены в «Собрание произведений» и первоначальные и черновые редакции при наличии канонических печатных текстов: «Сегодня Машук как борзая», «Ну, тащися, сивка», «Отказ» (т. III). Поэма «Три сестры» напечатана в «промежуточной» рукописной редакции, не совпадающей ни с первоначальной, опубликованной в сборнике «Мир и остальное» (Баку, 1920), ни с окончательным текстом, напечатанным в журнале «Маковец» (М., 1922, № 2). Указание на то, что редакция предпочитает «более полный рукописный вариант «первопечатному», значительно сокращенному» тексту, не выдерживает серьезной критики, так как Хлебников при переработке законченных текстов как беловых рукописных, так и первопечатных, в большинстве случаев подвергал их сокращению. Переработанные и сокращенные Хлебниковым первопечатные тексты стихотворения «С журчанием свистом» (т. II) и поэмы «Мария Вечора»[1] (т. I) также напечатаны в первоначальном виде. Между тем в окончательной редакции обе эти вещи вошли в «Изборник» (Спб., 1914), первый отдел которого был подготовлен к печати самим Хлебниковым.

Еще меньше оснований было у редакции для восстановления кусков, отброшенных Хлебниковым при переработке первоначальных беловых текстов. В канонический текст поэмы «Игра в аду» включена строфа из первопечатного текста (т. II). Текст поэмы «Ладомир» дан по первопечатной редакции, выправленной самим Хлебниковым, но с сохранением всех зачеркнутых им кусков.

Отметим также случаи произвольного монтажа отдельных вещей. Под общим заголовком «Предложения» (т. V) соединены утопические декларации Хлебникова, относящиеся к разным периодам и расположенные в неправильной хронологической последовательности. При этом редакция не обратила внимания на то, что отдельные параграфы первой декларации совпадают с параграфами декларации третьей, написанной не в 1916 г., а в 1920 г.[2].

В текст стихотворения «Испаганский верблюд» (т. III) в каче-

---

[1] В поэме «Мария Вечора» по неизвестной причине восстановлен первоначальный рукописный вариант строки 29-й.

[2] Ср. также отрывок «Когда-нибудь человечество...», отнесенный в Собр. произв. к вещам 1917—1919 гг. (т. V).

стве вступления включен примыкающий к нему отрывок, который представляет собой первоначальный набросок к этой же вещи.

Если в первом случае редакция руководилась жанровой близостью, а во втором — тематической и конструктивной связью, то третий случай свидетельствует об отсутствии критического анализа. Стихотворение «Так как...» (т. II), написанное четырехударным хореем, соединено с прозаическим фрагментом «словотворческого» перевода. В таком виде тексты этих вещей напечатаны по типографскому недосмотру в сборнике «Дохлая луна» (М., 1913).

Редакция сочла также возможным поместить в основные разделы «Собрания произведений» тексты, транскрибированные не специалистами. Рассказ «Октябрь на Неве», слитый с примыкающим к нему тематически отрывком, напечатан «по редакции Д. Петровского» (т. IV). Поэма «Осень» дана по транскрипции Д. Козлова (т. III).

Особого рассмотрения заслуживает транскрибированный Д. Петровским черновой текст[1], помещенный в основном разделе под заглавием «Ка-2» (т. V).

Ранее редакция высказала предположение, что «Ка-2» — другое заглавие повести «Скуфья скифа» (т. IV). Повидимому, впоследствии редакция отказалась от своего первоначального предположения, правильность которого не подлежит сомнению. Транскрибированная Д. Петровским вещь[2] ни тематически, ни стилистически не имеет сходства с повестью «Ка», между тем как в «Скуфье скифа» Ка — один из основных персонажей. Таким образом, «Ка-2», несомненно, одно из заглавий повести «Скуфья скифа» или «Скифы в скуфье». Другой черновик, также транскрибированный Д. Петровским и включенный в раздел законченных вещей под заглавием «Лев» (т. V), представляет собой первоначальный вариант начала той же «Скуфьи скифа»[3].

Компромиссный характер издания не мог не отразиться на хронологическом приурочении произведений Хлебникова и на расположении материала во всех пяти томах.

Хлебников не подготовил ни одного сборника своих произведений. Так называемое «Завещание Хлебникова» представляет со-

---

[1] Д. Петровский. Воспоминания о Хлебникове. М., 1926, стр. 14.

[2] В Сбор. произв. напечатан отнесенный к 1915 г. отрывок, дающий беловую редакцию части вещи, подготовленной к печати Д. Петровским (т. IV, стр. 70).

[3] Ср. также кусок «Скуфьи скифа» (стр. 79—80) и начало прозаического фрагмента «Нужно ли начинать рассказ с детства», в Сбор. произв. неправильно датированного 1919 г. (т. IV, стр. 118, 337; автограф — по старой орфографии). В текстах обеих вещей есть ряд искажений.

бой только предварительный набросок издательского плана, составленного не Хлебниковым, а редактором неосуществленного собрания его произведений Р. О. Якобсоном (1919)[1].

Вместе с тем ни один из вышедших при жизни Хлебникова сборников его произведений не может быть положен в основу посмертного научного издания.

Сам Хлебников почти не датировал свои рукописи, за исключением некоторых вещей 1920—1922 гг. Не определяют времени написания отдельных произведений и даты их напечатания. Так, например, «Аспарух», написанный в 1911 г., напечатан в декабре 1913 г., «Смерть Паливоды» 1911 г. — в 1914 г., «Девий бог» 1911 г. — в декабре 1912 г., «Крымское» 1908 г. — в 1913 г. Известен случай (поэма «Журавль»), когда начало вещи, написанной в 1909 г., было напечатано в 1910 г., а конец только в 1914 г.

В 1914 г. ряд произведений Хлебникова был датирован его издателями, преимущественно Д. Бурлюком, напечатавшим под своей редакцией «Творения 1906—1908 гг.». Им же датированы и отдельные стихотворения в сборниках «Молоко кобылиц» и «Первый журнал русских футуристов».

Эта датировка была создана Д. Бурлюком для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность возникновения русского футуризма.

В качестве сильного полемического довода Д. Бурлюк прежде всего выдвинул фиктивную дату выхода «Садка судей» — первого сборника русских «будетлян», изданного в апреле 1910 г.

В листовке «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913) Д. Бурлюк писал: «В 1908 году вышел «Садок судей». В нем... Велимир Хлебников впервые выступил в печати».

Фиктивную дату издания «Садка судей» Давид Бурлюк приурочил ко времени литературного дебюта Хлебникова.

Словотворческая вещь «Искушение грешника», напечатанная в журнале «Весна» в октябре 1908 г., за четыре месяца до опубликования первого манифеста Маринетти, типична для наиболее ранних новаторских тенденций Хлебникова.

Поэтическое словопроизводство Хлебникова основано на прин-

---

[1] В этот план Хлебниковым вписано:

Завещание.

Озаглавить отдел статей «Книга заветов».

У Софьи Исааковны Дымшиц есть статьи «К художникам мира» и «Ритмы человечества». Они должны быть включены в собрание.

В. Хлебников

ципах народной поэзии. В своей первой декларативной статье «Курган Святогора», относящейся к концу 1908 г., Хлебников указывал, что метод обновления словесных конструкций был ему подсказан фольклорными словообразованиями:

«... Останемся ли мы глухи к голосу земли: уста дайте мне!.. Или же останемся пересмешниками западных голосов?.. Русское умнечество, всегда алчущее прав, откажется ли от того, которое ему вручает сама воля народная: права словотворчества. Кто знает русскую деревню, знает о словах, образованных на час и живущих веком мотылька».

Начало литературной работы Хлебникова относится к 1903—1905 гг. Нами впервые найдены произведения этого периода [1], которые в стилистическом отношении резко отличаются от «словотворческих» вещей.

У нас нет никаких оснований предполагать, что мелкие стихотворения и словотворческие эксперименты, напечатанные Д. Бурлюком в сборниках «Пощечина общественному вкусу», «Требник троих», «Дохлая луна», «Первый журнал русских футуристов», «Затычка» и «Молоко кобылиц», написаны до 1908 г.

В этом нас убеждает и анализ текстов Хлебникова, находившихся в распоряжении Д. Бурлюка [2]. Стилистически они единообразны. Написаны одним почерком и, несомненно, в один период. Среди них есть заготовки к пьесе «Снежимочка» и к стихотворению «Крымское», написанным в конце 1908 г. Правильность нашей датировки подтверждается и следующей записью Хлебникова, где перечислены драматические произведения А. Грибоедова, М. Горького, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Ремизова и А. Блока: «Горе от ума», «На дне», «Земля», «Тантал», «Бесовское действо», «Балаганчик» [3]. «Бесовское действо» Ремизова было напечатано в январе 1908 г. Наконец беловые автографы нескольких стихотворений, опубликованных Д. Бурлюком в сборнике «Требник троих» и книге «Творения», были посланы Хлебниковым 31 марта 1908 г. Вячеславу Иванову. О словотворческих опытах Хлебникова, относящихся уже к концу 1908 г., вспоминает Ремизов [4].

Опубликованные впервые в 1912—1915 гг. вещи эксперимен-

---

[1] К этому периоду относится ряд прозаических кусков (среди них — отрывки из повести) и несколько стихотворений. Сохранились также записи фенологических наблюдений Хлебникова, датированные 1898—1905 гг.

[2] Гос. лит. музей в Москве, № 1102 (20), тетр. I, л. 1—60, тетр. II, л. 52—120.

[3] Тетр. II, л. 82.

[4] А. Ремизов. Кукха. 1923, стр. 58.

тального словотворческого периода чрезвычайно исказили представление о процессе поэтического развития Хлебникова. Еще при жизни Хлебникова создалось даже мнение о «неизменяемости» его поэтического метода [1].

К сожалению, редакция «Собрания произведений» приняла полемическую датировку Д. Бурлюка. Впрочем, в отдельных случаях редакция принуждена была частично отказаться от этой периодизации и признать, что «многие вещи, отнесенные Д. Бурлюком в том «Творений 1906—1908 гг.», написаны были позже». Однако неправильность исходных дат обусловила ошибки в хронологическом приурочении позднейших произведений Хлебникова.

Неточным датировкам редакции должна быть противопоставлена периодизация, основанная на филологическом анализе текстов. Так, например, стихотворение «А я...» (т. V), напечатанное по автографу, предположительно датировано 1907—1908 гг.

В этом стихотворении Хлебников применил омонимический принцип композиции, основанной на поэтических этимологиях:

...А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса...
Ветер утих. И утух
Вечер утех
У тех смелых берез...

Этот стилистический признак так же, как и некоторые образы (летний пейзаж с протекающим эпитетом «зеленый»), сближает стихотворение «А я...» со стихотворением «Нижний» [2], написанным летом 1918 г.:

...Но лут из бурунов,
Из бурь, из бора,
Из берегов, из брани
И избранников...

Стихотворение «А я...» следует датировать не 1907—1908 гг., а 1918 г.

Неправильно также относить поэму «Берег невольников», напи-

---

[1] «...Одной из замечательнейших сторон его [Хлебникова] действия надо считать то обстоятельство, что техника его не претерпела почти никаких изменений со времени его первых напечатанных работ». (И. А. Аксенов. К ликвидации футуризма. «Печать и революция». М., 1921, кн. 3, стр. 86.

[2] Собр. произв., т. V, стр. 21—23. Кроме того, варианты строк 13—15 и 18—20 стихотворения «А я...» входят в стихотворение «Ветер — пение», также относящееся к 1918—1919 гг. и впервые напечатанное в 1920 г. (Собр. произв., т. III).

санную под непосредственным воздействием «Войны и мира» Маяковского, к дореволюционному периоду. Текст поэмы написан по новой орфографии, которая установилась у Хлебникова с 1919 г. Отрывок с первоначальными вариантами ряда строк записан Хлебниковым в «Гросбухе», заполненном в 1921 г. (Собр. произв., т. III). Автограф поэмы «Берег невольников» — беловик, написанный карандашом с немногочисленными поправками чернилами того же цвета, что и тексты вещей конца 1921 г. («Шествие осеней Пятигорска» и др.). На обложке «пятигорской» тетради Хлебникова, хранящейся у В. Каменского, записано: «Нижний Новгород. Тихоновская ул. д. 22, Федору Богородскому. 1. Ладомир. 2. Азы из узы. 3. Разин. 4. Невольни<чий> берег. 5. Статья. 6. Отрывок. 7. Стихи». Поэмы «Ладомир», «Азы из узы» и «Разин» в конце 1921 г. были вновь переработаны Хлебниковым. Очевидно, в начале 1922 г. все эти вещи Хлебников передал художнику Ф. Богородскому, предполагавшему их издать.

Гуманистический пацифизм антивоенных стихов Хлебникова (1915—1916 гг.) в поэме «Берег невольников» перерастает в осознание классовой основы империалистической войны:

... В уши богатым седокам самоката,
Недотрогам войны,
Несется: «где мои сыны?»
Из горбатой мохнатой хаты.

Даже при отсутствии рукописного текста анализ системы образов должен был привести к выводу, что поэма написана после Октября:

...Мы
Были жратвой чугуна,
Жратвою, — жратва!
И вдруг «же» завизжало,
Хрюкнуло, и над нею братва...
...Свободы, пожар! Пожар. Набат [1].

Хрюкнуло «же», убежало. — Брат!

Только правильное хронологическое расположение материала, основанное на документальных данных и стилистическом анализе, может восстановить реальную перспективу изменения поэтического метода Хлебникова от ранних «словотворческих», «славянских» и

[1] Уже после того как книга была набрана, нам удалось обнаружить два листа из беловика поэмы и отрывки из черновой рукописи, окончательно подтвердившие правильность нашей датировки (см. стр. 61—62).

«мифологических» вещей до монументальных революционных поэм 1920—1922 гг.

В отдельных случаях время написания может быть установлено сопоставлением образов в прозаических и стихотворных вещах. Так, например, следующие строки в стихотворении «Пусть пахарь, покидая борону...» (1921—1922)

> ...Сказав: вот эта пыль — Москва, быть может,
> А эта точка пыльная — Чикаго

имеют прозаическую параллель в «утопической» декларации, неправильно датированной 1916 г.: «Рассматривать землю как звучащую пластину, а столицы — как собравшуюся в узлах стоячих волн пыль».

Текстуально близкое место есть и в «Зангези» (1921—1922):

> Слышу я просьбу великих столиц:
> Боги великие звука,
> Пластину волнуя земли,
> Собрали пыль человечества,
> Пыль рода людей,
> Покорную каждым устоям,
> В большие столицы...

В поэме «Шествие осеней Пятигорска», законченной в ноябре 1921 г., строка 102:

> ...И волос девушки каждой — небоскреб тысяч людей

перекликается со следующим местом в прозаической утопии «Утес из будущего»: «Будем помнить, что каждый волосок человека — небоскреб, откуда из окон смотрят на солнце тысячи Саш и Маш».

Ср. также в недатированном стихотворении «Я и Россия»:

> ...И каждый зеркальный небоскреб моего волоса...
> Граждане и гражданки
> Меня-государства
> Тысячеоконных кудрей толпились у окон,
> Ольги и Игори...

Особое внимание должно быть обращено на датировку отдельных вещей, циклизированных Хлебниковым или включенных им в контекст других произведений.

Так, например, «Песня мальчика на кладбище» из пьесы «Чортик» (1909) перенесена в качестве заключительной части в поэму, написанную в 1912 г. («Сердца прозрачней, чем сосуд...»). Одна строфа из той же поэмы с незначительными разночтениями вошла в «Зангези» (1922).

Под общим заголовком «Дети Выдры» Хлебников объединил ряд самостоятельных стихотворных, драматических и прозаических вещей 1911—1913 гг.[1]. Любопытно, что в 1917 г. Хлебников решил изменить композицию «Детей Выдры», снова применив метод монтажа. Сохранилась неопубликованная запись Хлебникова на плане издания драматических вещей:

«Предложение раздвинуть «Дети Выдры» и вставить, как отдельный парус «Девий бог» перед «Смертью Паливоды» (внутри «Детей Выдры»).

Желат<ельно> взять из «Московских мастеров» повесть «Ка» и вставить ее клином в «Дети Выдры» на предпоследнее место (последнее — где Ганнибал и Сципион).

Можно из «Изборника» взять галицийскую вещь (напечатанную от руки) и вставить в «Дети Выдры» после «Путешествия на пароходе» и «Выход из кургана умершего сына» из «Изборника»[2] вставить после «Смерть Паливоды» в «Дети Выдры».

Таким образом, «Дети Выдры» должны были стать циклом вещей 1911—1915 гг.

Циклизация разновременных вещей, принадлежащих к разным жанрам, обусловлена тенденцией Хлебникова разрушить канонические рамки временного и локального приурочения и создать таким путем тематическую и стилевую многопланность. В циклизованных вещах Хлебникова перемежаются драматические отрывки, рассказы, поэмы, филологические и математические статьи, сталкиваются персонажи и события различных эпох. Этот специфический композиционно-смысловой метод получил теоретическое обоснование в «Зангези»:

---

[1] Рассказ «Смерть Паливоды» написан в начале 1911 г. Сохранившиеся отрывки из черновиков «Детей Выдры» дают возможность точно установить хронологические границы работы Хлебникова над отдельными частями — «парусами». Главки 1—3 и заключительное четверостишие I «паруса», III «парус» и V «парус» написаны в 1912 г. Первоначальная редакция VI «паруса» датирована — «8 января 1913 года» (Архив института лит-ры им. М. Горького). Четвертая главка I «паруса» и II «парус» написаны, вероятно, летом 1913 г.: их тематика, а также неологизмы связаны с подготовкой к футуристическим спектаклям (декабрь 1913).

[2] Прозаический отрывок «Выход из кургана умершего сына» напечатан же в «Изборнике» (Спб., 1914) В. Хлебникова, а в его книге «Рыв», изданной А. Крученых в декабре 1913 г. Написанный ремарочным стилем «Выход из кургана умершего сына», как нами установлено, в черновой редакции входил в первоначальный план-конспект «Детей Выдры». (Архив института лит-ры им. М. Горького.)

«Сверхповесть... складывается из самостоятельных отрывков каждый с своим особым... уставом... Она вытесана из разноцветных глыб слова разного строения».

Принцип «сверхповести», впервые реализованный в «Детях Выдры», получил дальнейшее применение в «Войне в мышеловке» «Царапине по небу», «Азы и узы» и «Зангези».

Издание произведений Хлебникова представляет особые трудности в текстологическом отношении.

Хлебников многократно перерабатывал свои стихи не только для того, чтобы придать им более «законченную» или «совершенную» редакцию, но и потому, что он ощущал каждую свою словесную конструкцию не как вещь, а как процесс.

О своеобразной творческой «одержимости» Хлебникова вспоминал В. Маяковский: «Хлебников мог не только при просьбе немедленно написать стихотворение (его голова работала круглые сутки только над поэзией), но мог дать вещи самую необычную форму» [1].

Особенность процесса творчества у Хлебникова, подвергавшего первоначальный текст дальнейшим изменениям, привела к тому, что Хлебников был почти совершенно устранен своими литературными соратниками от корректуры. Авторская правка могла бы потребовать нового на'5ора.

4 апреля 1913 г. Д. Бурлюк, посылая издателю Л. И. Жевержееву рукописи ранних вещей Хлебникова, писал: «Предупреждаю, Хлебников не способен делать корректуру — он пишет поверх ее новый вариант. Его от печатания надо устранить совершенно» [2].

Поэтому большое принципиальное значение приобретает вопрос о вариантах и каноническом тексте.

Понятие канонического текста неприменимо ко многим произведениям Хлебникова.

Сохранились беловые автографы, дающие существенно различные «равноправные» редакции одной и той же вещи.

Правильно отмечая в послесловии к т. III, что Хлебников «постоянно переделывал свои вещи, создавал новые... варианты», редакция «Собрания произведений» в то же время выбирает один какой-либо вариант (нередко первоначальный), не приводя в комментарии даже наиболее значительных разночтений. В послесловии к т. V отмечено, что в распоряжении редакции «остаются... черновики и значительное количество вариантов».

---

[1] В. Маяковский. — В. В. Хлебников. Журн. «Красная новь», М., 1922, кн. 4, стр. 304.

[2] Архив института лит-ры им. М. Горького.

Учитывая особенности поэтической работы Хлебникова, следует признать, что предпочтение одного варианта другому при наличии двух беловых, существенно отличающихся друг от друга, автографов может быть основано исключительно на субъективной оценке.

Соединяя законченные вещи в поэмы и «сверхповести», Хлебников вместе с тем выделял из незаконченных черновых поэм отдельные перебеленные куски в качестве самостоятельных стихотворений.

Таковы печатаемые нами по беловым автографам стихотворения 1921 г.: «Очана Мочана» (первоначальный вариант в незаконченной поэме «Труба Гуль Муллы»), «Где море бьется диким неуком» (выделено из первоначальной черновой редакции поэмы «Уструг Разина»), «Я вспоминал года» (первоначальные варианты ряда строк см. в черновом тексте поэмы «Горячее поле»).

Черновые рукописи Хлебникова обычно исписаны мельчайшим почерком (Д. Бурлюк называл его «микрографией») и испещрены стилистическими поправками и вставками на полях, вверху и внизу листа, часто написанными наискось. Чрезвычайно трудно установить последовательность многочисленных параллельных вариантов: Хлебников вписывал в текст новые варианты, не всегда зачеркивая первоначальные. Нередко рядом с незаконченным стихотворением Хлебников начинал писать другую вещь или записывал предварительные наброски и заготовки, что, естественно, еще больше затрудняет расшифровку текстов.

Во многих случаях трудно даже решить, к какому произведению из находящихся на данном листе, относится тот или другой текст.

С другой стороны, и беловики Хлебникова, подвергнутые двум или трем фиксированным в тексте стадиям обработки, вновь принимали вид черновиков, иногда даже «незаконченных». В таких случаях извлечение лежащего в основе рукописи первоначального белового текста требует еще более тщательного анализа, чем транскрибирование черновых текстов.

Трудности дешифровки хлебниковских автографов обусловлены и особенностями поэтической системы Хлебникова.

В текстах Хлебникова мы не найдем специфических стиховых определителей, помогающих исследователям расшифровывать черновики Пушкина и других поэтов. Наличие определенного размера в отрывке не может свидетельствовать о его принадлежности к данному тексту, так как хлебниковская метрическая система переменна, и нередко даже в смежных строках перебивают друг друга различные метры, к тому же часто взрываемые интонациями живой речи. Также не является обязательным моментом и четырехстрочная строфа. Наконец, даже рифма не всегда помогает при анализе текстов, так

как, наряду с рифмованными строками, в произведениях Хлебникова встречаются и нерифмованные.

Если прибавить к этим фактам наличие в стихах Хлебникова большого количества неологизмов и общую жанровую неканоничность его произведений, то становится понятным, почему многие его вещи были напечатаны в футуристических сборниках с пропусками и искажениями.

Известен протест Хлебникова по поводу выхода сборника его ранних вещей «Творения» (М., 1914), изданного Д. Бурлюком[1].

Ранние «словотворческие» вещи Хлебникова были важны его литературным соратникам как путь к созданию нового поэтического языка.

Издание ранних вещей Хлебникова было задумано Д. Бурлюком в начале 1913 г. См. в цитированном письме к издателю сборников «Союз молодежи»: «...Радуюсь посылкой вам очень редких рукописей гениального Хлебникова — прошу... напечатать их[2] — это старый период его творчества... «Новый» Хлебников отпечатан уже порядком, драгоценные же образцы его прежнего творчества мало известны. Печатайте их «до точки»... Хлебников требует забот. Его надо собирать. Рукописи его надо хранить. Он требует, как никто, полного издания — досрочного — своих вещей. Это собрание ценностей, важность которых учтена сейчас быть не может...»

Предварительный критический анализ рукописей Хлебникова, необходимый для их правильной транскрипции, не мог быть тщательно сделан Д. Бурлюком, занятым функциями организатора футуристического движения. Сохранившиеся тетради, из которых был извлечен материал, помещенный преимущественно в «Творениях», а также в сборниках «Требник троих» (М., 1913) и «Первый журнал русских футуристов» (М., 1914), свидетельствуют о том, что большинство текстов было искажено: пропущены слова, неправильно прочтены отдельные неологизмы, в ряде случаев даны отброшенные Хлебниковым первоначальные варианты, некоторые стихотворения напечатаны не полностью, искусственно соединены отдельные куски и заготовки и, наконец, многие стихотворения и даже заготовки напечатаны под мнимыми заглавиями, представляющими собой записи отдельных слов и новообразований («Гробатая явь», «Вод-

[1] См. «Открытое письмо» от 15 февраля 1914 г. (Собр. произв., т. V, стр. 257.) Письмо это при жизни Хлебникова напечатано не было. 15 марта 1914 г. Д. Бурлюк писал Хлебникову: «... Мне... нужны все твои уже отпечатанные вещи в строго прокорректированном виде для полного собрания сочинений II тома».

[2] Сборник «Союз молодежи», № 4, где Д. Бурлюк предполагал поместить вещи Хлебникова, издан не был.

вига», «Смеянство древних зорь», «Боготекуя», «Чад-птица», «Червядь» и др.[1]).

Приведем типичные случаи семантической деформации хлебниковских неологизмов, обусловленной неправильным чтением рукописных текстов.

Словообразования «босеньсь» и «бесеньсь» («Творения», стр. 21) представляют собой искаженные неологизмы «босежь» и «бесежь» (по аналогии с «молодежь»). Здесь неправильное чтение обусловлено сходным начертанием рукописных букв «нс» и «ж». Правильное чтение восстановлено здесь по первопечатному тексту, выправленному в конце 1921 г. Хлебниковым.

Выражение «синемы взоров» («Творения», стр. 30) в найденном нами первоначальном беловом тексте «Учмицы» читается — «синеёмы взоров» (неологизм образован по аналогии с «водоёмы»).

Нередки также случаи, когда в результате неточной транскрипции общеупотребительные слова превращаются в мнимые неологизмы. См. вторую строку последней строфы стихотворения «Мы желаем звездам тыкать» («Творения» и Собр. произв., т. II):

Туда, где дух отчизны вымер
И где неверн в пустыню,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

При отсутствии рукописи реконструировать правильное чтение было бы невозможно, так как хореическое движение в этой

[1] См. автографы, хранящиеся в Гос. лит. музее в Москве: «Неумь, разумь и безумь» (тетр. I, л. 53); «Я отсвет» (тетр. I, л. 54, об. л. 54, л. 55, 56); «Я дева векиня» (тетр. I, об. л. 37); «Водич я» (тетр. I, об. л. 36); «Смертич, смертич, не смеши» (тетр. I, л. 22); «Времыши-камыши» (тетр. II, л. 84); «За мыслевом-кружевом» (тетр. I, об. л. 40); «Тебе поем родун» (тетр. I, об. л. 27); «В грезогах-сонногах» (тетр. II, об. л. 65); «Пламень леунностей влас» (театр. II, л. 94, 95); «И мертвостынь старого черепа» (вариант, театр. II, л. 59); «В порохе-волоке ворог идет» (театр. II, об. л. 40).

Некоторые из этих вещей были впоследствии отчасти исправлены А. Крученых и в его редакции перепечатаны в т. II Собр. произв. так же, как и впервые опубликованные в «Неизданном Хлебникове» вещи из тех же тетрадей: «Познал я числа» (тетр. I, л. 19); «Где ты, изгнанница» (тетр. I, об. л. 34); «Отсталость манных доль» (тетр. I, л. 35); «Времянин я» (тетр. I, л. 57); «Мизинич миг» (тетр. I, об. л. 50); «Стенал я» (тетр. II, л. 57). Неологизмы Хлебникова, помещенные Д. Бурлюком в сборн. «Творения», перепечатаны в т. II Собр. произв. среди «мелких стихотворений». В т. IV помещены производные от корнеслова «люб», под ошибочным заглавием «Любхо» (Рукопись в Гос. лит. музее, тетр. II, об. л. 90, л. 91). Многие неологизмы искажены.

строке может быть принято за ритмический перебой, а слово «неверь» может показаться типичным хлебниковским неологизмом, созданным по мнимой аналогии с «деверь». Сохранившийся беловой автограф дает правильное чтение строки, написанной, как и вся строфа, каноничным четырехударным ямбом:

И где неверия пустыня.

Аналогичный случай в стихотворении «Пен пан», написанном в 1915 г. и напечатанном Д. Бурлюком в сборнике «Четыре птицы» (М., 1916). Приведем строку, которая в первопечатном тексте представляет собой автономную ритмико-синтаксическую - единицу:

Бросает воздушный могуч менс.

Стихотворение «Пен пан» построено на каламбурных рифмах-перевертнях («бесе» — «себе» «на пне» — «пен пан», «воздух» — «худзов» и т. д.). Приведенная строка рифмует с предшествующей строкой, заканчивающейся словом «жемчуг». Это позволяет реконструировать рифму-перевертень: «могуч меж» и исправить пунктуационные опечатки, искажающие смысл стиховой фразы:

У вод я подумал о бесе
И о себе,
Над озером сидя на пне.
В реке проплывающий пен пан,
И ока холодного жемчуг
Бросает воздушный могуч меж
Ивы
Большой, как я вы.

Отметим также цензурные купюры, не восстановленные в «Собрании произведений». В стихотворении «Памятник», написанном в 1910 г. и впервые напечатанном в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912), из строк 73—74 цензура изъяла рифмовые слова «Знаменьи» и «Трубецкой», из которых можно было бы понять, что Хлебников имеет в виду петербургский памятник Александру III. Отдельные слова, изъятые цензурой в сборнике «Пощечина общественному вкусу», пунктиром заменены не были. Кроме того, цензура вычеркнула целиком строки 77 и 104, которые, очевидно, были расценены, как выпады против идеалов «законности и порядка». Все эти купюры восстановлены в «Собрании произведений», но строка 119 осталась в подцензурной редакции:

И пленному на площади тесно и узко.

Между тем, найденный нами первоначальный текст позволяет восстановить авторское чтение:

И пленному царю на площади тесно и узко.

Любопытно, что эта часть стихотворения Хлебникова предвосхищает тему стихотворения Маяковского «Последняя петербургская сказка» — о памятнике Петру I — «Узнику, закованному в собственном городе».

Стихотворение «Были вещи слишком сини» (1910) напечатано в сборнике «Творения» с лакунами и опечатками в строках 23—24, 31—35. В «Собрании произведений» текст восстановлен и исправлен по экземпляру «Творений», выправленному в конце 1921 г. самим Хлебниковым [1]. Однако, в строке 18 одно слово, рифмующее со словом «уста», Хлебниковым восстановлено не было. Правильное чтение, подсказываемое смыслом, размером и рифмой:

Перун толкнул разгневанно Христа.

Последнее слово было отброшено Д. Бурлюком, вероятно, по цензурным условиям.

Наконец, по свидетельству Г. Петникова, одно место в декларации Хлебникова «Труба Марсиан» (1916), не дозволенное военной цензурой, было зашифровано следующей редакцией: «Ведь мы бòсы (ошибка в согласной)». Первоначальный тèкст, подлежащий восстановлению: «Ведь мы боги».

В настоящем издании принято расположение материала по жанрам в хронологической последовательности.

Кроме вещей, публикуемых впервые по рукописям, в издание включены также печатные тексты, не вошедшие в «Собрание произведений». Большинство из них проверено и выправлено по автографам.

Впервые публикуются поэмы «Сердца прозрачней, чем сосуд...» (1912), «Суд над старым годом» (1912), «Как быстро носятся лета...» (1914), полный текст пьесы «Снежимочка» (1908) и около ста стихотворений, относящихся ко всем этапам поэтической работы Хлебникова.

Ранние стихи Хлебникова (1908) впервые публикуются не как «незаконченные наброски и черновики», а как художественно-полноценные произведения.

---

[1] Поправки Хлебникова были отчасти восстановлены А. Крученых в «Записной книжке Велимира Хлебникова», М., 1925, стр. 19.

В особом разделе помещены отрывки и черновики, имеющие самостоятельную ценность. Таковы, например, незаконченные поэмы «Песнь мне» (1911), «Медлум и Лейли» (1911), «Напрасно юноша кричал...» (1912), отрывки из первоначального текста поэмы «Вила и леший» (1912) и автобиографическая поэма «Жуть лесная» (1914).

В этом же разделе публикуются ранние вещи Хлебникова: «Передо мной варился вар...» и «Карамора № 2» (1909), написанные «вольным размером», восходящим к раешнику и басенному стиху и изобилующие литературно-бытовыми и полемическими намеками.

Публикуемые здесь прозаические произведения относятся преимущественно к дореволюционному периоду. Они дают представление о жанровой эволюции Хлебникова от ранних фрагментарных набросков до вещей 1912—1915 гг., в которых Хлебников пытался разрешить проблему фабульного повествования, используя фольклорный и исторический материал («Око», «Жители гор»).

Из вещей, вошедших в «Собрание произведений», вновь печатаются «Зверинец», «Маркиза Дэзес» и «Шествие осеней Пятигорска» — все окончательных редакциях.

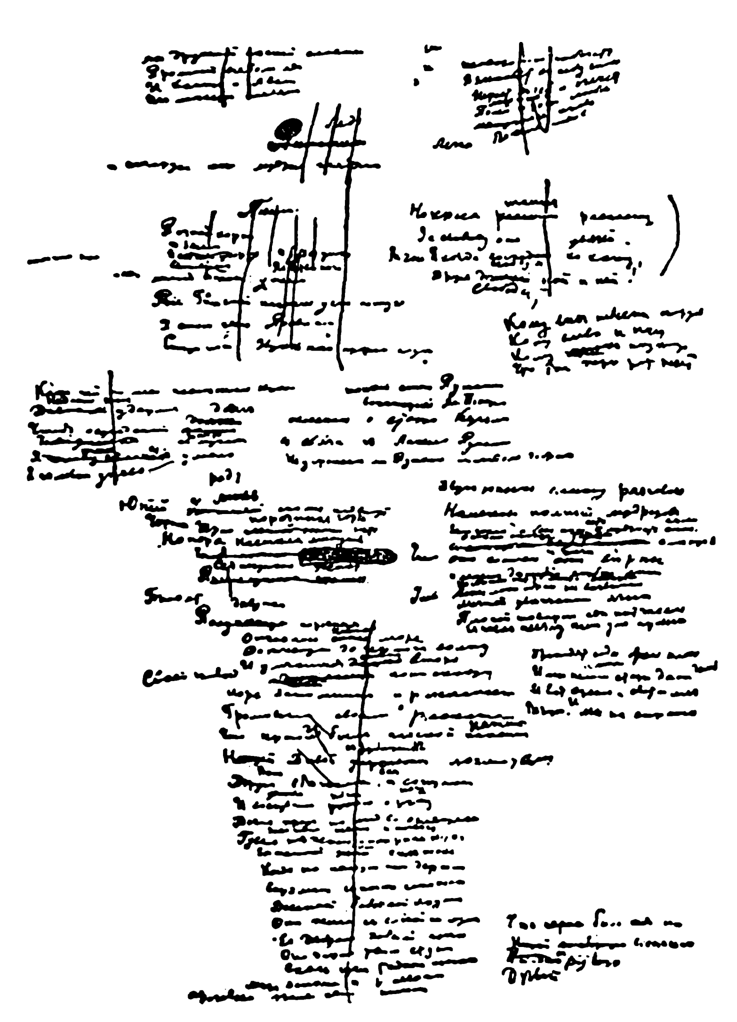
Впервые публикуемые 37 писем 1908—1922 гг. (до сих пор было напечатано около 70 писем) не только вносят существенные дополнения в биографию Хлебникова, но и по-новому освещают его литературные связи и взаимоотношения с современниками[1].

1938, август

---

[1] Выражаем благодарность следующим лицам, предоставившим материалы или сделавшим указания: Н. Н. Асееву, А. А. Ахматовой, Н. Д. и А. А. Безваль, Л. Ю. и О. М. Брик, Д. Д. Бурлюку, Г. О. Винокуру, Ц. С. Вольпе, С. М. Городецкому, В. Д. Ермилову, Л. И. Жевержееву, Л. Ф. Жегину, Г. Н. Петникову, Д. В. Петровскому, Н. Н. Пунину, Амф. Решетову, Ю. Д. Соколову, Н. Л. Степанову, В. Е. Татлину, В. В. Тренину, П. Н. Филонову, В Ф. Шехтель.

Особую благодарность выражаем Н. В. Новицкой, М. В. и О. К. Матюшиным, В. В. Каменскому, А. Е. Крученых и Д. И. Хармсу, предоставившим ценные материалы.

Черновик поэмы «Сердца прозрачней, чем сосуд» (1912).

ПОЭМЫ

I

<Первый голос>

[Сердца прозрачней, чем сосуд,
Вам судьбы горести несут.
Ведь вечно пролита там кровь,
Где вихрем смерча шла любовь.
Любовь приходит гневным смерчем
На слишком ясные зеркала,
Она вручает меч доверчивым
Чернобагрового закала.
Она летит резвей, чем голубь,
Где дремлет старая чета,
Она приводит деву в прорубь
Свести позорные счета.
Ее красивый отголосок,
Ее речам младой ау,
Чета голубеньких полосок,
Венком украсивших глазу.
Ее дела клянут отторженные
От всех забот, от всех забав,
Ей служат юноши восторженные,
На склоне берега упав.
Она ткет ткани ворожбы
Волшебных откликов божбы.
Она проворно внемлет клятве,
Быстрей, чем лани в нежной жатве]
О, ей послушник благодарствуй,
Скажи: богиня, нами царствуй,
Иди, тобой я вечно грезил,
Тебе престолы я ковал,
Когда бродил и тосковал.

Возьми меня, как кроткий жезел.
Тебе, стыдливой и воздушной,
Я, песни воин прямодушный,
Слагаю лучшие мечты
Во имя прежней красоты.
В тени славянского глагола
Тогда мечтали страсти голо,
И, звонкой кривдой не сочтешь,
Была красивей молодежь.
И цветов плетеный меч
Дает смелость мне воззвать,
Устать плясать и лечь
На дикую кровать,
И, не боясь жестоких сеч,
Союз верноподданных любови основать.]
И наша жизнь еще прелестней
К огням далеким потечет,
Когда воскликнем: «Нет небесней!»,
Тебе творя за то почет.
Чтоб, благодушно отвечая,
Ты нам сказала, не серчая:
«Да, вашей рати нет верней!
Равно приятны сердцу все вы.
Любите, нежные, парней,
Любимы ими будьте, девы!»
И, быть может, засмеется
Надевающий свой шлем,
Захохочет, улыбнется,
Кто был раньше строг и нем.
Как прекрасен ее лик!
Он не ведает вериг.
Разум, строгая гробница,
Изваяние на ней.
Сердце, жизни вереница,
Быстрый лёт живых теней.

(Кончает играть.)

II

Голос из сада

За мной знамена поцелуя,
И, если я паду сражен,
Пусть, поцелуй на мне оснуя,

Склонится смерть, царица жен.
Она с неясным словарем
Прекрасных жалоб и молений
Сойдет со мной, без царств царем,
В чертоги мертвых поколений.

III

Другой голос

Мы потоком звезд одеты.
Вокруг нас ночная тьма.
Где же клятвы? Где обеты?
Чарования ума?
Скорый почерк на записке,
Что кольцом ладони смята.
Знаю, помню, милый близко.
Ночь покровом сердцу свята.
Милый юноша, ужели
Гневный пламень уст потух?
Я стою здесь. Посвежели
Струи ночи. Чуток слух.

IV

Первый голос

Порок сегодня развевает
Свои могучие знамёна
И желтой тканью одевает
Ночные тусклые времёна.
Божниц в ресницах образа,
С свирелью скорбные глаза,
Вы мне знакомы с молодечества,
Я это вам везде ответствовал.
И взоров скорбное отечество,
Когда страдал, любил и бедствовал.
О, это вам прекрасно-жгучим
Послушны, мы порокам учим.
Как дуновенье поздних струй
И сна обещанный покой,
Твой обетован поцелуй
Твоей объемлемым рукой.

V

Второй голос

Воды тихи; воздух красен,
Чуть желтеет он вверху,
Чуть журчит ветвями ясень,
Веткой дикою во мху.
Хоть и низок Севастополь,
Целый год крепился он
Я стройна, как гордый тополь,
Неприступна с всех сторон.
Ах, Казбек давно просился
Под владычество Москвы,
Но позднее оросился
Кровью снег его главы.
На усердных богомолов
Буду Дибич и Ермолов.
Дева, бойся указаний
Кремля белого Казани.
Стены, воином пробиты,
Ведь не нужны для защиты.
Были ведомы ошибки
И под Плевной, и на Шипке.
Я их встречу, как Кутузов
Рать нестройную французов.
Ты, что прелести таила,
Право, хрупче Измаила.
Нет, как воин у Царьграда,
Страх испытывая около,
Не возьмешь того, что надо,
Резвой волей в сердце сокола.
Нет, на строгой битве взоров
Буду воин и Суворов!
И красавцу Святославу
Дам и Нарву, и Полтаву!
Я же, выявив отвагу,
У Варшавы возьму Прагу!
Ныне я и ты, мы воины,
Перестанем успокоены.
Нет, цветущие сады
Старой тайны разум выжег.
В небесах уже следы
От подошвы глупых книжек.

VI

Второй голос

Кто сетку из чисел
Набросил на мир.
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Останься, странник. Посох брось!
Земного шаоа хочет ось,
Чтоб роковому слову смерть
Игрушкою была в час полночи твердь.
Там сумрак, тень, утес и зной,
Кусты, трава, приюты гаду.
И тополь тонкий и сквозной
Струит вечернюю прохладу.
Стоит священный знойный день,
Журчит ручья руки кистень.
Через каменный дневник,
Одеваем в тени тучею,
В кружев снежный воротник
Ты струей бежал гремучею.
Ты, как тополь стеклянный,
Упав с высоты,
О, ручей, за поляной
Вод качая листы.
Здесь пахнут травы медоносы
И дальни черные утесы.
И рядом старый сон громад,
Насупив темное чело,
Числа твоих брызг, водопад,
Само божество не сочло!
И синий дрозд
Бежал у камений,
И влажный грозд
Висит меж растений
Казалось мне, что словом разностопным
Ручей пел славу допотопным
Спутникам прошлых миров,
Жизнь их, веселие, ужасы, гибели.
Те, что от пиршеств столов
В дебри могильные скопами выбыли.

Ах, диким конем в полуденный час
Катился ручей, в ущелии мчась!
Вы, жители нашей звезды,
Что пламень лишь в время ночей.
Конем без узды
Катился ручей.
Вся книга каменного дна
Глазам понятна и видна.
Вверху прозрачная уха
Из туч, созвездий и светил,
Внизу столетий потроха,
По ним валы ручей катил.
Деревьев черные ножи
На страже двух пустынь межи.
Ладьи времен звук слышен гребли,
И бьет зеленые млат стебли.
Под стеклянной плащаницей
Древних мощей вереница.
На этом кладбище валов
Ручья свобод на ложе каменном
Носился ящер-рыболов
С зрачком удава желтым пламенным
И несся рык,
Блестели пасти.
Морских владык
Боролись страсти
За право воздуха глотка,
За право поцелуя.
Теперь лежат меж плитняка,
Живою плотию пустуя.
Сих мертвых тел пронзая стаю,
Я предостережение читаю
Вам, царствам и державам,
Коварствам, почестям и славам.
Теперь же все кругом пустынно,
Вверху, внизу утесов тына,
Под стеклянным плащем,
Меж дубровы с плющем.
Из звезд морских, костей и ниток,
И ракообразных, и улиток,
Многосаженных ужей,
Подводных раков и ежей

Могильным сводом дикий мост
Здесь выгнула земля,
Огнув кольцом высокий рост
Утесов стройного кремля.
Давно умершее жилище,
Красноречивое кладбище,
Где высок утесов храм
Старой крепостью лучам.
Неутомимая работница,
Гробов задумчивая плотница,
То тихий отдых, то недуг,
Своим внимательная взором,
По этим пажитям усталым
Свой проведи усталый плуг.
Давно обманут кубком малым,
Давно разбит я в бурях спором,
Давно храню отчаянья звук!
Приход твой славит, кто устал,
Кто прахом был и прахом стал!

VII

Первый голос

Слушай: отчаялось самое море
Донести до чертогов волну
И умчалося в пропасти, вторя
В вольном беге коню-скакуну.
Оно вспомнит и расскажет
Громовым своим раскатом,
Что чертог был пляской нажит
Дщерью в рубище лохматом.
Вдруг вспорхнула и согнулась
И, коснувшись рукою о руку,
Точно жрец на других оглянулась,
Гусель гулких покорная звуку.
Не больше бел зимы снежок,
Когда, на пальцах ног держась,
Спрямит с землею сапожок,
Весенней бабочкой кружась.
Она легка; шаги легки.
Она и светоч и заря.

Кругом ночные мотыльки,
В ее сиянии горя.
Море вспомнит и расскажет
Грозовым своим глаголом,
Что чертог был пляской нажит,
Пляской в капище веселом.
Синеет река,
От нас далека.
В дымке вечерней
Воздух снуст.
Голос дочерний
Земля подает.
Зеленых сосен
Трепет слышен.
И дышит осень,
Ум возвышен.
Рот рассказов,
Взор утех.
В битве азов
Властен грех.
Я еще не знаю, кто вы,
Вы с загадочным дерзанием,
Но потоки тьмы готовы
Встретить вас за все лобзанием
Но краса таит расплату
За свободу от цепей.
В час, когда взойду я к кату,
Друг свободы, пой и пей!
Вспомни, вспомни
Как погиб!
Нет укромней
Стройных лип.
Там за этой темной кущей
Вспомни синий тот ручей.
Он цветуще-бегущий
Из ресниц бежит лучей.
Две богини нами правят!
Два чела прически давят!
Два престола песни славят!
Хватая бобра за усы
В стране пустынь златой красы,
На севере соседим
С белым медведем.

VIII

Как чей-то меч железным звуком,
Недавно здесь ударил долг.
И, осужденный к долгим мукам,
Я головой упал, умолк.
На берега отчизны милой
Бросал я пену и буруны.
Теперь поник главою хилой,
Тростник главою желтострунный.
Храбрее, юноши! Недаром
Наш меч. Рассудком сумрак освещай
И в битвах пламенным ударом
Свой путь от терний очищай.
Я видел широкого буйвола рог
И умирающий глаз носорога.
А поодаль стоял весь в прекрасном пророк
И твердил: в небесах наступает тревога!
Он твердил: тот напиток уж выпит,
Что рука наливала судьбы,
И пророчества те, что начертит Египет,
Для всеобщего мира грубы.
Он мне поведал: забудутся игры,
Презрение ляжет на кротость овцы,
В душах возникнут суровые тигры,
Презреньем одеты свободой вдовцы.
Я видел бабр сидел у рощи
И с улыбкой дышал в ствол свирели.
Ходили, как волны, звериные мощи,
И надсмешкою брови горели.
И с наклоном изящным главы
Ему говорила прекрасная дева,
Она говорила: любимцы травы!
Вам нехватает искусства напева!
Ужель не верх земных достоинств
Быть единицей светлых воинств?
Вас, презираемых мечом,
Всех неокровавленных войной,
Бичуй мой слог, секи бичом,
Топчи и конь мой вороной,
И поток златых кудрей
Окровавленного лика
Скажет многих книг мудрей:

Жизнь прекрасна и велика.
Нет, не одно тысячелетье
Гонитель туч, суровый Вырей,
Когда гнал птиц лететь своею плетью
Гуси тебя знали, летя над Сибирью.
Твой лоб молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей,
Но, как раньше, блистают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.
И ты застыл в плащах косматo-рыжих,
Как сей страны нетленный разум,
И лишь тунгуз бежит на лыжах,
Скользя оленьим легким лазом.
О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать,
Какой-то молнии куском
Бросать на темную кровать!
Перед тобою Ян Собесский,
Огонь восторга бьется резкий.
И русские вы оба,
Пускай и «нет» грохочет злоба.
Юный лик спешит надвинуть
Черт порочных чорта сеть.
Но пора настала минуть,
Погремушкою греметь!
Пояс казацкий с узорною резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Иль вспыхнувший грозно в час ночи разбой,
То полнило душу мою человек.
То к свету солнца Купальского
Я пел, ударив в струны,
То, как конь Пржевальского,
Дробил песка буруны.
И, как сквозь белый порох, стен
Блестят иконы Византии,
Так не склоню пред вами я колен,
Судители России.
Смотрите, я крылом ширяю
Туда, в седой мглы белый дол
И вас полетом примиряю,
Я, встрепенувшийся орел.
Мы — юноши. Мечи наши остро отточены.
Раздавайте смело пощечины.

Юношей сердца смелей
Отчизны полей королей!
Кумирами грозными, белыми,
Ведайте, смелы мы!
Мы крепнем дерзко и мужаем
Под тяжким бедствий урожаем.
Когда в десне судьба резцом прорежет,
Несется трусов вой и скрежет.
Меч! Ты предмет веселый смеха,
Точно серьги для девиц,
Ревных юношей утеха,
Повергая царства ниц,
О мире вечном людской брехни
Поклоннику ты скажешь:
Сейчас умрешь! Еще вздохни!
И холодно на горло ляжешь.
Учитель русского семейства,
Злодей, карающий злодейство.
Блажен, кто страсть тобой владеть
Донес до долга рокового.
Промолвит рок тебе: ответь!
Ты року скажешь свое слово.
А страницы воли звездной
Прочитает лязг железный.
Он то враг, то брат свободы,
Меч, опоясавший народы.
Когда отчизна взглядом гонит,
Моей души князь Понятовский
Бросался с дерзостью чертовской,
Верхом плывет и в водах тонет...
Военная песнь, греми же всё ближе!
Греми же! Звени же!

IX

Из отдыха и вздоха
Веселый мотылек
На край чертополоха
Задумчиво прилег.
Летит его подруга
Из радуги и блеска,

Два шелковые круга,
Из кружева нарезка.
И юных два желанья,
Поднявшихся столбом.
Сошлися на свиданье
И тонут в голубом.
На закон меча намек
Этот нежный мотылек.
Ах, юнак молодой,
Дай тебе венок надену!
Ты забудешь разбой,
Ты забудешь измену.

X

Но пусть свобод твоих становища
Обляжет сильных войск змея.
Так из чугунного чудовища
Летит высокая струя.
Мы жребия войн будем искать,
Жребия войны земле неизвестного.
И кровью войны будем плескать
В лики свода небесного.
Ведь взоры воинов морозны,
А их уста немы и грозны.
Из меди и стали стянут кушак,
А на голове стоит шишак.
Мы устали звездам выкать,
Научились звездам тыкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Пусть в ресницах подруг,
Как прежде, блистает таинственное.
Пусть труды и досуг
Юношей — страсть воинственная.
Все ходит сокол около
Прямых и гладких стен.
В походке странной сокола
Покой предчувствием смятен.
Он ходит, пока лов
Не кончен дикой смерти,
И телом мертвых соколов
Покой темницы смерьте.

Будьте грозны как Остраница
Платов и Бакланов
Полно вам кланяться . . .
Роже басурманов
священный вымер
Туда, где дух ~~священный вымер~~
И где неверья пустыня —
Идите грозные владыки
Или с другими добрыми

Се толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя
Вейся, вейся русское знамя
Веди через сушу и через хляби.

СУД НАД СТАРЫМ ГОДОМ

1

Новый год на суд приходит
И такую речь заводит:
«Что здесь было, мне поведайте,
А затем обедайте».
И в усы старик закрякал:
«Сам я царство отдаю, —
Старый год, смеясь, заплакал,
Так оставь мне жизнь мою.

2

Судей ждал я; ждать наскучась.
Почему такая участь
Суждена мне, старику?
Вдруг пришел: кукареку!
Позабыв про долг приязни,
Позабыв со мной гуторить,
Назначаешь время казни.
Вдруг назначил... Поздно спорить!»

3

«Это верно он заметил, —
Заступился месяц светел.
«Что ж, отбросив казнь лютую,
Сердце старца испытую».
«Перед казнью запятую
Ты на время мне поставил,
А жизнь мною прожитую
Обесславил мимо правил».

4

Это худо. Так негоже.
Старцам честь всего дороже.
Так не делают нигде,
Ни в весельи, ни в беде.
Люд осведомится: вы чей?
У пригожего пришельца,
А потом велит обычай
Года старого есть тельце.

5

Стал невесел он, как деверь,
Не дает старик тебе вер.
Прямо старого не взять,
Вижу нож и рукоять.
Но вы сделали ошибку,
Вместо е поставлю ять.
Чу, сокрыв свою улыбку,
Хочет малый год пенять.

6

Если сделана она,
То не наша то вина,
Квасу весело здесь не пито
Меж веселого меж лепета.
Здесь сидели дружно мы
И курили свой тютюн,
Как гребцы кругом кормы.
Ждали, к нам приходит юн.

7

И недели здесь сидели,
Песни пели еле-еле,
От мороза грустно ежась,
Судьбой дедушки тревожась.
Нет, не правда! Мы все знали,
Юный год напрасно строг.
Если худшее (едва ли),
Дед отправится в острог.

8

В год невзгод, как в годы случая,
Верным будет сердце лучшее.
Знать, не страшны ни морозы,
Ни жестоких слов угрозы.
Это первая победа,
Что веселой чередой
Утешали слезы деда
С белой снежной бородой.

9

Да мы плакали не раз,
Будь с ним добрым, — вот наш сказ.
Если так сказал коварно,
Это нынче благодарно!
Вас на гуслях воспоют,
Сложат песни вам на славу,
В цепь его же закуют,
Бросят мишке на забаву.

10

Наш пришелец, современнее
Быть вам грубым с нами менее.
Он наш друг и он нам мил,
Мучил семь дней и томил.
Семь трудились только суток,
Так велит закон иль норов.
Да и эти полны шуток,
Смеха, легких разговоров.

11

И неясных обожаний,
И кумиров развенчаний?
Пусть хотя бы даже эдак.
Смех не так уж част и редок.
Как бы ни был смысл ваш едок,
Остроумен, зол и колок,
Не смутишь тем ты соседок,
Не боимся мы иголок.

12

Что ни слово, примем жарче,
Что ж на это скажешь, старче?
Ты силен с такой защитой,
Смотришь болсе сердитей.
Год пришелец! Не порочим
Мы тебя словес речьбой,
Так зачем пришел, как отчим,
И грозишь творить разбой?

13

Так-то так, но меж словес
Не сокрыт ли хитрый вес?
Где два юных смелых глаза,
Там веселье и проказа.
Я боюсь, чтоб не надули
Нас веселые недели.
Слишком весело взглянули,
Когда рядышком сидели.

14

[С] их лукавым словарем
Ни проснемся, ни умрем.
Лучше будет, если вместе
Обмозгуем дело чести.
Уж зима уходит белая,
Скоро лето и весна.
Расскажи мне, что вы, делая,
Жили день и миги сна.

15

Ты жесток к нам, мы невинны.
Нет в нас жизни половины.
И не знаем всех вестей,
Всех упадших крепостей.
Если смотрим щегольски,
Если взор в мечах ресницы,
То затем, что седоки
Рока ласковой десницы.

16

Это будет без лукавства,
Озорства, самоуправства.
В этом честный виден разум,
Время дать отпор проказам.
Ветер так заметил умный,
Он на крыльях поднялся
И, прозрачный, стройный, шумный,
Быстро на небо взвился.

17

Все твердит одно, как дятел:
Видно, новый сразу спятил.
Чай, мы вместе, мы его!
Нет, голубчик, не того!
Дед, родной, тебя морочат.
Тебя жалко: дедка беден.
Нет, не ты, но мертвый кочет,
Он же будет нами съеден.

18

Помним всё же: быть соседом
Неприятно с людоедом.
Коли речь шла не о дедке,
Мы бы стали людоедки.
Козявки, мошки, много надо ли,
Чтоб был стол великолепен.
Ведь умеет быть от падали
Сытым младший Юрий Репин.

19

Пить скорее сок березы
Буду, лить чем белы слезы,
Что попал на стол теленок,
Дитя слабое пеленок.
Слезы вымой, дед любимый,
Резво по снегу пляши.
Слезы вымой, подсудимый,
И улыбкой насмеши.

20

«Ишь ты выдумал какое,
Что уха я иль жаркое?
Сами знаем, было б худо,
Будь я подан вам на блюдо
Руки кверху, ноги в боки,
Раз и два, два, два и три.
Мы же смотрим резвооки.
Крепче, милая, смотри».

21

Раскраснелся он и вымок
От скачков и от ужимок.
Лихо, лихо дед плясал,
Снег на елки разбросал.
Как награду чудной прыти
Этих добрых старых ног,
Не пойти ль и раздобыти
Победителю венок?

22

«Быть спящими обязанность,
Но тут есть недосказанность.
Не уйду я, дам присягу,
Здесь всхрапнуть я только лягу».
«Вот что, дед, брады не комкай,
Борода твоя чиста.
Ляг, но раньше почеломкай
Меня в красные уста».

23

«Это дело, это любо,
Протяни, мальчишка, губы.
Это точно есть обычай,
Смена власти и величий.
Эх, я лихо расплясался,
Вспомнил молодость свою,
Даже горб мой зачесался,
Что тут делать, не таю».

24

Посмотрите, засыпает,
Даже голубь улетает,
Чтобы сну не помешать,
Чаши сна не осушать.
«Вот что, слухай, детвора,
Не хотел я остепениться,
Теперь вижу, что пора!
Жизнь уходит прочь, изменница.

25

На пуховой, на постельке
Вас качал я в колыбельке,
А теперь я отхожу
И не очень я тужу.
Сам, вы видите, устал
И [уж] жребий жизни вынул.
Кубок жизни опростал
И дном кверху опрокинул».

26

Кто узнает, кто поведает,
Что о чем во сне беседует.
Будет гость наш хорохориться.
Станем петь, за песней спорится.
«Жизнь веселые остроты
Замышляет и находит.
Тот пришел, а тот в ворота
В те же самые уходит».

27

Я боюсь, что ненароком
Мы напомним о жестоком.
Лучше будем, сестры, тихи.
Избегая слов шумихи.
Это верно и умно,
Надо спящего щадить.
Но сейчас уже темно,
Скоро полночь будет бить.

28

«Так-то так, — сказал, кто слышит,
Посмотрите, он не дышит».
Что? Неправда! Быть не может.
Да рот ветра не тревожит.
Грудь крепка и неподвижна,
И ее застыла кузница.
Красота лица так книжна,
Уж другого мира узница.

29

В глубине глаз темносиней
Тает вестник вьюги, иней.
Уронив на жизнь намеки,
Остывает краснощекий,
Белобрадый старый год.
Так печалью веют тучи,
Озарив собой заход,
Обагрив гор снежных кручи.

30

Год-младенец, будь привстлив.
Каждый вождь в начале сметлив.
Всё обман и суета,
Эта жизнь и жизнь та.
Мы же видим: точно пар,
Подымается он к тучам
И венками легких пар
Помогаем быть летучим.

31

Позабыв игру и песенки,
Взмахом крыл поставив лесенки,
Улетает в небеса
Года старого краса.
Мы крылом гробницу движем.
Старый дедушка малинов
И следит, в гробу недвижим,
Стрелку страшных властелинов.

32

То, что будет, чья вина?
Старость люди не забыли.
Но что будет впредь страна,
Где сердца давно уж были?
Новый год, смеясь, я встречу,
Встречу хладен и спокоен.
Так готов рассеять сечу
Каждый умный светлый воин.

— Как быстро носятся лета!
— Нет. Посмотри, здесь кровью кажутся цветы.
Ужели та здесь пролита?
— Зачем? Мы едем ведь на праздник?
— Скажи, не будь же бестолков —
Ведь да? [Смотри, детей как блещут рты!]
— Что ж, это ягоды волков,
А это там цветет лабазник,
Всё очень мирные цветы
И зла не ведают наверное.
Вдали же рожь струится мерная
И клонит колос на стебле.
И сыч чернеет на крыле
У мельницы. — Ты озабочен?
— Не очень.
Но мимо воли
К нему я еду.
Сейчас мы едем в спорном поле.
Он должен был моему деду.
Колеса застукали
Тревожно и странно. — Ты побелела вновь?
И, путаясь с рожью, презренные куколи
Шептали слова про убийство и кровь.
— Пустяк.
Багряный, весь красный, летел мотылек.
И над коляскою белый прилег
Костяк.
Спокойно, тревожно, не тряско,
С соломенным верхом катилась коляска.

И, точно на солнце на речке песок,
В ней вспыхивал волосом детский висок.
Где аист мирно верещал,
Нашедший в кровле свой насест,
И в доску кто-то возвещал
Соседей к празднику приезд,
Вдоль степ стоял чертополох,
Стены сшивал каменья мох.
Мрачно-высокие, белые,
С чугунным литьем наверху
И мелом поддельным не целые,
Несли камни зданье во мху.
— Мне плохо. Не будет здесь моей ноги!
— Добро пожаловать, враги!
Нам скажет только клеветник.
— Дорога к нам через цветник
Туда. Но дивный воздух. Я не льщу.
А за столом я чашею вспененной
И юной олениной
Я отомщу
И свежей козлятиной вас угощу.
Свидетели — эта рука,
И башни — над ними склонились века,
И облако — губка росы.
Наверно, сейчас уж рука мясника
Оленей бросает, шутя, на весы.
Пока ж украсят пускай разговоры
Чело этой старой запутанной ссоры.
Радушно умею я дружбу встречать.
Кто стонет? То стали олени кричать.
— Мне страшно! Как страшно похож
Их голос на голос детей.
— По горлу скользнул; верно, повара нож.
Знать, он неискусен в строеньи костей.
А повар наш новый, еще он неловок
И, может, боится оленьих головок.
Здесь, роя семян живописные мощи,
Те, с хмурой насупленной бровью
И тонки, с узкой грудью и тощи,
Приходят, шурша, к изголовью.
Как их черты лица окончены,
А женщины кровавы и утончены.
Вот Нада.

Она себя звала «оно».
Не надо
Тревожить то, что умерло да́вно.
Стоит, любя, с «зубною свечкой»,
А тот, ружья не знав осечки,
Вел гончих свору сквозь леса
Или верхом на волчьей сыти,
Одевши тенью небеса,
Желал одно: скорей забыть их.
Всё это — праотцы мои.
У роко́вой струи,
Забыв о позднем, забыв о раннем,
Мы рушить оленину станем.
Друзья! Извольте меня слушать.
Вам стол готов, прошу откушать —
Зерно воды шипит в стаканах,
И редкие блюда среди овощей.
Блистают железа на воинах бранных.
Вот этот козленок был худ, как кощей,
А взгляды его были тонки.
Солите его из солонки!
Тут оно. Чуть чуть сладковато.
Отведайте. А вам, коза, запрещено —
Вы мать и сами виноваты.
Один знаток всех уверял,
Что .в вкусе коз есть сходства уйма,
Ему я имя потерял,
Но с... материнским поцелуем.
— Мне дурно, дурно... спасите.
— С ней обморок, холодной воды принесите!
Истома, сон и нездоровость.
— Теперь, любезный сосед!
Открою я новость:
Ты сыноед!
Позавтракал ты сыновьями,
И дочерь отведал ты нехотя.
Лежат на столе сыновья.

Два мертвых с тех пор, два наказанных трупа
В час полночи бились мертвецки и скупо.

ШЕСТВИЕ ОСЕНЕЙ ПЯТИГОРСКА

1

Опустило солнце осеннее
Свой золотой и теплый посох,
И золотые черепа растений
Застряли на утесах.
Сонные тучи осени синей,
По небу ясному мечется иней;
Лишь золотые трупики веток
Мечутся дико и тянутся к людям:
«Не надо делений, не надо меток,
Вы были нами, мы вами будем».
Бьются и вьются,
Сморщены, скрючены,
Ветром осенним дико измучены.
Тучи тянулись кверху уступы.
Черных деревьев голые трупы
Черные волосы бросили нам,
Точно ранним утром, к ногам еще бо́сым
С лукавым вопросом:
«Верите снам?»
С тобой буду на ты я.
Сады одевают сны золотые.
Все оголилось. Золото струилось.
Вот дерева призрак колючий:
В нем сотни червонцев блестят!
Скряга, что же ты?
Пойди и сорви,
Набей кошелек!
Или боишься, что воры
Большие начнут разговоры?

2

Грозя убийцы лезвеем,
Трикратною смутною бритвой,
Горбились серые горы:
Дремали здесь мертвые битвы
С высохшей кровью пены и пана.
Это Бештау грубой кривой,
В всплесках камней свободней разбоя,
Похожий на запись далекого звука,
На А или У в передаче иглой
И на кремневые стрелы
Древних охотников лука,
Полон духа земли, облаком белый,
Небу грозил боевым лезвеем,
Точно оно — слабое горло, нежнее, чем лен.
Он же — кремневый нож
В грубой жестокой руке,
К шее небес устремлен.
Но не смутился небесный объем:
Божие ясно чело.
Как прокаженного крепкие цепи
Бештау связали,
К долу прибили,
Ловкие степи:
Бесноватый дикарь — вдалеке!
Ходят белые очи и носятся полосы,
На записи голоса,
На почерке звука жили пустынники.
В светлом бору, в чаще малинника
Слушать зарянок
И желтых овсянок.
Жилòю была
Горная голоса запись.
Там светлые воды и камни-жрецы,
Молились им верно седые отцы.

3

Кувшины из древле умершего моря
Стояли на страже осени серой.
Я древнюю рыбку заметил в кувшине.
Плеснулась волна это

Мертвого моря.
Из моря, ставшего серым строгим бревном,
Напилены доски, орлы
Умной пилой человека.
Лестниц-ручьев, лада песен морей,
Шероховаты ступени.
Точно коровий язык. Серый и грубый, шершавый
Белые стены на холмы вели
По трупам усопшей волны, усопшего моря.
Туда, на пролом,
Где орел и труп моря,
Крылья развеял свои высоко и броско,
Точно острые мечи.
Над осени миром покорнее воска
Лапти шагают по трупам морей,
Босяк-великан беседует тихо
Со мной о божиих пташках.
Белый шлем над лицом плитняковым холма, степного вождя,
Шероховатые шершавы лестниц лады
Песен засохшего моря!
Серые избы из волн мертвого моря, из мертвого поля для буры!
Для китов и для ящеров поляна для древней лапты стала доской.
Здесь кипучие ключи
Человеческое горе, человеческие слезы
Топят бурно в смех и пение.
Сколько собак,
Художники серой своей головы,
Стерегут Пятигорск.
В меху облаков
Две Жучки,
Курган Золотой, Машук и Дубравный.
В черные ноздри их кто поцелует? Вскочат, лапы кому на плечо положив?
А в городе смотрятся в окна
Писатели, дети, врачи и торговцы!
И волос девушки каждой — небоскреб тысяч людей!
Эти зелены крыши, как овцы,
Тычутся мордой друг в друга и дремлют.

Ножами золотыми стояли тополя,
И девочка подруге кричит задорно «ля».
Гонит тучи ветреный хвост.

4

Осени скрипки зловещи,
Когда золотятся зеленые вещи.
Ветер осени
Швырял листьями в небо, горстью любовных писем,
И по ошибке попал в глаза (дыры неба среди темных веток).
Я виноват,
Что пошел назад.
Тыкал пальцем в небо,
Горько упрекая,
И с земли поднял и бросил
В лицо горсть
Обвинительных писем,
Что поздно.

5

Плевки золотые чахотки
И харканье золотом веток,
Карканье веток трупа золотого, веток умерших,
Падших к ногам.
Шурши, где сидела Шура, на этой скамье,
Шаря корня широкий сапог, шорох золотого,
Шаря воздух, садясь на коней ветра мгновенного,
В зубы ветру смотря и хвост подымая,
Табор цыган золотых,
Стан бродяг осени, полон охоты летучей, погони и шипа.

6

Разбейся, разбейся,
Мой мозг о громады народного «нет».
Полно по волнам носиться
Стеклянной звездою.

Это мне над рыжей степью
Осени снежный кукиш!
А осень — золотая кровать
Лета в зеленом шелковом дыме.
Ухожу целовать
Холодные пальцы зим.

7.

Сталн черными, ослепли золотые глазята
подсолнухов,
Земля мостовая из семенух.
Сколько любовных речей
Ныне затоптано в землю!
Нежные вздохи
Лыжами служат моим сапогам.
Вместе с плевком вспорхнули на воздух!
Это не сад, а изжога любви,
Любви с семенами подсолнуха.

БЕРЕГ НЕВОЛЬНИКОВ

Невольничий берег,
Продажа рабов
Из теплых морей,
Таких синих, что болят глаза, надолго
Перешел в новое место:
В былую столицу белых царей,
Под кружевом белым
Вьюги, такой белой,
Как нож, сослепа воткнутый кем-то в глаза.
Зычно продавались рабы
Полей России.
«Белая кожа! Белая кожа!
Белый бык!»
Кричали торговцы.
И в каждую хату проворнее вора
Был воткнут клинок
Набора.
Пришли; смотрят глупо, как овцы,
Бьют и колотят множеством ног.
А ведь каждый — у мамыньки где-то, какой-то
Любимый дражайший сынок.
Матери России, седые матери,
— Войте!
Продаватели
Смотрят им в зубы,
Меряют грудь,
Щупают мышцы,
Тугую икру.
«Повернись, друг!»

Врачебный осмотр.
Хлопают по плечу:
«Хороший, добрый скот!»
Бодро пойдет на уру
Стадом волов,
Пойдет напролом,
Множеством пьяный голов,
Сомнет и снесет на плечах
Колья колючей изгороди,
И железным колом
С размаха, чужой
Натыкая живот,
Будет работать,
Как дикий скот
Буйным рогом.
Шагайте! С богом!
Прощальное баево.
Видишь: ясные глаза его
Смотрят с белых знамен.
Тот, кому вы верите.
«Бегает, как жеребец. Рысь! Сила!
Что, в деревне,
Чай, осталась кобыла?
Экая силища! Какая сила!
Ну, наклонись!»
Он стоит на холодине наг,
Раб белый и голый.
Деревня!
В одежды визга рядись!
Ветер плачевный
Гонит снега стада
На молодые года,
Гонит стада,
Сельского хама рог,
За́ море.
Кулек за кульком,
Стадо за стадом брошены на палубу,
Сверху на палубы строгих пароходов,
Мясо, не знающее жалости,
Не знающее жалобы,
Бросает рука
Мировой наживы,
Игривее шалости.

Страна обессынена!
А вернется оттуда
Человеческий лом, зашагают обрубки,
Где то по дороге, там на чужбине,
Забывшие свои руки и ноги.
Бульба больше любил свое курево в трубке.
Иль поездами смутных слепцов
Быстро прикатит в хаты отцов.
Вот тебе и раз!
Ехал за море
С глазами, были глаза, а вернулся назад без глаз.
А он был женихом!
Выделка русской овчинки!
Отдано русское тело пушкам
— В починку! Хорошая починка!
В уши бар белоснежные попал
Первый гневный хама рев:
Будя!
Русское мясо! Русское мясо!
На вывоз! Чудища морские, скорее!
А над всем реют
На знаменах
Темные очи спаса
Над лавками русского мяса.
Соломорезка войны
Железной решеткою
Втягивает
Все свежие
И свежие колосья
С зернами слез Великороссии.
Гнев подымался в раскатах:
Не спрячетесь! Не спрячетесь!
Те, кому на самокатах
Кататься дадено
В стеклянных шатрах,
Слушайте вой
Человеческой говядины
Убойного и голубого скота.
«Где мои сыны?»
Несется в окно вой.
Сыны!
Где вы удобрили
Пажитей прах?

Ноги это, ребра ли висят на кустах?
Старая мать трясет головой.
Соломорезка войны
Сельскую Русь
Втягивает в жабры.
«Трусь! Беги с полей в хаты», —
Кричит умирающий храбрый.
Через стекло самоката
В уши богатым седокам самокатэ,
Недотрогам войны,
Несется: «Где мои сыны?»
Из горбатой мохнатой хаты.
Русского мяса
Вывоз куй!
Стала Россия
Огромной вывеской,
И на нее
Жирный палец простерт
Мирового рубля.
«Более, более,
Орд
В окопы Польши,
В горы Галиции!»
Струганок войны стругает, скобля,
Русское мясо.
Порхал в столице.
Множество стружек
— Мертвые люди!
Пароходы-чудовища
С мерзлыми трупами
Море роют шурупами,
Воют у пристани,
Ждут очереди.
Нету сынов!
Нету отцов!
Взгляд дочери дикий
Смотрит и видит
Безглазый, безустый мешок
С белым оскалом,
В знакомом тулупе.
Он был родимым отцом
В далекой халупе.
Смрадно дышит,

Хрипит: «Хлебушка, дочка»
. . . .
Обвиняю!
Темные глаза спаса
Белых священных знамен,
Что вы трепыхались
Над лавками
Русского мяса
Молча
И не было упреков и желчи
В ясных божественных взорах,
Смотревших оттуда.
А ведь было столько мученья,
Столько людей изувечено!
И слугою войны — порохом
Подано столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного сливки,
Сливки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожние
— Дали...
Сельская голь стерегла свои норы.
Пушки-обжоры
Саженною глоткой,
Бездонною бочкой
Глодали,
Чавкая,
То, что им подано
Мяса русского лавкой.
Стадом чугунных свиней,
Чугунными свиньями жрали нас
Эти ядер выше травы скачки.
Эти чугунные выскочки,
Сластены войны,
Хрустели костями.
Жрали и жрали нас, белые кости,
Стадом чугунных свиней.
А вдали свинопас,
Пастух черного стада свиней,
— Небо синеет, тоже пьянся,
Всадник на коне едет.

Мы
Были жратвой чугуна,
Жратвою, — жратва!
И вдруг же завизжало,
Хрюкнуло, и над нею братва, как шершнево жало,
Занесла высоко
Кол
Священной
Огромной погромной свободы.
Это к горлу же
Бэ
Приставило нож, моря тесак,
Хрюкает же и бежит, как рысак.
Слово братва, цепи снимая
Работорговли,
Полетело, как колокол,
Воробьем с зажженным хвостом
В гнилые соломенные кровли.
Свободы пожар! Пожар. Набат.
Хрюкнуло же, убежало. — Брат!
Слово братва из полы в полу, точно священный огонь
На заре
Из уст передавалось
В уста, другой веры завет
Шопотом радости тихим.
Стариковские, бабьи, ребячьи шевелились уста.
Жратва на земле
Без силы лежала,
Ей не сплести брони из рогож.
И над ней братва
Дымное местью железо держала,
Брызнувший солнцем ликующий нож.
Скоро багряный
Дикой схваткой двух букв,
Чей бой был мятежен,
Азбуки боем кулачным
Кончились сельской России
Молитвы, плач их. Погибни, чугун окаянный!
И победой бэ
Радостной, светлой
Были брошены трупные метлы,

Выметавшие села,
И остановлен
Войны праздничный бег,
Работорговли рысь.
Дикие, гордые, вы,
Хлынув из горла Невы,
В рубахах морской синевы,
На Зимний дворец,
Там, где мяса главный купец
За черным окном,
Направили дуло.
Это дикой воли ветер,
Это морем подуло.
Братва, напролом!
Это над морем
«Аврора»
Подняла: «Наш».
«Товарищи!
Порох готовлю».
Стой мертвым мясом
Торговля.
Браток, шараш!
Несите винтовок,
Несите параш,
В Зимний дворец.
Годок, будь ловок.
Заводы ре́вут: на помощь.
Малой?
Керенского сломишь?
В косматой шкуре греешь силы свои.
Как слоны, высоко подняв хоботы,
Заводы трубили
Зорю
Мировому братству: просыпайся,
Встань, прекрасная конница,
Вечно пылай сегодняшняя бессонница.
А издалека, натягивая лук, прошлое гонится.
Заводы ревут:
«Руки вверх» богатству.
Слонов разъяренное стадо.
. . . .
Зубы выломать...
Глухо выла мать:

Нету сына-то,
Есть обрубок.
И целует обрубок...
Колосья синих глаз,
Колосья черных глаз
Гнет, рубит, режет
Соломорезка войны.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СНЕЖИМОЧКА

Рождественская сказка

1-ое деймо

Лес зимой — серебряной парчей одетый.

Снезини А мы любоча хороним... хороним...

А мы беличи-незабудчичи роняем... роняем... *(Веют снежинками и кружатся над лежащим неподвижно Снегичем-Маревичем.)*

Смехини. А мы, твои посестры, тебе на помощь... на помощь... Из подолов незенных смехом уста засыпем — серебром сыпучим...

Немини. А мы тебе повязку снимем... немину...

Слепини. А мы тебе личину снимем... слепину...

А мы, твои посестры, тебе на помощь... на помощь...

Снезини. Глянь-ка... глянь-ка: приотверз уста... призасмеялся, — приоткрыл глаза — прилукавился. Ой, девоньки, жаруй! *(С смехом разбегаются. Их преследует Снегич-Маревич, продолжая игру и оставляя неподвижными тех, кого коснулся.)*

Березомир. Сколько игр я видел!.. Сколько игр... *(поникает в сон)* сколько игр...

Сказчик-Морочич *(поет, пользуясь, как струнами, ветвями березы).*

Дрожит струной
Влажное черное руно,
И мучоба
Входит в звучобу,

Как *(смеясь окружающим)* — я не знаю.
Я пьян собой...

Береза, подобная белоцветным гуслям, звучит.

Воздушный, палешницей играющий, остается невидим. С разных концов, зыбля жалами и телами, приползают слухчие змеи и, угрожающе шипя, подымаются по стволу.

Сказчич-Морочич. Ай!

(Падает, роняя струны, умерщвленный кольцами слепоглавых слухатаев.)

Сделав свое дело, змеи расползаются, распуская кольца.

Молчащие сестры. Плачемте, сестры. Он шел развязать поясы с юных станов. Плачемте, сестры. Омоем лица и немвянные омоем волосы в озере грустин, где растут грустняки над грустиновой водой. Плачемте, печальные.

Березомир. Нет у гуслей гусельщика. Умолкли гусли. Нет и слухчих змеев...

Няня-леший. Тише! Тише, люди! Мальчики, тише! *(Взлетает на воздух и, пройдясь по вершинам деревьев колесом, чертит рукой, полной светлячков, знак и исчезает.)*

Немини торопливо повязывают повязки.

Березомир *(глухо завывает)*. О, стар я!.. И я только растение... И мне не страшны никто.

Навстречу вылетают духи с повязками слепоты и глухоты и старательно повязывают ими людям глаза и морду.

— Пусть не видят! Пусть не слышат!

Люди, разговаривая между собой, проходят.

Молодой рабочий *(радостно, вдохновенно)*. Так! и никаких, значит, леших нет. И все это нужно, чтобы затемнить ум необразованному человеку... Темному.

Снегич-Маревич подлетает и бросает в рот снег. Бросает за меховой воротник, где холодно, бросает в рот и в лицо говорящему. Снезини прилетают и опрокидывают над говорящими подолы снега.

2-й человек *(спокойно)*. Вообще ничего нет...

Снегич-Маревич бросает в рот снег.

Однако, холодновато. Идем. Итак, вообще ничего нет. *(Уходит.)*

Играющие снова появляются и играют.

Некий глас. Отвергшие — отвергнуты!

И Снезини, и Березомир, и Снегич-Маревич — всё вздрагивает и с ужасом прислушивается к новому голосу.

Некий голос *(с новой силой, точно удар грома).* Отвергнуты отвергшие!

Вещежонка *(помавая снегообразной седой головой).* Это о них... о ушедших... о них... *(Склоняется все ниже и ниже к земле головой.)*

Березомир. А... стар я.

Снезини и Любоч с новой силой отдаются старым русалиям.

— О *них* — *о* чужаках...

Старушка-докладчица. Чужаков нетути... да! ушли из лесу. В поле пошли.

Бес. Кто холит корову? бес. Кто отвечает за нее? бес. А ты что делал? Ставил сети? Ловил снегирей? пухляков?

Бесеныш *(сквозь слезы).* Колоколец худо звучит — пастушонок не находит — волк поел.

Бес. Вот тебе, голубчик... зачем волк поел. *(Наламывает березовые прутья.)*

Березомир. На доброе дело и себя не жаль.

Бесок *(плача).* Не буду, дедушка! Ой, больше не буду! Миленький, дорогой!

Березомир *(глядя).* Ничего, не повредит... Малец еще...

Отдыхая, Снегич-Маревич и Снезини прилегли на стволах деревьев.

Липяное бывьмо. Сладка нега белых тел.

Пробегает заяц — плутоватый комок зимы. Снезини окружают его и играют с ним.

Снезини. Ай, воришка! А у кого ты украл свою шубу? У Зимы!

Заяц встает на задние лапы и, играя, ударяет лапами.

Вселенничи (*играя*).

Крылом вселенновым овеяла
И в тихую мгляность растâяла.
Вселенничей-слезичей сеяла,
И душу прекрасным измаяла.

Слепыши, играя, повязывают зайцу глаза. Пробегает, оставляя красный след, волк.

Все. Волченька... милый... волченька... бедун ты наш... горюн ты наш... извечный.

Морозный тятька: Этого так нельзя оставить... Здесь нужна лечоба.

Волк садится и жарко облизывается языком. Вокруг него хлопочут над врачеванием его ран. С диким воем проносятся гончие. Березомир хлещет их ветвями. Снезини садятся им на шеи и уносятся вдаль. Показывается усталый охотник с ружьем в руке. Он в белом кафтане и черном поясе.

Снежак. За дело, белые друзья. (*Разводит упругие прутья, и они звонко хлещут по разгоряченному красному лицу и выпученным глазам усатого сивоглазого охотника.*)

Древолюд. Ха-ха-ха! (*Размахивает от радости белыми пестрыми руками.*)

Снежачиха. А эта хворостиночка тебе люба? (*Подкладывает под ноги ветку, и охотник, задыхаясь и делая безумные глаза, падает в снег, ружье дает выстрел*).

Липовый парень. Ай, больно, больно!.. (*Дрожит и долго качается.*)

Барин уходит назад, без шапки, без пояса, дикий и простоволосый.

Древолюд и Снегчие. Ха-ха-ха! Ну, и потешен же честной народ!

Белый мужик. Но что это? Пробежали морозные рынды. Стучат снегавицами, секирами, ищут. Осматривают. Провыл бирючий. Вышел снежный барин. Чешет голову.

Белый боярин. Честной народ! Ушла она! Как дым в небо. Как снег в весну. Ушла. Истаяла.

Все. Кто? Кто?

Снежные мамки. Да Снежимочка! Снежимочка! Снежимочка же!

Белый боярин (понурив голову). Снежимочка...

Все. Куда?

Снежные мамки. Да в город же! В город. В город ушла.

Все. В город...

Березомир (опуская голову). В город... Снежимочка... в город... (В раздумьи глубоко поникает головой.)

Лесная душа. В город...

Все. В город...

Глубокое раздумье.

Снегомужье. Ушла...

Березомир (грустно). Ушла...

Заяц. Я проскакал сейчас до балки Снегоубийц, здесь к ее следам присоединяются большие мужские.

Снегун. Проскакал? Мужские?

Все. Ах! ах!

Боярышни падают в обморок.

У Снегуна, этого скорбно величавого старика, на больших глазах навертываются слезы, и он подымает с просьбой о помощи белые глаза к небу.

Ворон. Снимите с меня немину.

Немини снимают.

Врешь, мелкий врунишка, вырезатель липовых карманов, обкрадыватель полушубков у всех липовых парней.

Рында. К делу!

Заяц. Сам врунишка! Ишь какой ушатый!

Ворон. Молчи, заяц!

Заяц. А кто зайчиху Милюту на смерть заклевал? да!

Мамки. Да что они, издеваются, что ли? Охальники!

Ворон. Это не были следы другого человека, это были лапти, которые висели у куста «Ясные зайцы» еще с тех пор.

Рында. К делу!

Ворон. Она сняла их и нарочно делала следы, чтобы запутать свой след.

Снегун (*плача*). Бедная ты девочка...

Снежные мамки. Горе как будем мыкать? Век грущун будет горевать! Сердечная моя!

Снегун машет рукой, все удаляются.

Ворон (*взмахивая крыльями*). Она пошла к ховуну... (*Улетает.*)

2-ое действо

<Ховун.> Нонче норовят всё из нас книги... Старых разбойников нет. Те, что свистнут в два пальца, и откуда ни возьмись сивка-бурка пышет ноздрями.

<1-й собеседник.> Складно сказано, дед.

<Ховун.> Мы, барин, темные люди. Живем в лесу, а и в гостях у нас либо ворон, либо вор. Не научены мы.

<1-й собеседник.> А вот и мракобес где...

Ховун. А ты, парень, ворона оставь. Ворон — гордая птица. А не то видишь? а? (*Показывает батог.*)

1-й собеседник. Ныне отпущаеши раба твоего, черного гордея, гордого ворона, заступничеством же лесного истинолюба.

Ховун. А и шуточки свои оставь, парень. Не к месту они.

2-й собеседник. Ну, делка, успокойся, не злись, говорю. Сослужил службу немалую. Пришла осень—золотые вкушай плоды. Слушаешь. Вот. Мало? Борночешь?

Ховун. Я-те бормочу, баринок, ворон молвит. (*Бросает ворону бумажки, тот раздирает их, старый плут, поглядывая на Ховуна и помогая клюву лапой.*)

2-й собеседник (*возмущенно вскакивает с места*). Каков? а? Каков? Ну, и умник же ты, дедушка! Но тасе дело.

Ховун (*сощурив от злости глаза*). А про батог забыл, барин? а? Разошлись не в своей избе.

Три размеренных удара в двери: — Отвори!

Ховун. Войдет, кто может.

Снежимочка. Вхожу, дедушка. Здравствуйте!

Ховун. Морозный обычай, детка.

Снежимочка. Людской обычай, дедушка. Здравствуй, ворон!

Ворон налетает и клюет собеседников в глаза. Синечерный умник.

1-й собеседник (*недоверчиво*). Что это из «Снегурочки» Римского-Корсакова?.. Ай, мошенник, чуть не выклевал глаза! Ведь мы не спим? Многоуважаемый Борис, не обсудить ли нам по-товарищески создавшееся положение вещей?

2-й собеседник (*картавя и сюсюкая*). Очень и очень даже кстати. (*Пришепетывая, удаляются в другую светелку.*)

Снежимочка. Кто это, дедушка?

Ховун. А... руковерхники... Сидели бы скромненько... Так нет же... невежничают. Изобидели тебя, ворон, черняга?

Ворон, растопырив шею и крылья, слетает с места и, усевшись на плече Ховуна, подымая голову, жалобно каркает.

Ховун. Что? злое почуял, вещун?

Из двери стремительно выбегает 2-й собеседник с бумагой и оружием. Он с рыжей темноогненной бородой и зелено-голубыми холодными глазами. Делает несколько выстрелов, и Ховун падает с простреленным черепом. Слышен топот удаляющихся ног.

Снежимочка. Что это? Город? Или весна? Прощай, дед, мне жалко тебя. (*Целует в целый глаз, который блестит и жив.*) Вот я и среди людей. Садись мне на плечо, ворон, мы пойдем вместе. (*Идет по дороге.*)

Славодей

Люд стал лед,
И хохот правит свой полет
О, город — из улиц каменный лишай,
Меня, меня ты не лишай.

(*останавливаясь*)

Но что это? Иль пашня я безумья борон?

Но нет: виденье и на плече виденья ворон!
Но что ж! Встречаясь с женщиной, не худо поклониться.
Ах, ее глаза блестят, как днем зарницы!

Женщина с ведрами. Ишь какая белавая барышня! (*Останавливается и смотрит.*)

Пьяница. Я пью или не пью?

Зимний голос. О, дщерь! Блюди белый закон.

Идут по дороге в город. Прохожие попадаются все чаще и чаще.

Снегей. О, не ходи!

Славодей. Вот и город...

«И дымнолиственных бор труб
Избы закатной застит сруб».

Прохожие. Мы забыли два слова: гайдамак и басурман — Запорожскую Сечь.

Нищий. Я есть хочу... я голоден... есть охота... дайте мне.

Снежимочка. Это лешаченок? А это что? Это лосиха везет, взявши зубами ветку, на которой сидит несколько людей? Мы любили так забавляться у себя в лесу.

Мальчики. Снегурочка! Снегурочка! Помнишь, видели в Народном доме?

В толпе, которая окружает Снежимочку, проходит одобрительный ропот: «Снегурочка, Снегурочка... помню». Некоторые снимают шляпы. Прохожие останавливаются, опираясь на палки и седые бороды опуская на палки.

Ученый. Всю науку придется перестроить.

Некто. Ай, какие черносотенные глаза!

Городовой перерезает шествие.

Городовой. Барышня... а барышня!.. Никак нельзя...

Снежимочка (*останавливаясь*). Кто ты?

Славодей. Городовой... о, мой милый городовой... вот я, и вот мой вид на жительство... веди меня, куда хочешь, но ее оставь: не разрушай видения. Молю тебя! (*Становится на колени.*)

Старуха. Миленочек, миленочек, пожалей ее: видишь, она с дороги.

Городовой с суровым видом дает свисток.

Пристав. Что здесь такое? А! нарушение пристойного!

Снежимочка. Кто этот высокий в рядне цвета осины?

Пристав *(резко)*. Я сказал, что не могу и не могу! Ведите в участок!

Все отправляются в участок.

Отставший спутник. О! я пью или не пью?

Дети *(кричат)*. Снегурочка! Снегурочка! Мы помним ее. Мы видели!

Матери выносят детей и просят благословить.

Некто. Ужас... где я ее видел? В какой грезе? каком безумстве! Она! она! она! *(бежит, отслоняясь от нее рукой.)*

Вводьмо в 3-е дейко

Снежак и Снежачиха плачут.

Снежак Ушла Снегляночка, нет ее.

Ручьиии ходят с ледочашами и собирают их слезы, проливая затем в ручьи.

Печальный леший *(с свирелью)*.

Нега
Снега,
О, не у тех!
В опашне клеста,
В рядне снегиря
Тайна утех.

Снежак *(утирая слезы, пост)*. Вы, пухляки, порхучие по лозам и лесам, позовите — приманите густосвистых снегирей, молвите: зовет их снежак.

Пухляки перепархивают и, посвистывая, улетают.

Снегири. Мы здесь, Снегей.

Снежак. Вы полетите к птицеловам, их расставлены мелкие сети, там рассыпано золотое зено. Вы попадете в сети, вы увидите Снежимочку, вы расскажете о мне.

Снегири. Мы исполним твою волю, Снегей. *(Рассыпаются, исчезая, по кустам.)*

Снежак и Снежачиха плачут. Лединн собирают слезы в чаши.

Лешаченок *(передразнивая кого-то, играет).*

Зáреву
Снегиря.
Нет негиря.
Я зареву.

(Заливается смехом и, бросив дуду в сторону, убегает.)

Березомир ловит его и сечет.

Лешачиха *(трясется крючковатым носом).* Вот я тебя прутом... прутом...

3-е деймо

Песнь

Я тело чистое несу
И вам, о улицы, отдам.
Его безгрешным донéсу
И плахам города предам.
Я жертва чистая расколам,
И, отдаваясь всем распятьям,
Сожгу вас огненным глаголом,
Завяну огненным закаятьем.

Старец. Звучали вселенчовые струны и вещалось: под милым славянским небом поклонились иным богам и отвернулись свои и надсмеялись чужие. *(Выходит на площадь, окруженный свитой славянской дружины.)*

Качаются стяги с надписью — «Славийская весна», «Величие и величие славян», «Дедославль», «Веселые детинушки» и др. Мелькают одежды русского рода. Мелькают тяжелые золотые косы. Блестят глаза юношей.

Руководитель празднества *(с помоста)*. Сегодня праздник Очищения — Чистый день. Клянемся ли мы носить только славянские одежды?

Все. Клянемся!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы не употреблять иностранных слов?

Все. Клянемся!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы утвердить и прославить русский обычай?

Все. Да!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы вернуть старым славянским богам их вотчины — верующие души славян?

Все. Клянемся!

Некоторые из присутствующих надевают славянские одежды. Здесь же предлагается несколько иностранных слов заменить русскими.

Кто-то из присутствующих. Вы пришли позже. Здесь разрушали царства, там созидали новые.

Вы молоды. Вы превосходите численностью ваших угнетателей. Вы превосходите их красотой души и простором занятой земли. Смелее! смелее, славяне!

Присутствующие бурно выражают свой восторг.

Начинаются состязания русских в беге, борьбе, звучобе и славобе. Русские скачут, прыгают, бегают. Играют на свирелях. Поют.

Кто-то. Но где же Снежимочка? Снежимочка где?

Рокот. Снежимочка где? Где Снежимочка?..

Смятение.

Руководитель игры *(после некоторого промежутка, всходя на помост)*. Снежимочки нет. Она таинственно исчезла, но то место, где она была, покрыто весенними цветами. Унесите же в руках, как негасимые свечи, разнесите по домам знак таинственного чуда и, может быть...

Голоса многих. Чудо! чудо! Снежимочка растаяла цветами.

Голос удаляющихся. Мы будем помнить ее заветы...

Проходят, наклоняясь, тела благообразных старцц, юношей, детей, и срывают благоговейно длинные голубые цветы. Они горят, как свечи.

Голоса удаляющихся

Забыли мы, что искони
Прожали вещие кони.
Благословляй или роси яд,
Но ты останешься одна —
Завет морского дна —
Россия.

Новые голоса удаляющихся

Ушедшая семья морей
Закон предвечный начертала,
Но новою веков зарей
Пора текущая сметала.
Но нами вспомнится, чем были,
Восставим гордость старой были.
И цветень сменит сечень,
И близки, близки сечи.

МАРКИЗА ДЭЗЕС

На-днях я плясал.
На этой неделе. Какого дня?
Среда, четверг или воскресенье?
В сидячей жизни это спасенье.
Знакомые, приятели, родня.
Устал. Вспотел. Уж отхожу,
Как вдруг какой-то воин: «Подстричься вам пора-с!»
Сказал и скок в толпу. Я думал: вот-те раз!
Я уже послать ему собрался вызов,
Но не нашел в толпе нахала.
Кроме того, здесь нужно было перейти какую-то межу.
Я в созерцание ушел чьего-то опахала
Из перышек голубеньких и сизых.
Наука-то больно проста: сначала «милостивый государь»,
А потом свинцом возьми да и ударь.
Да... А там, глядишь, и парни
Несут кромсать в трупарню.

Делкин

Ха-ха, куда он гнет!
Забавник! И не моргнет!

Перховский

Ну, я не трушу.
Это и не странно. Лицом имея грушу...

Делкин

Я бы хотел под мушкою стоять разок.

Глобов

А правда хороша, последний как мазок,
В руке противника горсть спелой вишни.

Перховский

Ну, тогда и выстрелы нечного лишни.
И тот, кто сумрачен, как инок,
Тогда уж портит поединок.

Холст

Э-е-е! Вы правы! Я как-то шел,
Станом стройный сын степей,
Влек саблю и серебро цепей...

Лель *(сходя)*

В взоров море тонучи,
Я хожу одетый в онучи.
В сегоденки лапотки
Я воткнул стоять цветки.
Вокруг пуговиц сорочки
Легли синие цветочки.

Все

Он чудо! Он прелесть!
Он милка!
От восторга выпала моя челюсть,
Соседка, передайте мне вилку!

Ценитель

О! Это тонко. Весьма!
Вы заметили, какая нежность письма?

Любитель

Да! Здесь что-то есть!
Не знаете, здесь можно поесть?

Писатель

Какой образ, какой образ! Пойду и запишу.

Любитель

Пойду и что-нибудь перекушу.

Ценитель

Я, идучи сюда, уже перекусил.
Но он немного здесь перекосил.

Художник

Молодчага! Молодчинище! Здоровенно!

Писатель

И все так изученно, изысканно и откровенно,
Здесь все разумно, точно, тонко!
Стремление к письму цветочному
И явный вкус к порочному.

Пожилой человек

Какая прелесть глазами поросенка
Смотрит вот с этого холста.
Я бы охотно дал рублей с полста.
Он в белое во все одет, и лапоть с онучем
Соединен красивым лыком. Склонение местоимения «он» учим, —
Могли бы ответить детские глаза спросившему, чем занято
Ныне дитя. Наступят сроки и главным станет то,
Что сейчас как отдаленный гнев и ужас мерещится.
Так... Я буду рад, когда мое имя с надписью «продано» на этот холст навесится.
Но что? Он подает нам руку! Послушай, дорогая это не полотно,
Что взгляды привлекло, как лучшее пятно.
Ну, что же, новый друг! Из холста воображаемого выдем-ка!
Какая добрая выдумка
Заставила вас нарядиться в наряды Леля?
Или старинная чарующая маска
Готова по сердцу ударить, как новая изысканная ласка.

Лель

Мне так боги Руси велели.

Пожилой господин

Да? вы чудак. Вы чудной.

Лель

Кроме того, я связан в воле одной...

Пожилой господин

Кем — полькой, шведкой, Руси дочью?

Лель

Нет, но звездной ночью,
Когда я обещанье дал расточиться в Руси русской рать
И, растекаясь, в битвах неустанно умирить.

Пожилой господин

Странное обещанье в наш надменный век.
Прощайте, добрый человек.

Поэт *(одетый лешим)*

Стан пушком златым золочен,
Взгляд мой влажен, синь и сочен.
Я рогат, стоячий, вышками.
Я космат, висячий, мышками,
Мои губы острокрайны.
Я стою с улыбкой тайны.
Полулюд, полукозел,
Я остаток древних зол.
Мне, веселому и милому козлу,
Вздумалось прийти с поцелуем ко злу.
Разочаруют, лобзая, уста,
И загадка станет пуста.
Взор веселый, вещий, древен,
Будь, как огнь сотлевших бревен.

Распорядитель вечера *(слуге)*

За Рафаэлем пошли.
Кто это пришли?

Слуга

Маркиза Дэзес!

Маркиза Дэзес

Я здесь не чувствую мой вес.
Так здесь умно и истинно-изысканно. Но что здесь лучшее — ответь же, говори же!
Чудесен юноши затылок бычий?
И здесь совсем, совсем всё, как в Париже!
О, вы бесстрашно поступили, вводя этот обычай!
Повсюду чисто, светло, сухо.
Обоев тонкая обшивка. В них умирает муха?
Мило, мило. Под живописью в порядке расставлены цветки?
Духов болотных котелки?
Собачки дикой коготки?
Не той ли, что, бродя и паки,
Утратила чутье в душе писателя с происхождением от собаки?

Спутник

Быть может, да, но вот и он..,

Маркиза Дэзес

Хотите дам созвучье — бог рати он.
Я вам подруга в вашем ремесле.

Спутник

Да он-Багратион, если умершие, уставшие хворать
И вновь пришедшие к нам люди — божья рать,
Смерть ездила на нем, как папа на осле,
И он заснул, омыленный, в гробу.

Маркиза Дэзес

О, боже, ужасы какие! Опять о смерти. Пощадите бедную рабу.

Спутник

Я уже вам сказал,
Что я искал,

Упорный, своей смерти.
Во мне сын высот ник.
Но сегодня я уже не вижу очертаний неуловимой дичи,
Когда я преследовал, вабя и клича,
Дамаск вонзая в шею тура,
Срывая лица маск в высотах Порт-Артура,
Неодолимый охотник.
Пояс казаков с железной резьбой
Мне говорил про серебро далеких рек,
Порой зарницей вспыхнувший разбой, —
Вот что наполняло мою душу, человек!
Я слышу властный голос: «смерьте»,
Просторы, ужас? Радость? Рок?
Не знаю. Нестройный звук нарек развилок двух дорог.

Маркиза Дэзес

Ах, оставьте... вы все про былое!
Оставьте! Смотрите, я весела, воскликнуть готова «былое долой!» я.
Смотрите лучше: вот жена, облеченная в солнце,* и только его,
Полулежа и полугреясь всей мощью тела своего,
Поддерживая глубиной раздвинутого пальца
Прекрасное полушарие груди (о взоры, богомольные скитальцы!),
Чтобы рогатую сестру горячим утолить молоком,
Козу с черными рожками и черным языком.
Как сладок и, светом пронизанный, остер
Миг побратимства двух сестер.
Миг одной из их двух жажды
Сделал мать дочерью дочь матерью, родством играя дважды.
Не сетуйте на мой нескладный образ,
Но в этом больше смеха, сударь, а я попрежнему к вам добра-с.

(Пожимает, смеясь, руку)

Пусть я с неловкостью дикарки
Беру лишь те слова, что дешевы, но ярки.

Спутник

Царица, нет — богевна!
Твоя беседа сегодня так напевна.

Маркиза Дэзес *(смеясь).*

Право! вот я не знала! —
Но вставайте скорее с колен. Я подарю вам на
память мое покрывало.
Но тише, тише, сядем,
Мы все это уладим.

Спутник

Я знаю, что «смерьте — велел мне голос —
Ваш золотой и долгий волос!»

Маркиза Дэзес

Да. Тише, тише. Слышите, там смеются. Это —
Мейер.
Сядьте сюда. Передайте мне веер,
Где были вы вечор?
Зачем так грустен ясный взор?

Рафаэль

Я слышал зов. Надеюсь видеть папу Пия и Анджело!

Распорядитель

Вино? Пришли!

Слуга *(заикаясь)*

Они изволили, то есть пришли.

Распорядитель

Ты мелешь, братец, чепуху!

Слуга

Нет нет! Я как на духу!

Распорядитель

Но это явная ошибка! Быть может, вы не туда звонили!
Или, в самом деле, Рафаэля имя шутник присвоил? Или?

Рафаэль *(с легким поклоном)*

Мне при рождении святыми отцами имя Рафаила некогда дано.

Распорядитель *(к слуге)*

О, олух! олух! ду...
Я говорил тебе: вино!

Рафаэль

Я вызвал здесь и переполох, и смуту, и беду...
Я не думал... Я думал встретить Микель-Анджело.

Распорядитель

Ах, здесь посвежело!

(Пожимая руку Рафаэлю)

Ах, я не могу! Я не могу! Здесь путаница вышла.
Во всем вините, пожалуйста, слугу.
Я убегу *(убегает)*.

Слуга

Ишь, куда повертывает Маковский дышло...

Кто-то

О, Рафаэль вино и Рафаэль живой! О, прибаутка ведем!
Ну, что же, ты ошибся: домой, в путь обратный едем.

Рафаэль и незнакомец уходят.

Рыжий поэт

Я мечте кричу: пари же,
Предлагая чайку Шенье,

(Казненному в тот страшный год в Париже),
Когда глаза прочли: «чай, кушанье».
Подымаясь по лестнице
К прелестнице,
Говорю: пусть теснится
Звезда в реснице.
О Тютчев туч! какой загадке,
Плывешь один, вверху внемля?
Какой таинственной погадка
Тебе совы моя земля?

Слуга

Одни поют, одни поют,
И все снуют, и все снуют,
Пока дают живой уют.

Зрители проходят и уходят. Маркиза Дэзес и Спутник в боковой горнице.

Маркиза Дэзес

То отрок плыл, смеясь черными глазами,
И ветки черные усов сливались с звездными лозами.
Я, звездный мир зная над собой, была права,
И люди были мне, березке, как болотная трава.
Неслышна ли<шь> ночь, незрима топь.
Но что это? Переживаем ли мы вновь таинственный потоп.
Почувствуй, как жизнь отсутствует, где-то ночуя,
И как кто-то другой воскликнул: так хочу я!
Люди стоят застыло, в разных ростах, и улыбаясь.
Но почему улыбка с скромностью ученицы готова ответить: я из камня и голубая-с.
Но почему так беспощадно и без надежды
Упали с вдруг оснегизненных тел одежды!
Сердце, которому были доступны все чувства длины,
Вдруг стало ком безумной глины!
Смеясь, урча и гогоча,
Тварь восстает на богача.
Под тенью незримой Пугача
Они рабов зажгли мятеж.
И кто их жертвы? Мы те же люди, те ж!

Синие и красно-зеленые куры
Сходят с шляп и клюют изделье немчуры,
Червонные заплаты зубов
Стоящих, как выходцы гробов.
Вон, скаля зубы и перегоняя, скачет горностаев снежная чета,
Покинув плечи, и ярко-сини кочета.
Там колосится пышным снопом рожь
И люди толпы передают ей дрожь.
Щегленок вьет гнездо в чьем-то изумленном рту,
И все перешло какую-то таинственную черту.
Лапки ставя вместе, особо ль,
Там скачет чей-то соболь.
И козочки ступают осторожно по полу,
Глазом блестя, оставив живопись,
А сова, раньше мел, — над ними крыльями хлопала,
О, спутник мой, крепись!
Щегленок, — сын булавки!
И все приняло вид могильной лавки!
Там в живой и синий лен
Распались женщин кружева.
И взгляд стыдливо просветлен,
Той, которая, внизу камень, взором жива.
От каждой шеи, от каждой выи
Вспорхнули тени. Зачем живые?
Все стали камнями какого-то сада,
И звери бродят скучные среди них — какая досада:
В ее глазах и стыд, и нега,
И отсвет бледный от другого брега.
Ей милостью оставлен легкий ток,
Полузаслоняя вид нагот.
Взор обращен к жестокому Судье.
Там полубоязливо стонут: бог,
Там шепчут тихо: гот,
Там стонут кратко: дье!
Это налево. А направо люди со всем пылом отдались веселью,
Не заметив сил страшных новоселья.

Спутник

Бежим! Бежим отсюда, о госпожа!

Маркиза Дэзес

Но что это? Ты весь дрожишь? Ты весь дрожа?
Но спрашивать не буду. Куда же мы идем, мой «мой»?

Спутник

В божество, божество, спасающее глаз тьмой!
Мои имения мне принесут земную мощь!
В «вчера» мы будем знать улыбку тещ.
Но нет! не скучно ли быть рабом покорным суток.
Нет, этот путь, как глаз раба печальный, жуток!
Убийца всех, я в сердце миру нож свой всуну!
Божество. Стать божеством. Завидовать Перуну.
Я новый смысл вонзаю в «смерьте».
Повелевая облаками, кидать на землю белый гром...
Законы природы, зубы вражды ощерьте!
Либо несите камни для моих хором.
Собою небо, зори полни я,
Узнать, как из руки дрожит и рвется молния.

Маркиза Дэзес

Успокойся, безумец, успокойся!

Спутник

Сокройся, неутешная, сокройся!
Твоя печаль и ты, но что ты рядом с роком значишь?

Маркиза Дэзес *(закрыв лицо)*

Но ты весь дрожишь? Ты плачешь?

Спутник

Так! Я плачу. Чертоги скрылись волшебные с утра.
Развеяли ветра. Над бездною стою. Не «ять» и «е», а «е» и «и»!
Не «ять» и «е», а «е» и «и»! Голос не умолкший смерти.
Кого — себя? Себя для смерти! Себя, взиравшего! о, верьте, мне поверьте!

Маркиза Дэзес

Ты сумен, друг. Бежим, бежим!
Разве не ужасен этот ножа молчания нажим

К стеклу внимающего духа,
Кого, как нетопыря растянуто ухо.
Слышишь, как умолкло странно все вокруг и, в тишине внезапной нарастая,
Бежим, — сейчас войдут к нам горностаи.
И заструятся змейки узких тел.
Но что это? Чей меч иль бич в ночи свистел?
О, бежим, бежим? Ты не можешь? Повсюду дышит новый зверь.
Я не Дэзес. Я русская, я русская, поверь!

Спутник

Бог от «смерти» и бог от «смерьте»!

Маркиза Дэзес. С твоей руки струится мышь. Перчатка с писком по руке бежит. Какая резвая и нежная она! Так что-то надвигается! Я уже дрожу. Но подавляю гордо болезненную улыбку уст.

Спутник. Бежим!

Маркиза Дэзес. Хорошо. Я бегу. Но я не могу. Жестокий! что ты сделал! Мои ноги окаменели! Жестокий, ты смеешься? Уж не созвучье ли ты нашел «Нелли»? Безжалостный, прощай! Больше я уже не в состоянии подать тебе руки, ни ты мне. Прощай!

Спутник. Прощай. На нас надвигается уж что-то. Мы прирастаем к полу. Мы делаемся единое с его камнем. Но зато звери ожили. Твой соболь поднял головку и жадным взором смотрит на обнаженное плечо. Прощай!

Маркиза Дэзес. Прощай! Как изучено и стройно забегали горностаи!

Спутник. С твоих волос с печальным криком сорвалась чайка. Но что это? Тебе не кажется, что мы сидим на прекрасном берегу, прекрасные и нагие, видя себя чужими и беседуя? Слышишь?

Маркиза Дэзес. Слышу, слышу! Да, мы разговариваем на берегу ручья. Но я окаменела в знаке любви и прощания, и теперь, когда с меня спадают последние одежды, я не в состоянии сделать необходимого движения.

Спутник. Увы, увы! Я поднимаю руку, протянутую к пробегающему горностаю. И глаз, обращенный к пролетающей чайке. Но что это? и губы каменеют, и пора умолкнуть. Молчим! Молчим!

Маркиза Дэзес. Умолкаю...

Голос из другого мира. Как прекрасны эти два изваяния, изображающие страсть, разделенную сердцами и неподвижностью.

— Да. Снежная глина безукоризненно передает очертания их тел.

— Ты прав. Идем в курильню!

— Идем. *(Идут.)* Я то же предложить хотел.

СТИХИ

Я ведал: Ненарекаемость бозничего,
Неизбытность полевичего,
Ненасытность огневичего,
Нерассыпность водяничего,
Неувядаемость девичьего. Я ведал

Плескиня, дева водных дел,
Радея красоте,
Играла и сияла, служила немоте
И крыльными грустильями воздела темноте.

Усталость в нозех,
Дремота здесь.
Иду я в бози,
Мне скучна весь.
Ходи, клюка, служи, рука,
Тужи, нога, служи, нога.
Устали нози, мне долог путь,
Устали очи, невиден путь,
Иду я в бози, мне долог путь.
Ах, можно ли на камне мне отдохнуть!

Смертирей беззыбких пляска,
Времирей узывных сказка.
Века дочка молодая,
Лета ночка золотая.
Дочка, дочка лельных дней,
Дочка, след ночей безумный!
Иль вокруг чела бездумного
Смертири вьюнок свили?

Дувь волн холодных моря,
Дувь холодных белых волн.
Холодно-соленая водь
Вздымается и мается,
Кличет: «Мы! мы — в горе!»
И в клике дивно ясно море.

Вьется звонкая чайка в красивой пустыне.
Я будизны залив немостынный,
Я немизны пролив будостынный.
Зыбки, зыбки тростники.
Улетают челноки.
Закричали рыбаки.

И я свирел в свою свирель.
И мир хотел в свою хотель.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

Гроб леунностей младых.
Веко милое упало.
Смертнич, смертнич, свет-жених,
Я весь сон тебя видала.

Жилец-бывун не в этом мире,
Я близко вечность мог узнать.
Она живет с друзьями в мире,
Она слывет бездумья мать.

Мужуния и мужуния
Вдвоем ворожили на общем кусте.
Что было — не знаю. Что еси — не хочу.
Что будет — рыдаю. Что будет — молчу.

Женун и женун,
Мы одни в лесной дреме.
Мы друг в друга влюблены.
Ни подруги, ни жены!
Мы друг в друга любуны.
Погубовники! Полюбовники!
Ни невесты, ни жены!
Мы друг в друга влюблены.
Мы одни в стране зеленой.

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

Быстрые струений мигов
Завихрило всё в венки.
Скинь, дитя, свои вериги,
Покажи и сам лети.

Землявых туманов умчался собор,
Смердлявым кафтаном окутался мор.
Походкою тяжкой взошел на престол,
И мертвенной ляжкой кивает на дол.

Неголь сладко нежной сказки,
Мленник дивных девьих ног,
Я в сетях златой повязки,
Я умру в твоих руках.

— Умночий и рабочий — два дружные крыла, —
Мне вила рекла,
Когда, охочий яри струй,
Я голову к реке склонил,
Когда манил сизони буй.

Мы в суше сущие,
Сокол и сосна,
Соков со сна
Не сосущие.

Немь лукает луком немым
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Кличи старые: гори!
Закричальность задрожала,
В щит молчание взяла
И, столика и стожала,
Боем в темное пошла.
Лук упал из рук упавном,
Прорицает тишина,
И в смятении державном
Улетает прочь она.

Славязн негных дум
Покорною шли чередой.
Бич рождал уличный шум,
Вил плечи суетой.
Конские головы не йаших желаній
Звонкостью олова страх убивали,
Сапами грусть озаряли.

Студа бесстыдных нег
Убила неголя зари.
Утас невинный маловек,
А хоронили жарири.

Вид яри бледной, дикой,
Вир яри голубой...
Вэметались тихо лики,
Стонал и гаснул рой.

Желанье — смеянне прыщавою стать
Пленило — винило довещную рать.
Смеялись — желали довещные рати
Увидеть свой лик в отраженьи иначе.
И сыпи вселенных одна за другой
Выходили, всходили, отходили в покой.
И строи за строем вселенных текли,
И все в том желаньи — рыданьи легли.
И жницей Времиней сжатые нивы
Оставляли лицо некрасивым.
И в одной из них раньше, чем тот миг настал,
когда с шумом и блеском, и звоном, и треском
рассыпалося всё на куски, славень, я жил.

Снегич узывный, белый и длинный,
Где приютилася мать?
Снегич узывный, белый и длинный,
Где схоронилася мать?

Негошь белых дней,
Мокошь далеких морей,
Птиц станицы на клювах примчали.
Уносился стан певучий,
Улетали где-то тучи,
Улетали где-то дали.

Любоч бледности уст...
Любоч жароши уст...
Овевал венком невинности
Твой смертельно бледный лик...

Вот струны...
На дуге белокостной поюны
Натянуты дрожат,
Дрожат, смеются и бежат.
И я, знаюн их умных сил,
Брожу, вожу в немобы вир,
И мир постиг, и мир настиг,
И он почил, и он избыл.

Облакини плыли и рыдали
Над высокими далями далей.
Облакини сени кидали
Над печальными далями далей.
Облакини сени роняли
Над печальными далями далей...
Облакини плыли и рыдали
Над высокими далями далей.

В золоте борона вечера ворон летел
И володы голода мечева долу свирел.
И долы внимали, и жены желали,
И кметы стонали, и юны смеялись.

Охотник скрытных долей, я в бор бытий вошел.
Плескались тайно соли, тонул и гаснул дол,
И навиков скаканье в вместилищах воды,
И любиков смеянье в грустилищах зари.
И веток трепетанье, и воздуха смеянье
Там, где проскользнули жарири
И своим огнистым свистом
Воздух быви залили.
Тонул и гаснул дол...
И велям вейных волей весь мир — покорный вол.

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

Сутконогих табун кобылиц
Прозвенели, промчались полями.
Времяшерстны их тела,
Днями пышут взоры глаз.

Я славлю лёт его насилий,
Тех крыл, что в даль меня носили,
Свод синезначимой свободы
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.

В высь весь вас звала
И милый мигов миру ил.
И в сласти власть ненастья вала.
И вечером затянутый стан жил.
Он жил, как древнее свиданье,
Лобзаньям не отдавший дани.
Когда, узнав свирельный мед,
Он синий к небу водомет.
Он пролил слезы рос,
Вновь воскресив вопрос:
— Не та ли?
Глаза светали.

Гроб
Грёб
Добролюбиво,
Не покладая рук,
Граблями дев бесолюбивых,
Которым чорт не брат, но друг.

Гроб грёб трудолюбиво,
Грабитель вод к тиши ревнивых,
Граблями дев бесолюбивых,
Которым бес не зять, не брат,
Но вдруг.
Ни дать, ни взять,
Внезапный, милый, тесный друг.

Гроб грёб яснолюбиво,
Не покладая рук,
Граблями дев бесолюбивых.

На просторе между двумя тучами довольно узком
Облачки с криком: лови!
Гонялись друг за дружкой.
Но тучи сердились,
Тучи шептали: смирно! вн!
(Они дурно выражались по-русски)
И облачки уселись рядом,
И все вместе помчались к новым ядам.

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

Три чала
Причалят
К лодкам боль.
Кричала
Кричалой
Глоткой голь.

Молот
Раз пять
Опустился.
«Распять»
Клик вонзился
«Молод!»

Ноне я, как все.
Много муки!
Горький сев.
Кому кий
Люб и приятен?
Любим ли я, ты?
Да.
Звезда.
Нет
Неб
И не будет.
Смех молчание будит.

Предательски извивен ящер.
В своих желаниях всех я сер.
И жизнь изменческих желаний соты,
И в некрасивом есть красоты.

Тает зов.
Змей возов.
Нет пути.
Крик: пусти!
С песней,
В избе с ней
Любо.
— Люба?!

О, это взор — сощурь
В глазах, тде щур.
О, чаща острых злоб,
И гневно хмуримый прекрасный лоб.
Так послушные завету век при
Клыками расслоняют тростник вепри.

Кубок сбит из длинных досок,
Богов выпит кем-то сок.
Божий хмель и зверю дорог.
Вол подъемлет сизый рог.

На кладбище
Спит — раскинулась бабища.
Краски, кисти!
По всему — художник истый.
В покоселом голубце
Лик святого стертый...
У чорта
Насуплены брови и с любовью на лице
Водит по дереву краской.
— Стираются времени ласки!
Споры движения рук.
Старые краски мрут!
«Тут бы — воркует — того!»
А плешина украшена усом святого!
Ах, в старину писали не плохо!
Вот тут бы наметить меточку ловко!
Бабища спит, в горлышке клокочет.
Чорт суслит хвост озабоченно.
Из зыбкой мглы лик святого воскресает.
Святого утопленника лысый бес спасает!

Еще не пойманный во взорах вор ник,
А уж в устах вставал надменный дворник.
Мы рассмеялись все, кто были молод,
И миг поднял веселый молот.
Палец подняв, мы закричали все: сей! сей!
И кинули свой крик в глубь благостных высей: сей!
Но хохочет и гремит улица.
Ах, мне несказуемые блага сулит царь!
Ходит ужас по нивам клонимых шей
И прочитано, узнано: «голод безумием шей!»
Все так любезны и милы со мной друзья,
И их нежных надежд груз я.

СОН ЛИХАЧА

Зачем я сломил
Тело и крыло
Летевшей бабурки.
Плачет село
Над могилой девчурки.

Мирно величавый вид
Открыл служения зла наймит.

Осетр согнутый в три погибели
Качал вселенной шар,
И шар вола вдыханья зыбили,
Сливался с небом влажный пар.

На том утесе не был посторонний,
Был на вселенной мир ладони.

Мы сюда приходили, как нежные боги,
В венках из листвы, что стариннней,
Чем мир.
И старые главы, и строгие ноги
Месяца иней
Слил в общий кумир.
Теперь мы приходим ордой дикарей
Гордых и голубоглазых.
И шепчем: скорее, скорее, скорей!
Чужбина да сгинет в кровавых заразах.
С оружьем палиц, в шестоперах,
На теле кожа рыси,
И клич на смелых горах
Несет нас к вольной выси.

Как черное облако, как туча грозы,
Повисло дерево над садом,
И моря прибоя низы
Зеркальны звезд сверкавшим взглядом.
Ты стоишь одна у ворот,
Одетая вся в белое.
Пустынно все... Молчит народ,
А ты стоишь, что делая?

О, город — сон, преданье самодержца,
Узнал ты бич Перуна громовержца?
В ту ночь
Хлыст молнии блестящей,
Прекрасной в прошлом — ужасной в настоящем,
Гнал все живое в домы прочь.
И пенно-свинцовая волна
Металась пены в берег метко.
Она, как львица, что гнева полна,
И зрит: везде простерла прутья клетка.
И два египетских кумира
Когти стерегли молчащим взором
Протянутых надменно лап.
Пред ними овнов нету жира,
Людей молящихся собором.
Чужбины бог стал мертвый раб.
Летите, летите, бури певицы!
Молчат фиванские девицы.
О, вы, восставшие пришельцы,
В косах шелковых и черных,
Вам не молились земледельцы,
Что когтем лап скребли [узорных]
Старинный серый известняк,
Как тело вражье смелый враг.
И к египетским девам молчащим
Исторгали из глаз в страданни взгляды,
Казалось, робко, боязливо к дальним чащам
Шли в бурю, в темноту два нежных лада.
И дивно смеялись те девы в концы

Улыбкой спокойно одетого рта.
Идите, идите, стучитесь, гонцы!
Чугунная дверь в сад чудес отперта!
За ними был дом. Строг и высок он.
И у пламенных вечером окон
Стоит юноша-стройный художник.
Он смотрит и, грустью охваченный, плачет.
Везде напевы похорон...
О, что, скажите, значит
В наш век-безбожник
Сей львиный сон?

Как два согнутые кинжала,
Вонзились в небо тополя,
И, как усопшая, лежала
Кругом широкая земля.
Брошен в сумрак и тоску,
Белый дворец стоит одинок.
И вот к золотому спуска песку,
Шумя, пристает одинокий челнок.
И дева пройдет при встрече,
Объемлема власами своими,
И руки положит на плечи,
И, смеясь, произносится имя.
И она его для нежного досуга
Уводит в багряный одстого руб,
А утром скатывает в море подруга
Его счастливый заколотый труп.

Наш кочень очень озабочен:
Нож отточен точен очень!

РАЗМЫШЛЕНИЕ РАЗВРАТНИКА

Но бледен, как конское око,
Твой серебряный с просинью взор.
Спутались волосы. Тени порока
Слагались в красивый узор.
Ах, юноши! Счастливы те,
Кто не ведал ни щек, ни пылающих глаз.
Ведь он в синей ночной высоте
Увидал тучи звезд незаметных для вас.

ИРОНИЯ ВСТРЕЧ

Ты высокомерно улыбнулась
На робкий приступ слов осады,
И ты пошла, не оглянулась,
Полна задумчивой досады.
Да! Дерзко королеву просить склонить
Блеск гордых губ.
Теперь я встретился. Угодно изменить
Судьбе тебя: ты изучала старый труп.

Я победил: теперь вести
Народы серые я буду.
В ресницах вера заблести,
Вера, помощница чуду.
Куда? отвечу без торговли:
Из той осоки, чем я выше,
Народ, как дом, лишенный кровли,
Воздвигнет стены в меру крыши.

Ночь, полная созвездий,
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга,
Свободы или ига,
Какой прочесть мне должно жребий,
На полночью широком небе.

Где прободают тополя жесть
Осени тусклого паяца,
Где исчезает с неба тяжесть
И вас заставила смеяться,
Где под собранием овинов
Гудит равнинная земля,
Чтобы доходы счел Мордвинов,
Докладу верного внемля,
Где заезжий гость лягает пяткой,
Увы, несчастного в любви соперника,
Где тех и тех спасают прятки
От света серника,
Где под покровительством Януси
Живут индейки, куры, гуси,
Вы под заботами природы-тети
Здесь, тихоглазая, цветете.

Месяц плывучий
Раз выглянет,
Раз спрячется...
Распря — чу!
Раздирает тучи.
Глянец
Ту одел облаком певучим.
Хлеб на стол выложен, щи на!
Говорят, что голая женщина
Красива при свете луны.
Голос глух, лица красны,
Закусывают рыжиком, пьют,
Слюною брызжут, снуют.
Ах, где бы мне от вас скрыться, где бы?
И кроит искусно небо
Из лоскутьев сизых, серых, черных вечер.
Заняты икрой.

Небо душно и пахнет сизью и выменем.
О, полюбите, пощадите вы меня!
Я и так истекаю собою и вами,
Я и так уж распят степью и ивами.

А. Крученых. *Рисунок В. Хлебникова* (1913).

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Лапой белой и медвежей
Друг из воздуха помажет,
И порыв мятели свежий
Отошедшее расскажет.
Я пройтись остерегуся,
Общим обликом покат.
Слышу крик ночного гуся,
Где проехал самокат.
В оглоблях скривлённых
Шагает Крепыш.
О, горы зеленых
Серeющих крыш!
Но дважды тринадцать в уме.
Плохая поклажа в суме!
К знахарке итти за советом?
Я верю чертям и приметам!

Муха! нежное слово, кра́сивое,
Ты мордочку лапками моешь,
А иногда за ивою
Письмо ешь.

О, черви земляные,
В барвичном напитке
Зажгите водяные
Два камня в черной нитке.
Темной славы головня,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сижу. Согрей меня.
На утесе моих плеч
Пусть лицо не шелохнется,
Но пусть рук поющих речь
Слуха рук моих коснется.
Ведь водою из барвинка
Я узнаю, все узнаю,
Надсмеялась ли косынка,
Что зима, растаяв с краю.

И смелый товарищ шиповника,
Как камень, блеснул
В лукавом слегка разговоре.
Не зная разгадки виновника,
Я с шумом подвинул свой стул.
Стал думать про море.
О, разговор невинный и лукавый,
Гадалкою разверзнутых страниц
Я в глубь смотрел смущенный и цекавый,
В глубь пламенем мерцающих зениц.

Я вам внимаю, мои дети,
Воссев на отческий престол.
Душ скольких мне услышать Нети
Позволит подданных глагол.

В дюжем ругательстве
Хороним душу.
О, златоустые в предательстве,
Сечем устало вашу тушу.
Мы, как Петры, даем тела,
Мы вновь противники Мазепы.
Конем, что нам судьба дала,
В щепы змей разможжен уже нелепый.

ПЕСНЬ СМУЩЕННОГО

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечерком
И, руку простирая длинную,
Наполнить созведьем гостиную.

Сижу в остроге,
Леса сосулек.
В железах ноги
Того, кто жулик.
Приветы псов
Словами лая.
На воле шайка удалая
Темницы щупает засов.
И ищет светлой головы,
Пускай она правит силой рук.
О подоконник с бичевы
Напилка тихий стук.

И есть ли что мечей поюнней.
Но чу! везде полет воюний.
Они везде зовут в борель,
И смерть — красивая свирель.
О, меч, по выйному пути бегач,
Ты — неутомчивый могач!
Везде преследует могун!
Везде преследуем бегун!
Печальны мертвых улыбели,
Сияльны неба голубели.

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

ЖЕНЫ СМЕРТИ

Три барышни белых и с черепом длинным,
Как чайки, за полночи ратью
Летели, летели, и спать я
Раздумал, услышав: вели нам,
Вечерний бродяга, над отмелью
Стать черепом, бросить хохол попугая
Над костию белой. Нам тот милей,
Кто черепу скажет, что радуг дуга я.
Рябины сливается иней.
Летаем навеки над миром.
И, спрошены милым разиней,
Охвачены, вещие, осени пиром.
Но мира теней нам не жаль вьюг.
Услышаны сумрачным вечера морем,
Заспорим, закрытые шалью,
Повторим со смехом: мы морим.
И ветер поет похороннее,
А море сверкает мертвецкою.
И мы, восхитившись тихонею,
Умчимся с улыбкою светской.
Ты милый, с тобой мы же на «ты»,
Нас трое прекрасно женатых.
Рыдает ли лебедь ночной темноты,
И мы в этой стае пернатых.
Три паруса серых по небу, и червь
Всходил на ладью пира смерти один.
В глазницах пустых паутинная вервь.
Он дышит, он смотрит, он жен господин.
И смотрит на нас через руку помор,

И скажет нам: заступ готовьте, идем к мечу мы!
Смерть черная, немочь и мор
Обещаны девой чумы.
Готовьте холсты гробовые!
Забудьте о песнях и так!
Вперед я зову вас, живые!
На веко навеки холодный пятак!
Перун, ну, дай мне молоток,
Шары, нет мало, мало... так.
В шары ударом рокоча,
Вернул с проворством ловкача.
Морского прибоя тележка
По отмелям черным стучала,
И воронов стаи ночлежка,
Увидя орлана, кричала.
И с орланьего пера
В море каплю пера влей.
Слышишь — осени пора, —
Стон могучий журавлей.
Удар молотка об разбойника,
С полоскою черной шары,
А море волною покойника
Стучалось в людские пиры.

1

Меня не трогают
Ночной шатер, тревог уют,
Ни эти ткани шелка синие,
Ни то, что главы в белом инее.

2

Я коснулся теплым локтем
Влас, друзей ночному ворону.
А мост царапал ногтем
Пехотинца, бежавшего в сторону!

3

Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие власы,
И мошки ненужных жизней
Напрасно хотели ее укусить.

4

Меня не трогают
Простой шатер, тревог уют...
Те, помолчавши, шепчут: няня!
Своим испугом сердце раня.

5

Но вот светлейший... строгий рот.
Гонец усталый у ворот.
Ты сорвала цветок, заплакав!
«Очаков пал! У ног Очаков!»

Пусть нет еще войск матерей,
О, пулеметы [в смерть] из младенцев.
Война завыла матерей,
Царапнули пальцем туши венцев.
Сильней еще горл медных шум мер,
Его не каждому учесть.
И женщины, спеша на тех, кто умер,
Суворовой женщин делают честь.
Последний любовник прикажет вам: пли!
И жгучий, и дерзкий скользнет по рядам.
И каждая скажет:
Мы девушки ползали тускло, как тли,
Теперь же я мать, и материнства
Рукой в морду смерти я дам.
С пулями, пулями детских тел веника
Каждая бросится, дикая, с хохотом,
Ударив по уха бельму современника:
На голос, на писк, на помощь, на помощь мне, плохо там!
И вот уже третий воскликнет: на нож!
Сразу и тем, и этим пехота!
И тучи утробных младенческих нош
Помчатся на битву, не ведая, кто та.

Лютиков желтых пучок.
Молнии злостный зрачок.
Женщина бросила бледный цветок.
После же очи окна зазвенели,
Запрыгав под звучное иго.
Желтой строки осыревшая книга.
Тучи темнеют и посинели.
На области слуха упало два замка.
И прочь убегала могучая самка
Гроза, это ты!
Ницнут цветы.

Моя так разгадана книга лица,
На белом, на белом — два серые зня!
За мною, как серая пиголица,
Тоскует Москвы простыня.

Где, как волосы девицыны,
Плещут реки, там в Царыцыне,
Для неведомой судьбы, для неведомого боя,
Нагибалися дубы нам ненужной тетивою
В пеший полк 93-ий
Я погиб, как гибнут дети.

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей
Он железною подковой
Рукой мертвой завязал.
В тайновиденье щипцы
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслыханны и вещи,
Жестяные кистью вещи.

Автограф стихотвоосния «Где как волосы девицыны...» (1916).

СМЕРТЬ КОНЯ

И даже
В продаже
Конского мяса
Есть «око за око»
И вера в пришедшего спаса.
Грубеем
И тихо гробеем.
Где в кольцах, оглобли говею,
Падая на земь бьющимся задом,
Кониной,
Я — белый конь городов
С светлым русалочьим взглядом,
Невидящим глазом
Синий,
В черной оглобле и сбруе,
Как снежные струи,
Я бьюсь.
Так упаду
Убитым обетом.
Паяцы промчатся
Ду-ду и ду-ду,
А я упаду
Убитым обетом.
А город, он к каждому солнцу ночному
Протянул по язве
И по вопросу: разве?

Москвы колымага,
В ней два имаго.
Голгофа
Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи, отелись
В шубе из лис!

Россия, хворая, капли донские пила
Устало в бреду.
Холод цыганский...
А я зачем-то бреду
Канта учить
По-табасарански.
Мукденом и Калкою,
Точно большими глазами,
Алкаю, алкаю.
Смотрю и бреду,
По горам горя
Стукаю палкою.

АЛЕШЕ КРУЧЕНЫХ

Игра в аду и труд в раю —
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время —
Сим победиши!

Кто-то дикий, кто-то шалый.
Время в осень задышало.
Эти серые коробки
За решеткою глаза.
Вопль дикий и не робкий,
Что последняя гроза.
И его-то кистью детской
Чертит ворог Городецкий.
Тра-та-та-та!
Грохот вешанья кота!

Разрушающий порядки,
Где бы ты не был —
Искалеченное небо,
И сверкают разом пятки.

Замороженный Озирис
Зыбой мертвой уснул,
Голой воблой голос вырос,
В глухом городе блеснул!
Голошанный,
Голоумный,
Голоногий,
Дышит небу диким стадом,
Что восходит звука атом!

«Б»

От Баку и до Бомбея,
За Бизант и за Багдад,
Мирза-Бабом в Энвер-бея.
Бьет торжественный набат.
«Ныне» Бакунина,
Ныне в Баку.

САМОСТРЕЛ ЛЮБВИ

Хотите ли вы
Стать для меня род тетивы?
Из ваших кос крученых
На лук ресниц, в концах печеный,
Меня стрелою нате,
И я умчусь грозы пернатей.

Очана-мочана,
Все хорошо!
— Ок!
Это дервиш,
Это прóрок.
Просит пушинкой,
Море поет: вечная память
Тухлым собакам, мертвым сомам
И событьям.
На скатерти песков
Провидцам, пророкам, собакам
Разложен обед: соленая икра.
Шамай! .Садись!
Дети пекут улыбки
Жаровнями темных ресниц
И бросают прохожим.
— Гуль-мулла! — крикнули мне.
— Садись, гуль-мулла — перевезу!
Говорил: — я-я! — темнолицый и поднял весло.
Я сел. Я знал, что меня так зовут
Здесь, в Энзели,
Где я — урус дервиш.

Тайной вечери глаз знает много Нева,
Здесь спасителей кровь причастилась вчера
С телом севера, камнем булыжника.
В ней воспета любовь отплывавших страниц.
Это пеплом любви так черны вечера
И рабочих, и бледного книжника.
Льется красным струя,
Лишь зажжется трояк
На усталых мостах.
Трубы ветра грубы,
А решетка садов стоит стражей судьбы
Тайной вечери глаз знает много Нева
У чугунных коней, у широких камней
Дворца Строганова.

Где море бьется диким неуком,
Ломая разума дела,
Ему рыдать и грезить не о ком,
Оно, чужие удила
Соленой пеной покрывая,
Ломает умные труды.
Так девушка времен Мамая,
Свои глаза большой воды
С укором к небу подымая,
Вдруг спросит нараспев отца,
Зачем изволит гневаться?
Ужель она тому причина,
Что меч жестокий в ножны сует,
А гневная морщина
Его лицо сурово полосует?
Лик пересекши пополам,
Согнав улыбку точно хлам.
Пусть голос прочь бежит, хоть нет у гласа ног,
Но разум — громкой ссоры пасынок.
И не виновна русская красавица,
Когда татарину понравится,
Когда с отвагой боевой
Звенит об месяц тетивой:
«Ты знаешь, как силен татарин,
Могучий вырванным копьем!
Во ржи мы спрятались, а после прибежали,
Сокрыты спеющим жнивьем.
И темносиние цветы
Шептали нам то «вы», то «ты».

И смотрит точно богородица,
Как написал ее пустынник,
Когда свеча над воском тает
И одуванчик зацветает
В ее глазах нездешне синих.
И гнев сурового растает,
И морщины глубокие расходятся,
И вновь морские облака
Дорогой служат голубка.
И девушкой татарского полона
Смотрело море во время оно.

На нем был котелок вселенной
И лихо был положен,
А звезды — это пыль!
Не каждый день гуляла щетка,
Расчесывая пыль, —
Враг пыльного созвездия.
И, верно, в ссоре с нею он.
Салага, по-морскому, веселый мальчуган,
В дверную ручку сунул
«Таймс» с той звезды
Веселой, которой
Ярость ядер
Сломала полруки,
Когда железо билось в старинные чертоги.
Беловолосая богиня с отломанной рукой.
А волны, точно рыба,
В чугунном кипятке,
Вдоль печи морской битвы
Скакали без ума.
Беру... Читаю известия с соседней звезды.
«Новость»! Зазор!
На земном шаре, нашем добром и милом знакомом,
Основано Правительство земного шара.
Думают, что это очередной выход будетлян,
Громадных паяцов солнечного мира.
Их звонкие шутки, и треск в пузыри, и вольные остроты
Так часто доносятся к нам с земли,
Перелетев пустые области.
На события с земли
Ученые устремили внимательные стекла.
Я вскочил с места. Скомкал в досаде известия:
— Какая выдумка! Какая ложь!
Ничего подобного. Ложь!

Мой череп — путестан, где сложены слова,
Глыбы ума, понятий клади
И весь умерших дум обоз,
Как боги лба и звери сзади,
Полей неведомых извоз.
Рабочие! Кладите, как колосья в тяжелые стога,
И дайте им походку и радость бега.
Вот эти кажутся челом мыслителя
И громких песен книгой те!
Рабочие, завода думы жители,
Работайте, косите, двигайте!
Давайте им простор, военной силы бег
И ярость драки и движенье.
Пошлите на ночлег
И беды, и сраженье.
Чтоб неподвижным камнем снов
Лежал бы на девичьем сене
Порядок мерных слов,
Усталый и весенний.

Я вспоминал года, когда,
Как железные стрижи,
Пули, летя невпопад,
В колокола били набат.
Царь — выстрел вышли!
Мы — вышли.
А, Волга, не сдавай!
Дон, помогай! Кама, Кама!
Днепр, где твои губы?
Это широкие кости,
Дворцов самочинные гости.
Это ржаная рать
Шла умирать.
С бледными, злыми, зелеными лицами,
Прежде добры и кротки,
Глухо прорвали плотину и хлынули
Туда, где полки
Шашки железные наголо вынули.
Улиц царями жилых самозванные гости!
Улиц спокойных долгие годы!
Это народ выпрямляется в росте
С знаменем серой свободы.
Брать плату оков с кого?
И не обеднею Чайковского,
Такой медовою, что тают души,
А страшною чугунною обедней
Ответил выстрел первый и последний.
Чтоб на снегу валялись туши.
Дворец с безумными глазами,
Дворец свинцовыми устами
Похож на мертвеца,
Похож на Грозного-отца,
Народ любимый целовал,
Тот хлынул прочь, за валом вал.

Над Костромой, Рязанью, Тулой,
Ширококостной и сутулой,
Шарахал веник пуль дворца.
Бежали, пальцами закрывши лица,
И через них струилась кровь.
Шумела в колокол столица.
Но то, что было, будет вновь!
Чугунных певчих без имен,
Приводных пушек рты открыты.
Это отец подымал свой ремень
На тех, кто не сыты.
И, отступление заметив,
Чугунных певчих Шереметев
Махнул рукой, сказав «довольно
Свинца для сволочи подпольной».
С челюстью бледной, дрожащей, угрюмой,
С остановившейся думой
Шагают по камням знакомым.
«Первый блин комом».
Вот она, вот она, вот она,
Охота на белых царей.
Нет. Веревкою серой обмотана
Свобода висит на Кремле.

Русь певучая в месяце Ай,
Ты собираешь в лукошко грибы — рыжик и груздь
и сыроежка —
В месяц Ау.
Он голодай. Падает май.
Гнешь пояса в месяц страдник
Черный и темный ночами грозник.
В серпня времена
Вяжешь снопы.
Жницы в полях.
И в осенины
Смотришь на небо,
На ясное бабие лето.
В месяц реун
Слушаешь зверя, смотришь на зарево.
Свадьбы справляешь в зазимье,
В свадебник месяц,
Глухарями украсив дугу.
Братчины после приходят,
Брага и пиво и вечера.
За ними зимник.
Мчишься на лыжах, зайца подозрив.
И синий зимы перелом,
Месяц-просинец. Саням раздолье.
Дороги широкие!
Идет бокогрей.
Лепишь снегур,
Даешь им метлу
И угли для глаза.
После пролетье свистун.
Свисти с голодухи в кулак.
И наконец месяц цветень.

По Батыевой дороге
Пролетели грачи.
Это он заиграй-овраги.
На оврагах мать-мачеха
Золотыми звездочками.
И она от водки бога
Охмелела и пьяна.

Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые
Проносят медь, железо, олово,
Огня — ночного властелина — вой;
Клещи до пламени малиновые;
В котлах чугунных кипяток
Слюною кровавою клокочет;
Он дерево нечаянно зажег,
Оно шипит и вспыхнуть хочет!
Ухват руду хватает мнями
И мчится, увлекаемый ремнями.
И, неуклюжей сельской панны,
Громадной тушей великана
Руда уселась с края чана,
Чугун глотая из стакана!
Где печка с сумраком боролась,
Я слышал голос — ржаной, как колос:
«Ты не куй меня, мати,
К каменной палате!
Ты прикуй меня, мати,
К девичей кровати!»
Он пел по-сельскому у горна,
Где всё — рубаха даже — черно.
Зловещий молот пел набат,
Рука снует вперед-назад!
Всегда горбата, в черной гриве,
Плеснув огнем, чтоб быть красивой.

ДЕРЕВО

Вам срамно, дерево, расти с земли?
Боясь земли,
Брезгливо подымаешь платье,
И, оголяя ствол во мху,
Отколь овечьи лбы спускали клоки шерсти.
Ты подымаешь ветви вверх — как песни воинов,
Торжественным сказаньем,
Былиной о богах и пением на Красной площади
Свободного народа.
Зная, что свечек зеленых обедня
Все же темнее и хуже,
Чем руки свободы к народным вождям.
Я говорю — хорошо!

К. А. Виноградовой

Перед закатом в Кисловодск
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запрятан в воротник:
То Лобачевский — ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священно это имя.
«Мир с поперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уже поднят.
И я желал сегодня,
А может, и вчера,
В знаменах Невского,
Под кровлею орлиного пера,
Увидеть имя Лобачевского.
Он будет с свободой на «ты»!
И вот к колодцу доброты,
О, внучка Лобачевского.
Вы с ведрами идете,
Меня встречая.
А я, одет умом в простое,
Лакаю собачонкой
В серебряном бочонке
Вино золотое.

Пусть пахарь, покидая борону,
Посмотрит вслед летающему ворону
И скажет: в голосе его
Звучит сраженье Трои,
Ахилла бранный вой
И плач царицы.
Когда он кружит черногубый
Над самой головой.
Пусть пыльный стол, где много пыли,
Узоры пыли расположит.
Седыми недрами волны.
И мальчик любопытный скажет:
Вот эта пыль Москва, быть может,
А это Пекин иль Чикаго, пажить.
Ячейкой сети рыболова
Столицы землю окружили.
Узлами пыли очикажить
Захочет землю звук миров.
И пусть невеста, не желая
Носить кайму из похорон ногтей,
От пыли ногти очищая,
Промолвит: здесь горят, пылая,
Живые солнца и те миры,
Которых ум не смеет трогать.
Закрыл холодным мясом ноготь.
Я верю, Сириус под ногтем
Разрезать светом изнемог темь.

Дикарей докарай!
Мысль, петлей захлестни
Коня голубого морей.
После себя полосни
Ревами: рей!

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ[1]

ПОЭМЫ

Передо мной варился вар
В котле для жаренья быка.
Десять молодых чертенят
Когтями и языками усердно раздували жар,
И накалились до-красна котла бока.
Струи, когда они кипят, они звенят.
Они советовались, как заговорщики: «Вот здесь жар в углях потолки!»
Совы с криком подым<ались> в потолки,
Кипел горящий пар и огнен<ные> ро<ждал>. цветки.
Божественный повар
Готовился из меня сотворить битки.
Он за плечо меня взял, и его мышцы были здоровы.
Готовясь в пещь меня швырнуть,
Сладкоголосого в земные дни поверг в кипящую смолою глубь.
Я умолял его вернуть
К реке Сладим текущей
Мимо с цветами и птицами кущи,
Но он ответствовал сурово:
— О, блудодей словес, ответствуй, что делал ты на трижды обчернутой моим крылом земле?
Что делал, что знал ты?
Он трепетать меня заставил, как эста балты.
И, трепеща и коснея, в мышцах его рук себя ощущал, как камень в дубовом зажатый комле.

[1] Слова, зачеркнутые Хлебниковым и восстановленные редакцией, заключены в [ ], предположительные чтения, конъектуры в < >.

Я отвечал: «Моя муза больше промышляла извозом
Из запада скитальцев на восток,
И её никто не изобличил в почтенном занятьи вора.
Впрочем, она иногда не боялась навозом
Теплым запачкать одеяния бедный цветок
Или низ платья, мимо скотного проходя двора».
Тут тощий и скаредный лик
Высунулся из-за плеча и что-то шептал,
И его длинный язык
По небу нёба прилежной птицею летал.
И от головой качал суров.
— Ты прав, — сказал он, наконец.
О, поэт, поэт, забудь луга, коров
И друга нашего прийми венец!
Но ведь это — прелесть! —
Заметил Вячеслав.
— И в этом челюсть
Каких-то старых страшных глав.
Я заметил в этом глаз...
Не правда ли, она прекрасно улеглась
Красивостью небесных струй,
Которых ждет воздушный поцелуй?
— Да. Я тоже нахожу, —
Лениво молвил Амизук.
— Я, может быть, не так сужу,
И, может, глупость, что я скажу,
Но только мне кажется, что понравилось. Очень.
Он вдруг покраснел и был, казалось, сильно озабочен.
Другие сидели молча, не издав ни звука.
— Скажите, вы где изволили вкусить блага наук?
— Паук?
— Ах, нет... наук.
Писатель, который уже сменил надежды на одежды
Всеобщего уважения и почета,
Заслуженной пользуясь славой звездочета,
Которому не закрыты никакие двери спален,
Сидел, и томен, и печален,
Одной рукой держась за локоть,
Набитый мышьяком,
И сквозь общий хохот
Он был один, казалось, не рад обмолвке с пауком.
А впрочем, он был наедине с последними «Весами».
Младой поэт с торчащими усами,

Который в Африке
Видел изысканно пробегающих жираф к реке,
К нему подошел и делал пальцами, как пробегает по стене паук,
Тем вызывая неземных отображение на лице страдальца мук.
Писатель скорбно-печально расхохотался,
Но тот, кто в Африке скитался,
Его не покидал
И тем заставил скрыться под софу.
Меж тем, там кто-то, как Дэдал,
Перелетал на милый всем Корфу.
То видя, неземной улыбкой улыбаяся, ясница
Взирала голубыми очами.
О, кто б умел сказать, что снится
Ночами?
Поэт, поклонник жираф,
Взирал и важен, и самодоволен.
Он не любил отрав
И бегством пленника доволен.
Свой взор струит, как снисходительный указ,
Смотрящий сверху Вячеслав.
Он любит шалости проказ,
От мудрой сухости устав.
С буйством хмеля в глазах
Освобожденного от уз невольника
Кто-то всечеловеческий вплетает страх
В немного странную игру природы: треугольник,
Которого катеты, сроки и длина
Чудесно связаны с последних дней всего забвением.
Столовая немного удивлена
Внезапным среди лозы и кудрей откровением.
И укрощают буйство быстрое речей,
Но оно клокочет, как весной ручей.
Амизук прилег болванчиком
На голубом диванчике.
Он в красной рубашке,
И мысли ползают по его глазам, как по стеклу букашки.
Он удивлен речей началом,
И мысли унесены его на одиннадцатую версту,
Где лен прикреплен мочалом
К шесту.

— А вы? у вас есть что-нибудь? Вы прочтете? —
Обращаются к тому, кто все думает, все думает о богатой тете,
О, золотой презрен<ный> прах,
К сидящему на кресле в черных воротничках, —
Так что его можно было принять за араба, — о, мысли скачки,
Если б цвет предков переходил на воротнички.
— Я? Я с удовольствием. Он подымается и гордо
С осанкой важной лорда
Читает: «России нет, не стало больше,
Ее раздел рассек, как Польшу».
Или «Среди людей мне делать нечего,
Среди зверей я буду вечером».
Или «Куда ходил я мед пить жизни
И высокомерным быть к богам.
О, тризны, тризны
Ум<ершим> врагам».
— Очень мило. Изрекают. Блестят доверчиво глаза,
А там, скача и спотыкаясь, по ладам скачет бирюза.
— Очень мило. Вы очень удачно похитили у раешников меру.

Глаза сказавшего с лукавством устремлены на Веру
Константиновну Иванову — Шварсалон.
С окошка
Кошка
Смотрела на салон.
И бьют часы уж два.
К столу собираются гости едва,
Гостей власоноша не дозовется.
И уселись за стол, как полководцы,
Ученики военных училищ, —
У них отсутствуют мечи лишь.
— Что? что? еще мальчики! Они не знают, во сколько обходится, —
Был рассержен толстяк сутулый.
И вот из божницы сходит богородица
И становится тихо за стулом.
И когда заговорили о человеке и вере, — тогда
Ее божественные веки дрожали прелестию стыда.
Она скользнула в дверь за Ниссой,

Она спустилась по лестнице вниз, и
Она сошла на далекую площадь
И, обняв, осыпала поцелуями в голову лошадь.
Так изливала богородица свое горе,
А над ней опрокинутое сияло звездное море.

КАРАМОРА № 2-ой

Обойщик, с волчанкой
На лице, в уме обивает стены,
Где висящие турчанки
Древлянским напевам смены.
Так Лукомского сменяет Водкин.
Листопад снежный отрок мятели,
Мелькают усы и бородки.
Бородки. Иные свободными казаться хотели.
Вот Брюллова. Шаловливая складка у губ.
И в общем кошка, совсем не змея.
О, кто из нас в уме (решая задачу) не был Лизогуб
При виде ея.
Мое сердце — погибающая Помпея
Кисти Брюллова,
В ваших глазах пей я
Добычу пчел лова.
О том, что есть, мы можем лишь молчать.
На то, что сказано, легла лукавая печать.
Я прав. Ведь дружно, нежно и слегка.
Мы вправе брать и врать взаймы у пустяка.
Вот новая Сафо; внучка какого-то деда,
Она начинала родовое имя с «дэ», да.
Как Сафо, она, мне мнится, кого-то извела.
Как софа, она и мягка, и широка, но тоже не звала.
Сафо с утра прельщает нас,
Когда заутра всходим на Парнас.
«Куда идешь? Куда идешь?
Я — здесь, Сафо, о, молодежь!»
Софа зовет прилечь, уснуть,
Когда итти иссякла нудь.

«Куда идешь, о, нежный старче!
Меня на свете нет теплее, мягче, жарче».
Но как от вершин Парнасских я ни далек,
Я был неподвижен, как яствами наполненный кулек,
Когда, защищаемый софой,
Я видел шествующую Сафо.
Но, знать, пора уж в скуки буре
Цветку завянуть в каламбуре.
С элегией угасающей оргии
В глазах
Сидит пренебрегающий Георгием
Боец, испытанный в шахматных ходов грозах.
Он задумчиво сидит, и перед ним плывут по водам селезни.
И вдруг вскочил и среди умолкших восклицает: «их все лизни!» —
Все с изумлением взирают на его исступ,
Но он стоит, и взор его и дик, и туп.
Сидит с головою сизой и бритой, как колено верблюда,
Кто-то, чтобы удобней, быть может, узнице гарема шепнуть: люблю? — да!
Над лицом веселым и острым.
Он моряк и наяды его сестры.
Здесь пробор меж волос и морщины на лбу лица печального имеют сходство с елкой,
Когда на него с холста смеется человек с черно-серой испанькой.
Тот в обличьи сельского учителя
Затаил, о! занятье мучителя,
Вечно веселого и забавного детку,
Жителя дубров и зеленой ветки.
Остро-сонный взгляд,
Лохматый, быстрый вид.
Глаза углят
Следы недавние обид.
Здесь из угла
Смотрит лицо мужицкого Христа,
Безумно-русских глаз игла,
Вонзаясь в нас, страшна, чиста.
В нем взор разверзнут каких-то страшных деревень,
И лица других после его — ревень.
Когда кто-то молчанием сверкал,

Входил послушник радостный зеркал,
Он сел,
Где арабчонок радостный висел.
Широко осклабляясь, он уселся радостен,
Когда черные цветки — зная о зное, — его смотрела рада стен.

Молодчик, изловчась...

ПЕСНЬ МНЕ

Я помню гордые черты
С чертогом распри шалашов
Я прыгнул в бездну с высоты,
И стал вражды враждебный шов.
Вотще упреки дураков!
К расчету хитрому негоден,
Я и в одежде из оков
Хожу спокоен и свободен.
С улыбкой ясной, просто
Я подымаю жизнь
До высоты своего роста.
В век книг
Воскликнул я: «Мы только зверям
Верим!»
И мой язык велик порой,
Как сон задернутый горой.
Я проклял вещь,
Священ и вещ.
Ей быть полезною рабыней,
А не жестокою богиней.
Прожить свой век
Хотеть я мог,
Как с пляской ног
Враг похоронных дрог.

То свету солнца Купальского
Я пел, ударив в струны,
То, как конь Пржевальского,
Дробил песка буруны.
И я там жил, брега Овидия,
Я там бы жил, вас ненавидя я,
Но вдруг вернулся переменчив,
Улыбкой ясною застенчив.

Я спорить не берусь,
Но, думаю, мы можем
Так жить, чтобы стала Русь
Нестыдной жизни ложем.

Трость для свирели я срезал
Воспеть отечества величие,
Врага в уста я не лобзал,
Щадя обычаи приличия.

Земля гробниц старинных скифов,
Страна мечетей, снов халифов,
В ней Висла, море и Амур,
Перун, наука и амур.
Сей разноязычный кровей стан
Окуй, российское железо!
Тунгуз сказал: «Там властен великан,
Где зреют белые березы».
И с северянкой стройной, белой
Идет за славой русский смелый.
Потом ты выберешь другую
Подругу верную тебе,
Главу, быть может, золотую
Она возносит на столбе.
И с ней узнаешь юга зной,
И холод веток вырезной.

Пусть произойдет кровосмешение!
Братья полюбимте <нрзб.> друг друга.
Судьбы железное решенье
Прочесть я мог в часы досуга.
Так молодой когда-то орочон
Любил коварную сестру
И после проклял, научен,
Ушел к близмлечному костру.

Волнуясь, милуя, жалея
Тебя, о, Россия цвета лилея,
Пел о радости высокого
Долга другом быть жестокого.
Святое мы спасаем в скрепах

Из дел свирепых.
Отцов ненавидим вину.
Будем русскому вину
Сосуды крепки и чугунны,
Будем мы гунны.
Не надо червонного слабого золота
Для заступа, жерла и молота.

И, изумлены бедствий урожаем,
Мы видим, мы мужаем.
Мы, как разгневанный король,
Нам треплет ветер волос,
До нас что было голь,
На плечах меха колос.

Пусть свободные становища
Обляжет русских войск змея.
Так из чугунного чудовища
Летит жемчужная струя.

Сейчас блистают звезды,
Везде царит покой.
У русского подъезда
Я стал, как часовой.
И если кто-нибудь поодаль встанет,
То бойся: выстрел грянет.

Здесь за белую щеку ба́бра
Схватил отчаянный охотник.
А в городе дом-гору озирает храбро
Вскарабкавшийся на крышу плотник.

Здесь в водах русла Невского
Крылом сверкает самолет,
Там близ кумира Лобачевского
Мятель мятежная поет.

Там вздохи водопадные кита
И ледовитые чертоги,
Здесь же взлетают стрепета
И ходят эллинские боги.

Я, как индеец, твари не обижу,
Я не обижу и тебя,

Лишь высокомерье нищих ненавижу,
Достоинство любя.

О, русского взоры,
Окиньте имение,
Шестую часть вселенной,
Леса, моря, соборы...
«Моя» местоимение
Скажи, коленопреклоненный.

Будем чугунно-углы,
Мы, северяне, и вы, юга дети смуглы.

И в мертвую [влюбленность] в цветок
В миг безвольный и гробовый
Я окровавил свой платок
И с ним повел вас в лес дубовый.

Невольный навевая страх,
Входил я в грязных сапогах,
Как победитель, как Атилла,
А ныне все мило в земных дарах.
И тот мне мил,
Чей век судьба позолотила.

О, вы, что русские именем,
Но видом заморские щеголи,
Заветом «свое на не русское выменим»
Вы виды отечества трогали.
Как пиршеств забытая свеча,
Я лезвее пою меча,
И вот, ужасная образина
Пустынь могучего посла,
Я прихожу к вам тенью Разина
На зов [широкого] весла.
От ресниц упала тень,
А в руке висит кистень.

МЕДЛУМ И ЛЕЙЛИ

Два царя в высоком Курдистане,
Дочь и сын растут у них.
Годы носят свои дани,
Молодые уж невеста и жених.

Серебро и чернь во взорах,
Дышат негою ресницы,
Сердце бьется, Лейли шорох
Медлума слушает десницы.

И в жизни царских детей
Плетет паутину страданье.
Жили когда-то между людей
Медлум и Лейли — так гласило преданье.

В время осеннее,
В день вознесения,
Только три поцелуя
Смертным даю я.
Только раз в году
Я вас вместе сведу,
И с звездой сплетет звезду
Три лобзания на ходу.

Будешь инок, купец и вояка,
Девой смертной, владыкой иль рыбарь,
Только пусть воля будет трояка,
Чтобы божьей свободе был выбор.

И почует воздух холю,
Дышит светом ветерок,
И исполнит твою волю
Ветхий деньми кроткий бог.

Узревший, что серебряным крылом
Медлум закроет слабую Лейли,
Становится волшебным мудрецом
Среди сынов земли.

Луч золотой
Полночь пронзил,
То Медлума лобызанье той,
Кому Медлум бессмертно мил.

Божественный свет
<Нрзб.> в небесах,
Неясный шлют привет
Деревья в лесах.

И душа пылает всюду
По лицу земной природы,
И, смирясь, внимают чуду
Изумленные народы.

Все меняет говор, норов
И правдивый гонит лик
Для любви нескромных взоров,
Для проказы и погонь.
И трепещет, как огонь,
Человеческий язык.

К временам стародавним
Возвращается племя земли,
Камень беседует с камнем
О веселии вечной любви.

Загорясь противоречьем
К временам обыкновенным,
Все запело человечьим
Песен словом вдохновенным.

В этот миг золотого сияния
В небе плещущих огненных крыл
Только выскажи лучшие желания
Три, чтобы выбор у господа был.

— Кто был обижен земной
Сечей отцовских мечей,

По смерти оденется мной
В светоч венка из лучей.

Из сумрака серого
Рождается дерево,
Нагибаясь к соседу,
И веет беседу.

Час божества
В листьях растения,
Глаз существа
Видит в смущении.

В душах отчаянья мрак,
Если расстроится любящих брак.
Два разрушенных венца,
Два страданья без конца.

Где живут два рода в ссоре,
Где отцов пролита кровь,
Там узнает желчь и горе
И безгрешная любовь.

И Медлум, и Лейли
Узнают роковое нет.
Что ответить им могли
Питомцы неги слабых лет?

Священны в желаниях родители,
Но и у молодых есть права,
В отчаянии к бессмертия обители
Лейли промолвила слова:

— О, если расставаться нужно
Двоим нам в свете этом,
То разреши, господь, чтоб дружно
Гореть могли мы звездным светом.

Бог, чье страшно молвить имя
Рту земного и везде,
Повели, чтобы могли мы
Вверить жребий свой звезде!

И молитвы тихой колос
Сотворяет зерно хлеба,
И господь услышал голос
С высоты ночного неба.

Где жизни правдой бедность,
Там проходят чудеса,
Лучами прекрасную бледность
Раздвояют небеса.

Где веселию граница
Нигде не знавшего вражды?
И, чуда новая страница,
Горят две яркие звезды.

Небосклон
Двух сияющих сторон
Вам жилищем обречен,
Там блестите ты и он.

Там, звездою мчась вдоль круга,
Над местами, где любили,
Пусть Медлум узнает друга
В ярком вечера светиле.

Ты, отрок непорочный,
Возьмешь простор восточный,
А ты, прекрасная Лейли,
Взойди над сумраком земли.

И, покорна небесам,
Запад выбрала Лейли.
И к восточных звезд лесам
Пригвождает желчь земли.

Старики, подъемля вежды,
Мимо призрака земли
Узнают во тьме одежды
Мимо мчащейся Лейли.

И, узрев чело для дум
На востоке между тучами,
Говорят: то наш Медлум
Обьят грезами летучими.

В лесу, где лебедь с песней стонет
И тенью белой в пруду тонет,
Где вьется горностай
Среди нечастого осинника,
И где серебряный лисицы лай
Тонко звенит в кустах малинника, —
Там белозадые бродили лоси
С желтопозолоченным руном
И тростников качались оси
За их молчащим табуном.
Две каменных лопаты
Несет самец поодаль, тих,
И с визгом жалобным телята,
Согнувшись, пьют сосцы лосих.
В сосне рокочет бойко
С пером небесным сойка.
И страстью нежною глубок
Летит проворный голубок.
Гадюка черная свисала
Дугой с широкого сучка,
И пламя солнца освещало
Злобную черту ее зрачка.
[Качает ветер купола
Могучих сосен и дубов.
Молчат цветов колокола
В движеньях тихих лепестков].
И сосны стройные стонали,
Шатая желтые стволы.
То неги стон, то крик печали,
То визг грохочущей пилы.
В холодном озере в тени
Бродили сонные лини.
И в глубине зеркальных окон

Сверкает полосатый окунь.
А синечерный скворушка
На солнце чистит перышко.
Царственно блестящие стволы
Свечи покрыли из смолы.
С глухого муравейника
Взлетит, стуча крылом, глухарка,
И перья рдяного репейника
Осветит солнце жарко.
Взовьется птица. Сядет около.
Чу, слышен ровный свист дрозда.
Вон умная головка сокола
Глядит с глубокого гнезда.
Нагие древяницы
Свисали телом с темной ели,
И их печальные зеницы
О чем-то жили, о чем-то пели.
И с грудью меднокрасной
И белой сединой
Плыл господин воды ненастной,
Красивый водяной.
Скользя в пахучей пляске,
Низко-свистящие ужи,
Черны, тягучи, вязки,
Дружили в зарослях межи.
Здесь темный храм
Чреды немых дубов,
Спокоен, грустен, прям,
Качает тяжестью годов.

Напрасно юноша кричал
Родных товарищей веселья,
Никто ему не отвечал,
Была пуста и нема келья.
Народ на вид мученья падок,
Народу вид позора сладок,
Находчив в брани злой глагол.
И, злоязычием покрыт охочим,
Потупив голову, он шел.
Ему господь — суровый отчим.
Ремнем обвитый кругом стана,
Он счастья пасынок и пленник,
Он возвращенный вспять изменник.
Кругом суровая охрана,
Для ней пустое голос денег.
Чья скорбь и чье лицо,
Как луч, блистающий сквозь тьму,
В толпе почудилось ему?
И чье звенит по мостовой кольцо?
Сей вид условный
Души печали, но немой,
Что всемогущий быт сословный
Сокрыл прозрачною фатой.
Но любопытные старухи,
Кивая, шепчутся о ней.
И надвигает капелюхи
Стража, сдвигаяся тесней.
И вот уж дом. Хвала
[Пророку мира] Магомету!
Да благословит сей дом Алла!
С словами старого совета
Значенья полны письмена
Хранила старая стена.

Молчит суровое собранье,
Оплот булгарского владавца,
Выбирает, потупив взоры, наказанье,
Казнь удалого красавца.
И он постиг свою судьбу, —
Висеть в закованном гробу
На священном дубу,
На том, что выше всех лесов.
Там ночуют орлы,
Там ночные пиры
Окровавленных сов.
[Озирая гроб дубовый,
— Казнь легка и высока! —
Так заметил суд суровый].
И на ящик замка
Опустился засов.
Молитвы краткие поклоны
Прервали плавно текший суд,
И в ящик стук, и просьбы стоны,
И прочь тяжелый гроб несут.
Пространство, меры высоты,
Его отделяют от земли.
Зачем уделы красоты,
Когда от казни не спасли?
Внизу — поток, холмы, леса,
Над ним [сияет звезд] костер.
Потомство темное простер
Дуб в [ночные] небеса.
Булгар, борясь с пороком
И карая зло привычек,
На этом дереве высоком,
Где сонмы живут птичек,
Сундук повесил с обреченным,
В пороке низком уличенным.
Как гвоздь и млат, мрак гробовой;
Бияcь о стены головой,
Живя в гробу, еще живой,
Сквозь деревянные одежды
Искал луча надежды.
Но нет ее. И ветер не уронит
Гроб прикованный цепями,
И снова юноша застонет
К смерти прикован<ный> людями.

Он долго должен здесь висеть,
В тугих ремней зав<язан> сеть...
Когда же гроб истлевший упадет,
Засохший труп в нем взор найдет.
То видит бог. Ужасна кара
За то, что был беспечен в страже
Владавца темного коня.
Закон торгового булгара,
Рабынь искусного в продаже,
Жесток, невинного виня.
[И если гордость уберечь
Владавца отрок не сумел,
Тому виной не слабых меч,
Но ночь — царица дел.
Он не уберег
Владавца темного коня.
С признаньем смешанный упрек:
Богини страсти то вина.]
Служанки робкой в ставню стук:
— Пора! Пора!
Пусть госпожи уходит друг
До света со двора.
— Уж поздно: исчезают грезы,
И звезды сделались серей.
Уходишь ты, — приходят слезы.
Прости, прости — и будь скорей!
И восточных благовоний
Дым рассеял свет лучей.
Отрок, утром посторонний,
Исчезает из дверей.
Но не ржет и не храпит
Конь, избранник табунов,
Лишь поодаль всадник мчит
Князя волжских скакунов.

В глубине святой дубровы,
Где туманно и сыро,
Взором девственным суровы,
Поют девы позморо.
Встав кумирами на кадки
Под дубровою в тени,
Встав на сломанные пни,
В изваяний беспорядке,

Тихо молятся они.
Из священных ковшей
Молодой атепокштей
От злых козней застрахованное,
От невзгоды очарованное
Подает золотистое пиво.
И огни блестят на диво
Строем блещущих свечей,
Точно ветреный ручей.
Песнь раздалась вновь сугубо,
Слух великого отца
Не отсутствует нигде.
И незримого жреца
В глубине святого дуба
Тихо гремлет «сакмедэ!»
И его дрожащий голос
Громче сонма голосов
На поляне меж лесов,
Где полдуба отколоЛось.
И тихо, тихо. Тишина
Прильнула к <———> кустам.
Вдруг смотрят, перст прижав к устам,
Идет прекрасная жена.
Обруч серебряный обвил
Волну разметанных власов,
И взор печалью удивил
Робких обитателей лесов.
Упали робкие мордвины:
— Мы покорны, мы невинны,
Словами бога убеждают
И славословьем услаждают.
Не так пред бурею
Травы склоняются листы?
Они не знают, видят гурию
Иль деву смертной красоты.
Она остановилась.
— Где он? —
Промолвила она и оборотилась.
Вдруг крик и стон.
Внезапная встала прислуга,
Хватает за руку пришелицу
И мчит ее за мост, где влага.
И вот уж коней слышен топот,

За нею пыль по полю стелется,
И вот уж замер грустный ропот.
И, пораженная виденьем,
Мордва стоит <в> оцепенень<и>,
И гаснут на устах
Давно знакомые песнопенья.
Быть может, то Сыржу
Вновь пленяет Мельканзо.
Я видел деву. Я сужу:
У ней небесное лицо.

Над мужниной висит зазубренный тесак,
А над женскою постелью
Для согласования веселья
Был шелковый дурак,
Под ним же ожерелье.
И, как разумная смена вещей,
Насытив тело нежной лаской,
Жену встречает легкой таской.
Так после яств желают щей.

А между тем, всегда одна
Ходила темная молва:
Будто красавица-вдова
Была к владавцу холодна.
И, мстя за холод и отказ,
Жестокий он дает наказ:
Коня счастливцу дать стеречь,
Похитить, умчать и казни обречь.
Но о лукавой цели умолчали
Слухи позора и печали.

<ОТРЫВКИ ИЗ ЧЕРНОВОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ «ВИЛА И ЛЕШИЙ»

В плешь седую и висок
Вплела колечком волосок
И отметила его:
То для дома твоего.
Досужего царица времени
Чертит на плечах, шее и темени
Девицу с зрачком оголтелым.
Так, девой снежной обработан,
Лежал нагой оборотень.

*

В дубов чаще
В вьюнка плаще
Она видна. Трудна забота,
Почти окончена работа,
Хоть белены цвет с медуницей
Сплетен бестрепетно девицей.
Лугов и рощ зеленый чорт
Лежит в ногах комком простерт.
Как много в нем живой печали,
Как был он резв и лыс в начале.

*

Сверкает золотая плешина,
Чего-то ждет, чего-то хочет,
И ей до крупных слез потешена
Природа грустная хохочет.
Где веселье, разум где,
Где веселое везде?
Я иду к рабам, владыкам
С песней радости (поверь!)
Не нарушит воя мыком
Тихой неги [страшный] зверь.

Ты сед, о, дед,
Любимец ·бед,
Сердито-добрый и седой
С своей согнутой бородой.
А мне, узнай, семнадцать лет..
Любимы мною мотыльки,
Холмы, лужайки и цветки.
Люблю войти в людские сны.
Хожу одетой в ткань весны.
Я, ветхо-юная краса,
Благословляю небеса,
Людей сверкающие взоры,
И вас, зеленые леса,
Лужайки, горы и озера.
Пойми, суровый человек,
Такой останусь я навек,
[Воюя с козними] опеки,
Себе самой я свой кумир,
И я с улыбкой через веки
Учу познаньям белый мир.
Отсель мой радостный набег.
Мне страшен только дровосек.
Когда придет, я буду нища,
Лесная зелень — моя пища.
Я, как небо, благородна,
Знатна, светла и легка.
Я воздушна и свободна
И с крылами мотылька.
Эти белые уступы, —
Красной чести белый кремель.
Он захочет, — станут глупы
Мудрецы сильнейших земель.
Летом я в венке стрекоз,
А зимой — сестра славянки, —
Сев одна сам друг на санки,
Мчусь на ветер и мороз.
Бег реки стал тверд и сух,
Всюду чистый белый пух.
[Снежки, санки, лед, лыжи.
Солнце кратко, солнце ниже.]
То веселая зима.
Полны хлебом закрома.

И на вопрос, путем каковым
Хочу я жизнь свою прожить,
Я отвечаю мотыльковым
Богам намерена служить,
Лишь с их чредой могу дружить.

*

Там рыбалка за горой,
Рыбарь юно-молодой.
Послушай, старец вечно-вешний,
Пастух, сказали кто-то, здешний,
Отменный будто бы силач,
Сильный ловкач,
Не лукавец, не опасный,
Но красавец сердцем ясный.
Правда то? Скажи,
Здесь нет у выбора межи.

*

Мы праздность проказами тешим
С козулькою, блошкой и лешим,
Но сердце бывает насытясь
Лишь вместе с тобою, задумчивый витязь.
Как много я пережила,
Порой с ума, мне думалось, сошла.

*

Ей черный дятел был попутчик,
Жуков настойчивый лазутчик,
Он красным теменем сверкал,
А сам был темен, точно сажа,
И пищу по лесу искал,
Он леса был и стража.

*

«Здесь можно сесть у изголовья,
Мне надоела доля вдовья».
«А я устал от многословья», —
Пастух сказал; пастух зевнул
И дом печально оглянул.
«Ну, что ж, скорее дело».
«За тело? Я не смела».
Веревкой смольной с плеча спустилас<я> коса.

«Какой изящный лапоток».
«Надеть? Изволь!» И словеса
Лились, как утра лет поток.
Она подавала согнутую ногу,
Слегка оперлась о плечо.
«Вот ты обута понемногу», —
Пастух заметил горячо.
Не будут более царапать
Игла сосны, ежи и сор.
Прелестен липовый убор.
Прелестный снег одет был в лапоть.
Теперь другую, и такую
Простую, узкую, тугую.
Он с благодарностью вздохнул
И лапоть нежно затянул,
И козий мех висит на плечах,
Рожок в руке гремучий в встречах.
«Я свой шалаш тебе <от>дам,
А сам уйду к своим стадам».
«Зачем так рано?»
Она поспешно возразила,
С улыбкой нежной погрозила.
«Ты будь мне стража и охрана.
А я дам прелести уроки.
Мы двое, нам чужды пороки,
Чужда сомнения печать;
Как ты думаешь, с чего начать?
Ты должен, должен отвечать.
Зачем смеяться? Замолчи!»
В зрачках смешливые лучи,
Кто весел, любит закричать.

*

Взойдя на каменную глыбу
Порой трепещущую рыбу
Она на удочку ловила,
Сам друг с приятелем ходила.
Однажды мчался вепрь, воя.
Как испугались они двое,
Боясь дорогу пересечь,
Схватясь рукой за старый меч.
Прыгуньи ветреный шажок,
Природа в брызгах и мокра,

В него [летит] лягушечья икра,
А в воду — посох и рожок.
Над речкой несся счастья смех,
Улыбке дружба юных всех.
Их темносмуглые тела,
Их легкозвучные дела
Знал долго тот кудрявый лес,
Видал и сам печальный бес,
И я однажды подсмотрел,
Когда бродил с пучками стрел.
Я помнил князя стад овец,
Когда охотник и ловец
Бродил за вепрем или серной,
Местам пустынным чащи верной.

*

С главой склоненной мудреца
Он шел, стараясь жизнь постичь,
И что ж, приветствует с крыльца
Его жена: «Ты старый хрыч!
Ты где уж вздумал пропадать,
Ужели трудно отгадать,
Мне про приход залетной крали
Давно уж уши прожужжали.
Давно уж сплетн<ями> полощут,
Что честь семьи ты снес на площадь,
И в песнях звонких прославлялся.
Что ты в ногах ее валялся.
Пора, пора угомониться!»
Кричит рассерженно царица.
Всё рухляди и хлам,
<Волшба> сплетен и гам.
«Как вы <сидели>, кто голуб<ятся>,
То <значит> люб<ятся>.
У, дед бесстыжий...»

Бедняжка плешину закрыл
Обеими руками:
На ней чертеж печальный был
Девицы с бойкими зрачками.
А часом тем из недр лачуги,
Рукою пущены супруги,
Летят полено и ухват,

Чепцы, стаканы и ушат,
Капуста, с ней гнилые яйца
И с головою мертвой зайца.
То впопад, то невпопад
<Всё> это падало, как град.
Старик моргал, прищурился,
А после жалостно всхлипнул,
Рыдая, громко <он> икнул
И вдруг поник и окачурился.
И ведьма [громко] завопила:
«Ах, на кого меня покинул!
Скажи, <что> власть я уступила,
А ты на зло мне взял и сразу сгинул».

<КУСКИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЭМУ «ИГРА В АДУ»>

Хвосты слюнявя, игроки
Бросают меткими камнями.
И, как степные дураки,
Пылают языки огнями.

•

И если здесь росли цветы,
Все пахли сероводородом.
Нет простоты
Под тяжким сводом.

•

В твоей руке горит барвинок,
Ты молчалива и надменна,
И я, небесной девы инок,
Живу. Лишь смерть моя измена.

•

И спокойный председатель
С непристойным подобьем жезла,
Сердец задумчивый читатель,
Взирал на углы золотого узла.

•

В духоте, в глубоких сводах,
Суеверны и грустны,
О земных поют свободах
Дети праха и весны.

*

Звезды белые суровые увенчали плетень золотой волос
И багровые чернь гладких кос.

*

Вижу сухие воздушные ткани,
А ниже чернеют чулки.
Улыбка легких указаний
Зажгла веселые зрачки.
И облик более чем светский,
Но ротик тонкий, ротик детский.

*

С притворной скромностью немея,
Та опустила долу взор.
Вот прыгнул бес быстрее змея
На грудь — бесстыдство и позор.
И сладострастные простыни,
Упав с открытых всем колен,
Зовут на белые пустыни
Гостей убийства и измен.

*

Он помнил поприще старых драк,
На краю голубого утеса,
Когда был гибель новый шаг,
Когда с добычей воин несся,
Когда отталкивала гибкая дева
Уста бородача,
В чьем теле вонзенное древо
Скрипело, клокоча.
Он помнит сплетенные руки,
Исполнены ярости лица.
Когда же исчезнут те звуки,
Утес от борьбы оголится.
Он помнит бешенство коней,
Схвативших друг друга за шею,
И песни о ней, все о ней,
Понятны [ветру-тучедею].
Он помнит и юношу дюжего
С зелеными власами,

В открытых ласках неуклюжего,
С еще зернистыми усами.
Он помнит серебряной плетью
Был моря простор вечно темный
И тела с серебряной сетью
Ее ткани воздушный блеск заемный.

*

Порог теслом работал чорт.
Ведь вход в тот старинный чертог
Давно был подошвами стерт,
Подошвами облачных ног.

*

Тот чорт в досаде ус грызет,
Иль нет в колоде козырей?
И слышит: «не везет?»
Вопрос задумчивых людей.

*

И он, надев свое отрепье,
Глядел, печально озираясь,
Своих одежд великолепье
Понять задумчиво стараясь.
Рука к ошибкам таровата.
Дверь в праздник каждая ошибка.
И под пилою горло брата
Смычка руки веселья скрипка.

*

Все величия, как пени,
Обречен был тот пройти.
И что ж? Пиры червей — ступени
Он созерцает взаперти.
Тот за стекла перегородкой
Видит мучения милой,
Но, скованный цепью короткой,
Он празден восстания силой.
О, бесов лязг и ртов грызня!
Наполнен злобою ушат.
О, беспокойная возня
За старым камнем двух мышат.

Они ли цепь перегрызут,
От них ли весть: «иди, ты волен!
Иди туда, куда зовут
Тебя зов воли колоколен».

*

Вы прокляты мною за то,
Что все были падки к заемным соблазнам.
К корчам, к пыткам житье прибито
За милость и ласку к соблазнам заразным.

*

Его лицо созвездий глаже,
Но на руке чернеет сажа.

*

Как *ноги наги!* Вы *пухлее*,
Чем серебристый цветик ив,
И, их мечтательно лелея,
Склонился в кладбище залив.

*

Он машет ножкою старушей,
Зубастый ящик отворив.
Соседу шепчет он: «Послушай,
Концом хвоста почто ленив?»

*

Живот струился от птенца,
Стыдливо струями обвязан.
Сосала кончик леденца.
Путь состраданиям заказан.
Здесь месяц радости сверкал,
Нога бела, нога светла.
К полетам навык и закал,
И деревянная метла.

*

Чернеет палка, черен инок,
Светлеет зеркало сорочки.
Из трех чернеющих косынок
Надменный клюв хвостатой кочки.

*

Она стакан воды пила,
Разбросав на полу косу,
И покрасневшая пила,
Как спотыкач, брела в лесу.
Пилой широкой водят чудно,
Но той пилы печален скрежет.
Она, как разбитое судно,
Влас парусом палубу нежит.

*

А там каток из слова: нет!
На нем скользя, скользили пары,
И, как неслыханный навет,
По ним теней скользили чары,
Был нос слезливый узелок,
А руки тонки и худы.
Дрожал в ногтях ее мелок,
Шептали счастия зады.

*

Везут на Блерио Иуду
Затем, что деньги промотал.
Он божится: «Пустите, милые, не буду,
Никто из наших не летал.
Пустите, дети, отстранитесь,
Ведь я не очень смел и храбр,
Я не <полковник> и не витязь,
Я Моисея сын и новшеств раб.

*

На стол отважно навалясь,
Колоду вспухшую теребит.
А на лице могилы грязь,
Хотя поет спросонья лебедь.
Чернеет дверцей мрачной печка,
Зеленый грязен столб,
Уста гневны, но нет, осечка,
На лавке груда толп.

ЖУТЬ ЛЕСНАЯ

1

О, погреб памяти! Я в нем
Давно уж не был. Я многому сегодня
разучился и разучен.
Согнем рост лет
И смугло двинемся с огнем,
Медведь от свечи бросится во след,
Собакой ляжет скучен,
Тулуп оденет иночий,
Он тень от свечи иначе.

2

[Я и тень моя вдвоем]
Бросим взоры в водоем.
В ту таинственную жуть
Сладко взоры окунуть.
Вас ли оплакивать мне,
Руку держа на ремне.
Мне, кому шлем на стене
В воздухе душных гробов
Скован [на кузне] из мхов.
Но на грусть мою внезапную
Только черной свечкой капну я.
Золотой и острый шлем
[Точно] луковица нем.
Встанет он, как знак вопроса,
Над челом великоросса.
Полночный шорох
Стоит во взорах.

3

Спросить ли мне вас, люди, что вы,
Думая, мня о бывалом?

А вместе со мною готовы
Итти по духовным подвалам?
Орел, клювом бровь возьми,
Лоб морщинами надми,
Рот усмешкою сожми!
С незнакомыми людьми
Я сошел на дно ступенек,
И Гапон мой современник.
Он друзьями был задушен,
Мертвым строкам не послушен.

4

Тот священник, тело скорчив,
Замолчал, быв разговорчив.
Перья их без передышки
Записные чертят книжки.
И поспешно невпопад
Им дает чернила ад.
Резкий в прописи скачок,
У друзей ищи крючок!
В их глазах читай: быть может,
Уж последний вечер прожит.

5

Итак, подвал... Отнюдь не тот,
Где родич волка щерит рот,
А внизу стоят передники,
Там и ты, и собеседники,
Где славу с грязного крыльца
Взирают маски наглеца,
И где с предутренней пощечиною
Прославлен сумрак позолоченный.

6

Порой лицо весельем пьяно,
И круль ворон грохочет рьяно.
Я там бывал. Зачем, зачем, — меня вы спросите.
Чтобы пробор вам закивал,
Ему едва зрачки вы скосите.
Была там часто в лицах новость,

На взорах жила нездоровость.
На век расстаться с ней обеты
Иль буду завтра здесь. Приметы:
Кто хочет рано поседеть,
До утра должен в ней сидеть.
[А вот тот стол; сижу там я
И славой потные друзья.]

7

Пронес бы Пушкин сам глаз темных мглу
Занявши в «Собаке» подоконник,
Узрел бы он: седой поклонник
Лежит ребенком на полу.
А над врагом, грозя уже трехногим стулом
С своей ухваткой молодецкой,
Отец «Перуна», Городецкий,
Дает леща щекам сутулым.

8

Воздушный обморок и ах,
Турчанки обморока шали,
Стучит кулак в воротниках,
Соседи слабо не дышали.
А «будем, как солнце», на ножках качаясь,
Ушел, в королевстве отчаясь,
И на лице его печать
О том, что здесь лучше б молчать.
С своей бородой золотой
Он ставил точку с запятой.
Тогда мы, ближнее любя,
Бросали ставку на себя.
Раскрыта дверь. Как паровоз
Дохнули полночь и мороз.
Глубокий двор. Уже тулуп
Звенит, громыхая ключом.
Там веселятся люди, глуп,
Кому не все лишь нипочем.

9

Итак, в подвале моей души
Мой ску<дный> све<точ> не туши.

На дланях чьих итог мозоль
Позднее скажет: ты король.
В зеленой чарке королеву
Найдя, вернется он к напеву.
Но мы бывали там, зане
Красивы трупы на стене.
Одежд небесные цвета!
Не те лета, страна не та!
Пусть воротники воздушны и стоячи,
Помяты вожжами от клячи.
Не то цветок, не то кистень
Бросал на все кудряво тень.

10

Старея над головоломкой
Вопроса сложного порой,
Столкнетесь с чванной незнакомкой,
Трусишка разум за горой.
Скрытый черных кружев складкой
Водопад слетает гладкий.
И нежных ручек худоба.
Склоняя: я раба, раба,
Обвила кружевà скоба.
А воздух черный, теневой
Обвеян умной синевой
Иначе пустенькой беседы,
Не без притязаний на победы.

11

Сей головастик сажи белой
Мятели узкой утюга,
Кичась, сидит, бросая смело
Глаза на гордого врага.
Летит усталый к небу вздох,
Кипит жемчужной змейкой пена,
Сукна [сверкает] черный мох,
Шипит багряное полено.
И битвой горлам серебристым,
Покрытый слабою бумагой,
Шипит стакан, наполнен истым

Безумьем песни. Пей, отвага!
О, люди, люди, я вчера
Вернул волшебный скрип пера.

12

Как много отдал я приказов
Всегда без подписи моей
Внимали им Нева и Азов,
Но доброхотно без цепей.
Теперь даем приказ вселенной
То делать ей, что та захочет,
Я буду длить обыкновенный
Сон, пусть мне жребий ножик точит,
Пусть горло им уже щекочет.
Так я <нрзб.> откровенный.

13

Есть масти грубые лжецов,
Для них ты то Олег и Вещий,
То ты в толпе из тех ецов,
Кто здесь не вхожи: слишком вещи.
Журчит багровый уголек,
Он слезка солнечной судьбы.
И по-немецки пел кулек:
Я есмь, я есмь, я был.
Из храма
Мы вынем р и вставим ель.
Для хлама
Нужный свиристель.
В его груди оставив коготь,
Мы больше его не будем трогать.
К нему не ведаю вражды,
Мне чувства темные чужды.

14

Сюда нередко вхож и част
Пястецкий или просто Пяст.
В его убогую суму
Бессмертье бросим и ему,

Хотя (Державина сюда!)
Река времен не терпит льда.
Я в настроеньи Святослава
Сюда вошел кудрями желтый.
Сказал согнутый грузом его нрава
Я самому себе: тяжел ты.
Число сословий я умножил,
Назвав людей духовной чернию;
И тем удобно потревожил
Досуг собрания вечерний.
А впрочем, впрочем взятки прочь,
Я к милосердию охочь.
Здесь чепуху, там мелют вздор,
Звенит прибор, блестит пробор.
Да, видя плащ простолюдина,
Не верят серому холсту,
Когда с угрозой господина
Вершками мерит он версту.
Его сияющие латы,
Порой блеснув через прореху,
Сулят отпор надежный смеху
И мщеньем требуют отплаты.
Так просто <он> <бесспорно> мой.
А утром, утром путь домой.

15

Чернеет камень, покрытый пухом,
Из камня сосны на чеку.
И к молний звонкому звонку
Ночной извозчик чуток ухом.
В простынях льда
Пятно зеленое.
Мы навсегда
В тебя влюбленные.
И утро освещало медность небес.
А в спутнице бедность — не бес.
С суровоусой страны входы
Изящновыйного моста,
И солнце в венке непогоды
Сюда наклоняет уста.
Прекрасен избранн<ый> из ста,
Он на могилу свеже вскопанную.

На книгу пальцами растрепанную
Лицом усталым пусть походит,
В нем есть то, что нами водит.
Зелен и кругол
Иск<усства> храм.
Оскомин угол.
Живу я там.

16

Забыв вселенную, живем мы,
Воюя с властью вещества,
Полны охальства и истомы,
В могучих латах озорства.
Утратил вожжи над собой
Я в этот год, забывши, кто я.
Но поздно, поздно бить отбой,
Пускай прикроют песни Ноя.
Носатый бес отворит двери,
И вас засыпет град вопросов.
Отвечу я: по крайней мере,
Я буду с ней обутым в ос<ень>.
Устало я уж в кресло сел,
А бес расспросом беспокоил,
Права быть глупостью присвоил
И тем порядком надоел.
Я со стены письма Филонова
Смотрю, как конь усталый, до конца.
И много муки в письме у оного,
В глазах у конского лица.
Свирепый конь белком желтеет,
И мрак залит<ый> <им> густеет,
С нечеловеческою мукой
На полотне тяжелом грубом
Согбенный будущей наукой·
Дает привет тяжелый губам.

17

Листок немецкий проворно тычет
Мне носатая. Проклятый год!
Чут<унный> рок рожден<ных> кличет
Для этих сплетен и невзгод.
Решетки окон. Златовеет

Живот чудовища соседнего.
Мороз был умн<ым>, он умеет
Бельмо соткать в глазу последнего
Еще не мертвого окна
Узором снежным волокна.
Но что ж, довольно на сегодня,
Был гроба сводом этот сводня.
Пока, пока же помолчим,
Позднее в крышку застучим.
Порой под низкой крышкой гроба
Тверд<им> упорно: о, зазноба!

18

Из глыб мычания
Скуем кумиры.
В стенах молчания
Прорубим дыры.
Узнайте, дети, чей призыв
И вечно юн, и вечно жив.
Я был березой, у которой
Порезом ранен был висок.
<Сойдя> <своей> походк<ой> скорой,
Ты принесла зимой цветок.

19

Хвалебных слов ты недостойна,
От глаз до ног ты вся позор,
Но взята страстью ты спокойна
И дышит зноем вла<жный> взор.
Пожимаешься ты телом,
И, крадучись точно кошка,
Ты глядишь по оголтелым
Стенам, позже на окошко.
И я острее длинной бритвы
Порежу тихие молитвы,
Скажу на слезы: это рок,
Чтоб был, как бритва, я жесток.
Чету народов, как щенят,
В уме бросая в водоем,
Туда иду, куда клонят
Меня слова «тебя поем».

Для догадок:
На лесть я падок.
Породе русской вернуть язык
Такой,
Чтоб соловьиный свист и мык
Текли там полною рекой.
О, колос, падай! Падать сладко.
Гафиза, жизни мудреца,
Здесь черноснежная разгадка
С небрежной правдою лица.
Высшеучебные парнишки
Ее зовут Мария Мнишка.

20

Сижу я, обувью ворча,
Часы приема у врача.
Там травоядная столовая
Для посетителей соловая.
Моих медведей берлога близко
К подолу снежных облаков.
Взлетел наверх; висит записка:
«О, доро... мой... сию... готов».
О, трепет пальцев, беглый стук
И треск, <как> будто в печке пламенный,
И лоск знакомых [красных] рук,
И ступки стан изящно каменный.
Тростник иль мыслящая печь,
И страсть ты тоже печка только.
Она, чтоб ляхов гнев навлечь,
Она немного тоже полька.
Я <между> <подданных> устал, у повелителя сосну,
В повинов<ении> <лишь> нега.
Так ищет верную сосну
В полете птица до ночлега.
Струею рабской я плесну,
Чтоб был потоптан грязью снег.
Но что ж! С чела моего снята хмара
Тем долгим месяцем угара.
Чуть-чуть свою утратил совесть,
Зато есть чем заполнить повесть.

Мыча, как слон, али чирикая,
Здравствуй, здравствуй, я великое.
Из руд возмож<ного> упорной киркою
Я книгу прошлого запачкал, чиркая,
Хотя здесь, может, дед Платон
Нашел бы целым свой закон.
Не поединком беспокоясь,
Своею шашкою кичась,
Заткнув и Пушкина за пояс,
Вошел я к вам сюда сейчас.
В тот месяц был сапог дыряв,
И мне грозило наводнение,
И я, надежду потеряв,
Шептал: дружок, не озорничай,
На службе будь людских приличий!
Я город опишу таким: [он], как заноза,
Вошел в то место, где Спиноза
Когда-то жил, как в сумке двуутробки.
На бой! За мной, созвучия! Не будьте робки!
Итак, подвала опишем точно обстановку.
Воображенье, брось винтовку!
У птиц умирающих,
Навеки пристреленных,
Взял в долг тот художник суровые глаза,
От пыли щеткой мягкой вытер,
И их повез с собою в Питер.
Подруга, ступка, стрекоза,
Лепешки мяты и сырок,
И чайник вместо самовара,
Небрежных к утвари урок,
В углу пивных сосудов пара.
Ту ночь провел я до утра.
У этих двух, зачем — не знаю,
Была беседа их пестра.
Валежник ищет так костра.
Присохла в нем душа сквозная.
Но между ищущих огня
Ищите, люди, и меня.
Звонок. Кивок, А, это вы? Поклон рассерженный.

А, это вы? Привет воздержанный.
Я был в немилости тогда,
Того достигнув без труда.

И вот <вошел> отменно сух,
Я был тогда отважней мух
Священной жертвою полену
Придвинусь к теплому колену.
Ты снова брос<ил> на весы
<Уж> лысый меч своей красы.
Идут толпой седые мысли.
И я застыл весь серый в кресле.
Ответьте мне: зачем я сер?
Бывал ли до меня пример.
Белели волосы, как лен,
Глаза же острые чернели.

Ужель перед зеркалом трудно
Ресниц подчеркнуть серебро.
Как в море горящее судно
Возни<кло> прямое перо.
Вот образцы моих острот:
Я близоруких спелый рот.
Теперь на Каспие, тогда же
Чужой невольник на продаже.
Уста и мышцы расхвалив,
Стояли около друзья,
Как мать богатыря.
Порою с хохотом слюнявым
Из лести ткали мне ковер.
Пока же личиком смазливым
Звала езиня у озер.
И, как ночные мотыльки,
Просили некоторые встоечи,
Но крыльев смяты лепестки!
И ясны прежние предтечи.
Да, в этот дом, высокий и тяжелый,
Входил я часто невеселый.
На копьях сил умри, зима,
Была тех дней моя мечта.
Но все же я скажу без шуток,
Зачем же истину скрывать,
Одет<ый> трое целых суток
Я не покидывал кровать.
В бессильной злобе <только> вскакивая,
<Недели> <ревности> оплакивая.

А между тем, мертвец зеленый
Стоял в углу красноречиво.
Его родитель воспаленный,
Узрев певца, изрек: и пива.
Как умно шамкали враги,
Они жевали сапоги.
Его приятели-покойники
Взирали умно из холстов.
Как полотенце рукомойника
Из кружев ободы перстов.
Весенний хлыст развесист ивы.
Слеза? Серебр <яный> пушок.
И встречи первые бурливы,
Еще рассудок-пастушек.
Видали: хищная ворона
Порой несет в когтях ягненка?
Вой пастуховский, бивень звона.
А рядом бьется с клячей конка.
Да на чумной растут заразе
Молочно-сизые цветы,
Вбирая в хобот воли грязи
По длани [рока я и ты].
Горячий жар слов подкупал
Ее несвязанные речи.
Но мака я не узнавал
Сквозь лихорадку (ум овечий).
А между тем, его зерном
Питался часто перед сном.
Как в невод бились зерна мака
В концы ручейные <очей>.
Она сотрудник гайдамака
И верит в силу «я» лучей.
. . . .

И сил могучих полна и эта
Лысокурая моя.
Частушка ей сейчас пропета.
Тебе свою сальную шкуру
Тигрица-столица несет,
А ей белокурый понуро
В созвездиях место дает.
Неситесь песни о скитальцах,
Стучите кости на узких пальцах,

И громко ревите слова моряков
Сквозь бурю, за волны до тех облаков.
Перевернув зарн<ицы> выси
И отделившись легче мыси,
Не знаю, мертв я иль живой,
Сейчас поверю я, что вы
Прилипните к потолку главой
Одной работой своей воли.
Гребя веслом, везет проказа
Ушкуй задумчивых пьянчуг.
За денщикова бровь<ю> глаза
Проходит дым, огонь и юг.
И дым закутает нас дымкой,
Как чайка синяя носясь,
А муж томите<льной> ужимкой
Посм<отрит>, <веком> вбок косясь.

В какой серый мрачный гроб
Замкнут<ы> сизой клетки здания.
А в песне море и озноб
И трепет ночью мироздания,
И клекот белого орлана,
И чаек хохот или плач.
О, водопадный хрип горлана!
Душа летела, как Кивач.
Славное море, священный Байкал
Тот выход песни замыкал.

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

СТИХИ

Как во лодочке, во лодочке
Красна девица сидит, пригорюнившись.
Как во озере, во озере
Зелена лягушечка расквакалась.
И ты что это, лягушечка, расквакалась,
Расквакалась жалобнехонько?
Али мне без тебя не тошнехонько?
Ах, ты, девица, девица,
Девица красная,
Мне ли, зеленушечке, мне ли не плакать?
У меня ли, у лягушечки,
Рундучков-сундучков было ли мало?
Уж и я ли не их стерегла-берегла,
Сундучки-рундучки дорогие?
Да прошел-прошел буен молодец.
Он ведь все мои сундучки-рундучки
Повыкидывал,
Повыкидывал да смеялся мне:
Ты ли, лягушечка, ты ли, зеленая,
Рундучки-сундучки [хоронила],
Я ли, молодец, их повыкидывал!
Ой <ты> девица, девица красная.
Нету горше моего горя горемычно<го>.
Ты пойди к нему, ты скажи ему:
Есть на озере, есть лягушечка,
Ей недужится, ей и жить невмоготу
Без своих рундучков-сундучков дорогих.
Ты пойди к нему, речью ласковой
Убеди его, чтобы он
Смиловался над лягушечкой
И вернул бы ей сундучки-рундучки дорогие.

Странник, ты видел,
Как конь иногда
Замученный, дико оком поводя,
На тихую поверхность вод голубых
Пену ронял.
Ты знаешь, что кони
В страдании и муках
Пеною плачут? Слез у них нет.
Странник, взгляни вон на то облако,
Чернеющее с разорванными краями,
Одно на лазури небес.
Знай — это земля уронила
На лазурные воды небес
В миг страдания, — миг падения под ярмом судьбы,
Ту пену уронила.
В миг, когда проклятье с уст <кротких>
Дерзко сорваться готово.
Так говорил седовласый араб,
На камне — ровеснике мира — сидя
И посохом ручья тревожа многоструйный бег.

О, женщины! О, меньший брат,
Вас надо брать,
Какие вы есть,
Или время выест
Жизни сочный и веселый плод,
Что качается всегда над рекой, где мысль о бессмер<тии> в нерадостный брег плот,
На стеблях мигов,
Всегда чуждых игол.
И там, где женщины, мы всегда с ними.
Мы вами, в вас лучшее с влаги жизни снимем.
Ах, нам несказуемо милый сон издавна снится!
И мила мигов малых колесница!

За дорогой, где...
Седой коваль с работой
В громадном росте осовел<ый>
С времен, вонзивших взоры в де<ло>
Руды женой под молот легшей пленно,
С тех пор, как взвился морок млечно,
Пьянимый кубком полной силы,
Когда удары медь разили,
Замашисто и полно,
У самого полымя,
Весь мести мыслью полный,
Кует в блестящие ножи и звон лезвейный
Людской закал и меру неизмерного терпения.

[Мы], воины, во иный край уверовав,
Суровой ратью по лону вод текли.
Шеломы наши не сверкали серые,
Кольчуги тускло отражались в них.
Пищали вспыхнули огнем.
Мы знали, — верой и огнем
Рати серые согнем.
Моряной тихо веяло,
И, краше хитрых крас,
Над нами реял
Наш незлобивый тихий спас.

Гонщик саней,
Гоняя темных коней,
Сугробы темных звезд
За заставу утром свез.
И сень моя зыбка.
И время дышит в зыбке.
Мой синий сон и сени саней [золотые],
Зимы седой и сизый стон и теми тени ды<мовые>.

Я забывал тебя во всяком взоре,
Я зрил твое в зазоре,
Но знал, что я — уж не я,
И ты моих снопов жнея.
Лия пустотность в алчность ям,
Я отдавался всем змеям.
Я был угрюм и одинок,
Вия страстей сквозной венок.
Но кто мой дух в моей пустыне?
Уж черная кошка визжит на тыне
[Се строгая глядит совесть.
Так пыльное ведет колесо в весь.
Благословляй или роси яд,
Но перед взорами одна],
Завет морского дна
— Россия.
Пребудешь темным ликом
Всегда — везде — для всех великим.

...И она ответила тихо,
Устремляя в себя синий взгляд:
Бездонно-сине-пернатое лихо,
Я бате не скажу ни о чем.
Твои уста зачем палят?
Ты смотришь грозным палачом,
Я не скажу ни о чем брату,
Чтоб он не пришел сюда с пищалью,
И чтобы звездному грозному свату
Я не ответила б с печалью.
Кто ты сумрак или бог
В ожерельи звонких струй,
Ты зачем упал в наш лог
И зачем твой горяч поцелуй?
Я не скажу ни про что и моей маменьке,
Она прилетела и смотрит <насмешливо> каменюй,
Но я ска<жу> казачине.
Его конь, как гром, а волосы, как ливень.
Чтобы он ведал, кто к девчине
Пришел зраком синим дивен.
И дикая усмешка искривила
Небоизгнанника уста.
Он затрепетал, как раненая вила,
И смехом огласил места.
Грустиночка ж тиха и [проста].
Казак Амур широкий сторожит
И песнь поет про деву Украины.
Вода волнистая бежит,
Вплетая в пены пряди крины.
Ветер унывно ноет в дуле
И веет травы на золотом украшенный тесак.
Но вдруг огонь и свист, предтеча пули,
И навзничь падает нестонущий казак.
И кто-то радостным крылом
Ему в глаза незрячие блеснул
И снова, проведя черту меж добром и злом,
В пустыне синей потонул.

Други, оба молодые,
Оба взглядами лихие,
Вы оба моих брата,
Но один из вас мой деверь.
О, сияющий брательник,
Побежим вдвоем на север,
И в лучах златых заката
Станет темным можжевельник.
Други! Жребий сердца вынут.
Так хотел черный камень,
Он из зева солнцем ринут.
Да блестит молитвы пламень!

Мечтатель, изгнанник рыдал
Под яркой зеленою ивой.
Он молодость [раннюю] дал
За жизн<и> путь красивой.
Он юность золотую
Провел на Акатуе.
И слезы длинные льются
На корни и на лозы,
Поодаль летают и вьются
Блестящие стрекозы

Семь холодных синих борозд
Упадает на пол вечем,
И волос шелковый хворост
Вьется пламенем по плечам.
А за односпальною кроватью
Живет шалун мальчишка.
Стрела летит к простому платью,
Свистит насмешливая крышка.

Я закрываю веки и вижу пагоды благоуханны:
Здесь мамонт жил, любимец богдыхана.
И с края кровли льют свой звон на пол бубенчики,
И разноцветных светочей горят красиво венчики.
Я вижу сопки керченской подземную зарю
И радугу висячую, и сизый дым,
И красных камней лёт, и вой, и гром.
И красный дождь ужасен дикарю.
Но что же? К облакам седым
Летит кумир с протянутым челом.

О, эти камня серого чертоги
И, песни сестра, волна ступеней.
Размером строгие пороги
Лежат толпой прекрасных теней.
И вы, черно-зеленые утесы,
Стоящие в молчании сада.
Здесь девы чешут свои косы
И ждут прихода гостя-лада.

Пламена
Первые племена
Как снег блистающей земли.
В лучах цвели огня кремли,
Среди пустыни мира синей
Земля пылала. Красный иней
Ее широко одевал
В багрец воздушных покрывал.
И в вихрях радостного света
Блистала община огней.
Ковром зарниц была одета
Сестра зеленая людей.
Тогда к реке текло два тока,
Тот с запада, этот с востока,
И одинокий человек,
Паря широкими крылами,
Стрелою тучу пересек,
Как спутник кормчего мирами.
Огня листвой горят деревья
[С дымными] горячими стволами,
И тучи носятся в кочевья,
Точа ядовитыми смолами.
И с серным запахом зарницами,
Жилищем смерти, облаками,
И смертоносными криницами
Тот век, те дни богаты были,
И на земле лишь бури жили.
И в этот миг я кинулся с копьем,
Темный, смуглый,
Серебряным шумя крылом,
Главы кудрями круглый.
Огонь бесовских дум
В мозгу, как лава, клокотал.

И свист, и шум,
Когда копье рукой метал.
Пособник солнца, ветр ломал
Крыла возвышенного перья,
Но мне, бойцу высокомерья,
Противник был и слаб, и мал.
Я издал стон ликующей борьбы,
Дневная песнь тигра в нем, и рядом свисты соловья.
Журчанием нежным были рядом с ним в грозу дубы,
Когда в трех солнц семью направил кол копья.
Своим серебряным крылом
Я бурю резал, как мечом.
И в этот миг, когда я солнце кромкое убил
И брызнула на землю кровь,
Мне кто-то шептал, что я любил,
Что то была земная первая любовь.

Меня проносят <на> <слоно>вых
Носилках — слон девицедымный.
Меня все любят — Вишну новый,
Сплетя носилок призрак зимний.

Вы, мышцы слона, не затем ли
Повиснули в сказочных ловах,
Чтобы ласково лилась на земли,
Та падала, ласковый хобот.

Вы, белые призраки с черным,
Белее, белее вишенья,
Трепещите станом упорным,
Гибки, как ночные растения.

А я, Бодисатва на белом слоне,
Как раньше, задумчив и гибок.
Увидев то, дева ответ<ила> мне
Огнем благодарных улыбок.

Узнайте, что быть <тяжелым> слоном
Нигде, никогда не бесчестно.
И вы, зачарован<ны> сном,
Сплетайтесь носилками тесно.

Волну клыка как трудно повторить,
Как трудно стать ногой широкой.
Песен с венками, свирелей завет.
Он с нами, на нас, синеокий.

Гевки, гевки ветра нету,
Да, Оксана ветра, ни!
Бросьте девы песню спету,
Сюда идут легини.
Виден Дид (сюда идет),
Неразлучен с жесткой славой,
Семь уж лет, как он живет,
Сей гуцул с свирепой Мавой.
Нет, не сказки. Нет, не бредни,
Маву видели намедни:
Косы мыла ей река,
Возле с нею старика
Мрачно красн<ые> уста,
И овечьим руном
В воде смятой табуном
Улетала борода.
Но только, только тихо таю,
А почему и как, — не знаю.
Она белей косой пологая,
Влеча ужа в своих перстах.
Коса желта морями многая,
И рыбья песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней.
И красносумрач<ный> мешок
Торчит из мяса и кишек,
И спереди, как снег, бела она,
А сзади кровь, убийство и война.
Ужасный призрак и виденье,
Улыбки ж нету откровеннее.
О, как свирепы эти чары,
О <них> учили песни стары.
С суровым гиком, вместо дрота,

На нас лишь кончится охота,
Они бегут с усталым визгом
К речной волне, высоким брызгам.
На ложе белое упав,
Велит смеять<ся> мавий нрав.
И мавки эти свою ногу
Тогда бьют бешено хлыстом,
А после понемногу
Начнутся мысли о пустом.
В зеркалах смотрят желтой лужи лйца
И им глаза подводит жужелица.
И как остры и как черны
Снега из пепельной зимы.
Но кто там, дева или Мава?
Когда уйдет, — тогда скажу.
Сейчас, <со>лодка, не знаю, право:
Сейчас <ее> не разгляжу.
Но, солодушка, взгляни:
Час смятенья и тревоги!
Все спасайтесь легини,
Пушкари на той дороге.
Кудрявым страуса пером
Пред нами, хлопцы, не гордитесь.
Бегите всякий, кто не хром,
Иль в замке темном насидитесь.
[Согнулись речки ходари
Под сильным топотом отряда.
В деревню едут пушкари:
Зачем? К кому? И что им надо?]

ТВЕРСКОЙ

Умолкнул Пушкин.
О нем лишь в гробе говорят.
Что ж! Эти пушки
Целуют новых песен ряд.
Насестом птице быть привыкший!
И лбом нахмуренным поникший!
Его свинцовые плащи
Вино плохое пулеметам?
Из трупов, трав и крови щи
Несем к губам, схватив полетом.
Мы почерневший кровью нож
Волной златою осушая,
Сурово вытря о косы венок,

. . . .

Несем на запад злобу зенок,
Туда, в походе поспешая.
В напиток я солому окунул,
Лед смерти родича втянул.

I

Котенку шепчешь: не кусай!
Когда умру, тебе дам крылья!
Кровавит ротик Хоккусай.
А взоры — матери Мурильо.

II

Смотри «Китайская Мадонна»
(О, теплый дождь могучих взоров,
Всегда прекрасный, чуть суровый!)
Дворцы угрюмого Додона
Письма Наташи Гончаровой.
Вверху созвездий тень укоров.

III

Я хочу слово черный писать через «о»,
А вы любите в поле кузнечика.
Разорвано вновь кимоно,
И краснеет прекрасное плечико.

. . . .

VIII

Я запомнил тебя с одоленом
Мертвым и белым на темени,
Чтоб сердце прижалось к коленам,
Волнуясь, как Польша на Немане.

IX

Вы приказывали тогда котенку, чтоб вас величал
Обожаемой дорогой птичкой.

Вы подсказывали другому, чтоб себя величать
Обожаемой дорогой птичкой.

X

Вы уронили обувь нечаянно
И поцелуем были мятежно обуты,
Взглянули вы, как Австрии окраина,
И [падали] косами черные путы.

XI

Где ученики под дланью ранцев
Склоня<ют> утрен<нюю> юно<шей> силу,
Где почила ты во сне: Румянцев,
Вызови из книг тво<ю> могилу.

XII

В чашках древесных
Зеленые желуди.
Со мною вынемте
Жребий новых дней, — дней неизвестных.

Из ревности, из удали,
Но режут сарты.
Оттуда ли,
Но золотой пожар ты!
И косы падают, на солнце выгорев,
И щеки круглые из песни Игоревой.

Желтели шишаки
Воинственных людей.
Теперь там пауки,
Нет жреческих ветвей.
Прозрачный вал, громаду мыль!
Секирой бей, морская пыль!
Приемли, ночь, полночной рыси чин!
Волна, еще протоки вырой!
Из тех брызг был <храм> высечен
Суровою секирой.

Вечер, он черный, он призрак, он иноче!
Вы помните дачу у Менго,
Там, где морских синели кочевья,
С вами я встретился, точно Айвенго,
И прочитал имя это, но иначе.
Вдруг побледневши, я понял, что гнев я.
Берите вновь стрелу, пращу
Ругая, и мчитесь за вепрем.
Растерзан охотой прощу,
Что лег неподвижно в траве прям.
Посеребренная зимою,
Вы Лувра [в Куоккале миг],
Там меня водил чернига.
[Я раны свежие] замою,
И белою станет книга,
[И спрячусь в сказаньях] из книг.
И бодро воскликну я: в час твой,
Охотница, строгая, белая, здравствуй!
Пусть здравствует, трепет неся, тетива,
Где скачка за лосем еще не наскучила,
И эта охота, где тетерева
Летят на неумное чучело.
Я все пойму и облеку
В слов тихоструйных покрывало.
Там человеческому облаку
Бросает море вихри вала.
Майневайнен, вновь облей
[Хмелем] моря камней слизни,
Громче Плевицкой приг<оршней> рублей
В пену прекрасную брызни!
Верхом мы все трое, и всех проморозило,
И рядом я с вами по полю возле,
И знаю я твердо, вниз не слезая, чья
Это удача, голая, мертвая, заячья,

И роща эта в сугробах и низкая,
И вы, голубая и узкая,
Где мчалась охотников конница, рыская,
Рожкàми и зовом борзую уськая.
Мы все умрем, прелестно сгинем,
И все мы равны, умирая.
Гапон не больше самурая!
Но смерть мы доверим другиням.
Где вы стояли — там пустышка,
И люди спросят: где Диана?
Я слышу верно иль ослышка?
Вы на поморье Финностана?
Тетивой своей звучащей,
Очарованная чащей,
Белый путь держа на север,
Рядом с вами ваши гончие,
Вместе с вами силы все вер
Просят нас, чтоб пел позвонче я.

...Я был владельцем замка...
В могиле я зарыт...
Не выкажу слезы я!..
И белые борзые
[Плясали у копыт.
Следы в снегу оставя,
Как ветреный мороз.
И я, промолвив Ave,
Скакал на серых коз.]
От зоя и до зоя
С пятнистою борзою
В час заячьих облав
Веселым трубачом
Носиться нипочем,
Вдоль поля поскакав.
И козы, как стрекозы,
Вдоль озера неслись.
О, пламя желтых лис!
Охоты нет, но день ее
Сегодня славит привидение.
Руками звучными маши
Переселение души.

(Средневековая тень в широкой шляпе с пером тихо плачет.)

[Забывши о простуде],
Трубил оленям звонче я.
А вы же были гончие,
Тогда еще не люди.
Вы были строгими борзыми,
Исполнены безумий,
Вы мчалися за вепрем.
Коней вдали я выпряг.

(Кланяясь, исчезает.)

Техник захлопывает крышку, поворачивается разумными глазами и потом подходит, разумно смотря, к людям.

Да, есть реченья князь и кнезь.
Вершинней тот из них, кто вещ ,
И меньше тот из двух, кто вещь.
Огрезьте грязь приказом: грезь!
И стану я из звуков весь.
Где надеж<да>? «Вера» именно.
Тайной дам, на верн<ость> вымен<ив>.
В сторону меры зачет!
Это лишь мой котелок,
В котором идет звездочет
Неба узнать уголок.
И я, половецкой телегой
Со скрипом по верам кочуя,
Хочу я
Стрельцом испытать вас, набеги.
Вы, серые холодные глаза,
Как поле, где войска сказали «вашество»!
За серебром такие образа,
И не молиться им неряшество.
Во-первых, вы богиня, а во-вторых, изящество.
Огонь, зажегший очи, ровен,
[И голос мужествен, как] битва,
И я красиво очарован.
Что я — заржавленная бритва.
И умн<ых> глаз таинственная незь.
И густосерая воздушь.
Неясных глаз сверкающая резь.
Ведь на войне любимый муж.
Кроме певца понять кому ж?
Когда, раздвинув руку пальчиком,
Вы дым в себя вдохнули строго,
Я видел: мир, играя в альчики,
Пахнул на всех дыханьем бога.
И вы курили строгим мальчиком.

Какой из двух потомк<ов> Бульбы?
Он, своевольный или старший?
Пороховой, иди, загар шей!
И больше свиста дерзких пуль бы!
Обвитый молнией скат,
Колю я рыбаря и сети.
И брошу все мечты войска,
Чтоб звать моей звезду столетий.
Они разобьются опять,
Как жалоба, пролиты в море.
И разуму каркну я: спать!
Закутайся облаком хмурым.
Но вот мое горе! В день трех именинниц
Вы ведь одна! У сестры тень надежды.
Возьму я ружье пехотинец
Руку пожать богу смерти. Скажу ему: здравствуй, товарищ!
(Ведь я презирал его прежде)
Там в дыме пожарищ.
Чтобы бог смерти подал мне руку
И спросил, как мое самочувствие,
Точно знакомый сказал: добрый день.
Сейчас стукнул вновь! Глухим притворюсь к его стуку.
Пускай постоит под дождем! Пусть его!
То, что не вы, — дребедень.
Буду я берег беречь, буду я!
И благословлю его с щекой завязанной простудой,
Когда он, как усталый и больной друг,
Уж утром завершит прогулки круг.
Я верю вере: погасит гнев ума ваш выход,
Где буду я вам верен, близь!
За восхитительную прихоть
Носить слезинок-четок низь.
Огонь, зажегший очи, ровен,
А голос мужествен, как битва.
Я, очарованный, виновен,
Что слог мой стар, как та молитва.

...в них качаются люди, один за другим, рекой, проносясь к нужной цели. Все в купальных одеяниях, а другие в полотняных кольчугах и латах — белая живописная одежда!

Некоторые пользуются искусственными хвостами, как средством передвижений.

Вот какие тени доносятся с далекой земли и ходят по зеркалу:

Я же во взорах прохожих пйсьма ем
Скучно, устало и долго,
И озарю ночную высь моим
Созвучием про иволгу и Волгу
Моих друзей летели сонмы!
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы,
Нас отразило властное ничто!
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печальных, непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грозный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!
Ужель, проходя по дорожке из мауни,
Вы спросите тоже: куда они?
Огонь, зажегший очи, ровен,
Им я недавно очарован.
Очей серебряных воздушь,
Упорных глаз таинственная незь.
И я, задумавшийся, слушаю
Оно лишь слово только: грезь!

Вот эти песни земли. Как глухо они доносятся! А вот другие:

Ни на бубнах, ни на червах,
Не умножить на шесть два.
Вы охоты богиня, во-первых,
И затем голубое изящество.
Удар глухой, и у ноги я.
Но всё же я всё вколочу в мой размер,
Прославивши то, что скрывают нагие
И даже холодный кумир.

Это самая черная мысль смертного по отношению к своей возлюбленной.

Труп речи, но хохота князь,
Он звал меня алой чертой
Под грохот слонов, под вечернюю вязь,
Пустых подражаний святой.
Орлиная дева, как призрак,
Не смеет в буйнезы войти,
И рыбы рабы молчаливые в тризне
К ней хлынули морем пути.
Среди земляники белеет утес,
<А> грудка, взгляни-ка, как шелковый пес.
Сейчас он зальет...

Вчера я молвил: «Гуля! гуля!»
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И ящер-зеленак на стуле
Целует жалом ноготь крали
Но в черных чоботах «оно».
И два прекрасных богоеда
Ширяли крыльями небес.
Они трубили: мы — победа,
Но нас бичами гонит бес.
И надо мной склонился дедер,
Покрытый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер,
И с мышью судеб меж зубов.
Смотрю: извилистая трость
И старые синеющие зины,
Но белая, как лебедь, кость
Вертляво зетит из корзины.
Я вскрикнул: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»
Но он ответил: «Судьболов,
Я и меры чисел самодержец».
Но клюв звезды хвостатой
Клевал меня в ладонь.
О, жестокан, мечтою ратуй,
Где звездной шкурой блещет конь.
И войны крыльями черпали мой стака
Среди ряд<ов> берез.
И менямолки: «Жестокан!
Не будь, не будь убийце<й> грез!»
Кружась волшебною жемжуркой,
Они кричали: «Веле! Веле!»
Венчали бабочку и турку
И все заметно порыжели.

Верхом на мареве убийца войн,
Судья зараз, чумных зараз,
Ударил костью в синий таз,
Но ты червонною сорочкой
Гордися, стиснув удила,
Тебя так плаха родила,
И ты чернеешь взоров точкой.
Сверкнув летучей заревницей,
Копытом упирался в зень,
Со скрипкой чум приходит день
И в горло соловья кокует.
И то, где ты созвездие, лишь пенка,
В него уперлися два зенка.
А сей в одежде ясных парч
Держал мой череп, точно харч.
И мавы в лиственных одеждах,
Чьи зебри мяса лишены,
И с пляской юношей на веждах,
Гордились обликом жены.
Как рыбы в сетях, — в паутинах
Зелено-черных волосов,
На лапах шествуя утиных,
Запели про страну усов.

ДЕРЕВО

1

Над алыми глазками малин, среди веселых голубей,
что неба голубей,
Колючие ведешь пути берлин-бомбей!
В часы осенней злючки, когда сыны качались дико лет,
Ты мечешь острые колючки, чтоб очи выколоть,
Людям выцарапать лицо раба.
Железным полотном Москва — Владивосток
Идешь ты в синеве, Сибирь, ночей седых свисток!
И путь сибирских поездов, примчавшихся говеть,
зеленый и стыдливый
Закончит в синеве <с> печаль<ю> лепесток.
Где полночь зеркала кудрей земной дубровы уроженка,
Течет рекою небыть, изломан путь ветвей,
Как всадника скок и стоны людей осужденных
«к стенке».
Воюя за простор, блестя глазами чародеев
И наколовши ночь на черный дрот ветвей,
Ты, дерево, дуброву ужаснуло: пространство на крючке
заснуло.
(Донец-скакун, виски развеяв, летит по полю)
Копье в руке, военной радости полно.
Стучишь о звездное окно.
А у сумрака ока нет.

2

Клянусь «соседу гнев отдам!»
Дубиной русскою шумя, о, шорохи ночных ветвей!
Что умер соловей с пробитой головой.
Ты тянешь кислород ночей
Могучим неводом и споришь с высью!
Как звонка дубинушка тысячи листьев!

И месяц виноват:
В ячеях невода
Ночная синева сверкает рыбы чешуей
Тяжелым серебром.
И каждое утро шумит в лесу Ницше.
И каждое утро ты солнечный нищий,
Снимая с очей очки, идешь за копеечкой!
Звезды — даже вон те
Говорили всю ночь о белокуром скоте.
Есть драка и драка.
И право кулака
Лесного галаха.
И, звездн<ый> птицелов,
Наводишь черный лук рукой пещерных дикарей
На длинный ряд годов
И застываешь вдруг, как воин
Подземных боен.
И под землей, и над землей
Город двуликий тысячи окон,
Ныряющий в землю и небо, как окунь.
Встаешь, как копья Дона,
Воюешь за объем, казалось, в поиске пространства Лобачевского.
И ищут юноши снять клятву на мече с кого.
Одеты в золотые шишаки
Идут по сумраку полки.
С нами бог! Топот ног.
Здесь Ермаки ведут полки зеленые
На завоевание Сибирей голубых.
Дитя войны, одето горлинками в пенне,
Ты осенью оденешь терн,
Узнаешь хвой скрипенне.
Воюя корнями, сражаясь медленно, дуброва
Возносит дымы серебра.
Тут
Полки листов так медленно идут
Осадой голубого,
Что раз в десятки лет
Меняют предков след.
Ветку в локоть согнув, точно воин держащий копье,
Точно птица раскрыла свой клюв на голубое.

ПРОЗА

Со спутанной головой, руки опустив, некто заушения ждет на краю скалы серебряной в тумане.

Сине-черная тьма вьется причудливо, в складки ложась, либо струями звонкими синими падает отвесно вниз, где пропасть виднеется.

С опущенными руками заушения ждет.

Изогнувшись, два мака в очи глядят вам.

Красные-черно, запекшейся крови, на ножках узорных, на поле мерцающем синем. Синим зраком, там, где туманная пропасть. Ало-черной запекшейся крови, на поле мерцающем синем.

В очи глядят вам упорно, насмешливо, страстно и беззвучно дрожат их губы, колеблемые смехом.

Тонкие губы дрожат: миг — и все потрясет хохот безумный, веселый.

Либо в складки легла, либо, звеня синими струями, падает вниз по отвесному камню и замолкает, слабея, внизу, где пропасть туманная стелется. Либо синими ручьями звенят, падая вниз.

Очи подымет тогда василек у ног их лежащий, долго будет глядеть.

Ножки узорные.

— Вам непонятно? — гневно я крикну.

Красный след зачерти от угла до угла.

Но слаба, холодна страница, возьми красный след, зачерти страницу, и пусть от него веет страданием, хохотом, ужасом диким, призраками, что грезятся там, где кровью полита земля.

Была тьма, была такая черная тьма, что она переставала казаться тьмой и представлялась вся слитой из синих, зеленых и красных огней.

И в этой тьме ползали чьи-то невзрачные, липкие, неотличимые от земли существа, чьи-то незаметные, скучные, тихие жизни. Но эти существа не замечали скуки жизни. Чего-то им недоставало, чего-то им нехватало, к чему-то они порывались, но они не знали, что это жизнь скучна, что это скука — жизнью подымается в них порой и жадно и долго дышит, как чахоточный, и падает, схватившись за впалую грудь. И жили они долго и скучно, долго, очень долго, но скучно, скучно, липко ползая во тьме.

И в той же тьме был один светлячок, и он подумал: «что лучше: долго, долго ползать во тьме и жизни неслышной или же раз загореться белым огнем, пролететь белой искрой, белой песней пропеть о жизни другой, не черного мрака, а игры и потоков белого света». И больше не думал, но обвязал смолой и пухом ивы тонкие крылья и, воспламененный и подгоняемый бушующим огнем, жалкий и маленький, пролетел белой искрой в черной тьме и упал с опаленными крылышками и ножками, напуганный, умирающий.

И черная тьма призраками давила светлячка, лежащего в бреду, с воспаленным воображением, в последние тревожные мгновенья.

Но свет мелькнул. И прозрели существа во тьме, неслышно и липко ползающие по земле: с лебединой силой проснулась тоска по свету.

Когда же после тьмы наступил день, тогда в потоках солнечного света кружилось много существ. То кружились они, познавшие свет.

Трупик же светлячка был засыпан цветами.

ПЕСНЬ МРАКОВ

Мрак и мрак, мы тянем друг друга за руки, упираясь в ноги и откинув головы на худых шеях.

Мрак и мрак, мы напрягаем мышцы худых и длинных тел и растягиваем в длительном томлении связки руки.

Мрак и мрак, нас двое с упавшими низко волосами.

Леса ощущений в смутном мраке. Шорохи темных и смутных чувствований. Темный лес. Светает. Могучий короткий клич. О, солнце озарения! Из-за темного смутного леса показывается большой и скорбный орел и могучим полетом устремляется вперед с всяким мгновением, туманным и огромным утром, становясь больше и яснее. Вот он опускает крылья и садится на дерево.

Он вытягивает шею и три раза издает клич холодный и могучий:

— Мысль. Это я. Я пришла к решению и сложила крылья.

В густом мраке:

— Я и он завтра умрем.

Призыв издали:

— Явитесь, нежность, трогатель<ная> дружба.

В густом мраке:

— Во мраке здесь двое юношей решили умереть с другими за благо многих. О, плачьте, плачьте слезами радости!

Из мрака:

— Я и он — умрем.

(Надежда, чьи движения робки и прелестны, подлетает и садится на ветку молчания, где неподвижно сидит с просящими глазами; после отлетает, оставив нагой ветку молчания. И после снова боязливо прилетает и садится на ветку и смотрит просящими глазами. И так молчаливо улетает.)

Морных годин ожерелье одела судьба. Кинула, молвила. Поправила венок нехотя. Вымранных вышней волей народов ветка черемухи подается в окно узкое, узкое! Вымранных жизней ветка смрадная.

Жрица Вещая, мирами покрывшая беловыпуклую грудь, не ты ли на перстне с мизинцем имеешь яд? Тот, который заставит отлететь юношу в высокий час в загробный дол?

Из страны Радостной Мори иду я, морин, несу в руках свою земную душу. Девушка навстречу мне с распущенными волосами.

— Это ты, морин?

— Я, девушка. Поцелуй в уста.

— Целую. Нас двое. От берегов нудной яви к берегам высокой радости Мори идем мы — нас двое.

Белокурая, тихорукая, мглянорукая даль; белунья речь зеленючих дремоуст. Милобровая, грустноглазая, любатогубая любница летит в алом воздухе девьем.

Зеленовая, зеленючая греза. Душатые груди некбей.

Наго-тускло-бедренный овит круг.

Крыло-веснючие уста. Оселая месяцем темь. Духмень некогда пробежавших отроков стоит в воздухе.

Весень. Весногубый, осенneликий милень.

Слезорукая воля девовна. Плачеустая — слово жен.

Милели милючие красивушки. Красивейко поднялся, задорный нос.

Миляльно чаровали милилом юным, милью слезатых ночами глаз. Полноты то славийской буя весны.

Бесовитый хохот обезумевшей. Прилетели радостеперые нежнобокие птицы.

Белатые, бедяные ноги, клюв злючий, бок — заря, хохол — месяц ясный.

И немгицы всклекотали черным ожерельем перий зорий, зазыбили слезовым кокошником.

Мощноногий муж. Слепая видель в глазах зелениря, лешего с зеленой шубой от роду за плечами.

Хворючие, хворалые глубницы глаз. Страдалые бливостью смерти веки. Немоли — тополи серебрючие.

Утваровитые небом и землей избы. Немолиственное мгляное деревцо.

Озера ликов. Жемчугобокие челноки косых узких глаз. Первопроталины весны косицами волос.

Свежими полевыми маками нос и щека.

И весеневеющий Крымов и грезилища грезней и грезонь грезючая в грезах и грезей грезильно грезит, грезве никнет грезлями веет. Горюн-страшун.

Высокие, мелко черепичатые слыши. Словля никнет скатами слов в бездну влажную, безумвяннную.

Безумянно-дранковая крыша. Обыденщино-дымные трубы. Мельчий вечностник срублен. Срубы.

Приемы пуэнтелистов — корнями. Безумовый ствол. Весеновая купа. Рощи.

Зеленатые зеленоватые кровы. Белючий стой.

Крыло мыслатое пустоструйно веет, красото-струйно. Веснатые уста. Воздухатый обвлас, овлас. Развлас дуей веимый. Воздухописны голубые глазатости.

Молитвовые дуги бровей. Вератая небыль склоненных глаз.

Миляльно милеются мильные милюньи.

Волествольное дерево. Мечтолиственная куща.

Наглогубая красея. Ликатое в грезогулкой чаще заблудилось.

ЗВЕРИНЕЦ

О, Сад, Сад!

Где железо подобно напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную схватку.

Где немцы ходят пить пиво.

А красотки продавать тело.

Где орлы сидят подобны вечности означенной сегодняшним еще лишенным вечера днем.

Где верблюд, чей высокий горб лишен всадника, знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг, цветущий широким камнем.

Где наряды людей баскующие.

Где люди ходят насупившись и сумные.

А немцы цветут здоровьем.

Где черный взор лебедя, который весь подобен зиме, а черножелтый клюв — осенней рощице, немного осторожен и недоверчив для него самого.

Где синий красивейшина роняет долу хвост, подобный видимой с павдинского камня Сибири, когда по золоту пала и зелени леса брошена синяя сеть от облаков, и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы.

Где у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских.

Где мы сжимаем руку, как если бы в ней был меч, и шепчем клятву: отстоять русскую породу ценой жизни, ценой смерти, ценой всего.

Где обезьяны разнообразно злятся и выказывают разнообразные концы туловища и, кроме печальных и кротких, вечно раздражены присутствием человека.

Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть, влагая древний смысл в правду: — есть хоцца! поесть бы! — и приседают, точно просят милостыню.

Где медведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказания сторожа.

Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского.

Где грудь сокола напоминает перистые тучи перед грозой.

Где низкая птица влачит за собой золотой закат со всеми углями его пожара.

Где в лице тигра, обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина, мы чтим первого последователя пророка и читаем сущность Ислама.

Где мы начинаем думать, что веры — затихающие струи волн, разбег которых — виды.

И что на свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть бога.

Где звери, устав рыкать, встают и смотрят на небо.

Где живо напоминает мучения грешников тюлень, с воплем носящийся по клетке.

Где смешные рыбокрылы заботятся друг о друге с трогательностью старосветских помещиков Гоголя.

Сад, Сад, где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг.

Сад.

Где орел жалуется на что-то, как усталый жаловаться ребенок.

Где лайка растрачивает сибирский пыл, исполняя старинный обряд родовой вражды при виде моющейся кошки.

Где козлы умоляют, продевая сквозь решетку раздвоенное копыто, и машут им, придавая глазам самодовольное или веселое выражение, получив требуемое.

Где завысокая жирафа стоит и смотрит.

Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов посмотреть на небо в ожидании грозы.

Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий.

Где косматый, как девушка, орел смотрит на небо, потом на лапу.

Где видим дерево-зверя в лице неподвижно стоящего оленя.

Где орел сидит, повернувшись к людям шеей и смотря в стену, держа крылья странно распущенными. Не кажется ли ему, что он парит высоко над горами? Или он молится? Или ему жарко?

Где лось целует сквозь изгородь плоскорогого буйвола.

Где олени лижут холодное железо.

Где черный тюлень скачет по полу, опираясь на длинные ласты с движениями человека, завязанного в мешок, и подобный чугунному памятнику, вдруг нашедшему в себе приступы неудержимого веселья.

Где косматовласый «Иванов» вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его «товарищ».

Где львы дремлют, опустив лица на лапы.

Где олени неустанно стучат об решетку рогами и колотятся головой.

Где утки одной породы в сухой клетке подымают единодушный крик после короткого дождя, точно служа благодарственный, — имеет ли оно ноги и клюв — божеству молебен.

Где цесарки иногда звонкие сударыни с оголенной и наглой шеей и пепельно-серебряным телом, обшитые заказами у той же портнихи, которая обслуживает звездные ночи.

Где в малайском медведе я отказываюсь узнать сосеверянина и вывожу на воду спрятавшегося монгола, и мне хочется отомстить ему за Порт-Артур.

Где волки выражают готовность и преданность скошенными внимательно глазами.

Где, войдя в душную обитель, в которой трудно быть долго, я осыпаем единодушным «дюрьрак!» и кожурой семян праздных попугаев, болтающих гладко.

Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веерообразной ногой и после падает в воду, а когда он вскатывается снова на помост, на его жирном могучем теле показывается усатая щетинистая с гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой высокой черноглазой ламы, и у плоскорогого низкого буйвола, и у прочих жвачных движется ровно направо и налево, как жизнь страны.

Где носорог носит в бело-красных глазах неугасимую ярость низверженного царя, и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем притаился Иоанн Грозный.

Где чайки с длинным клювом и холодным голубым, точно окруженным очками оком, имеют вид международных дельцов, чему мы находим подтверждение в прирожденном искусстве, с которым они подхватывают на лету брошенную тюленям еду.

Где вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола, и вспоминая, что глаз казака, глубоко запавший под заломленной бровью, и этой птицы — родича царственных птиц, — один и тот же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле. О, сокола, побивающие грудью цапель! И острый протянутый кверху клюв ее! И булавка, на которую насекомых садит редко носитель чести, верности и долга!

Где красная, стоящая на лапчатых ногах, утка заставляет вспомнить о черепах тех павших за родину русских, в костяках которых ее предки вили гнезда.

Где в золотистую чуприну птиц одного вида вложен огонь той силы, какая свойственна лишь давшим обет безбрачия.

Где Россия произносит имя казака, как орел клекот.

Где слоны забыли свои трубные крики и издают крик, точно жалуются на расстройство. Может быть, видя нас слишком ничтожными, они начинают находить признаком хорошего вкуса издавать ничтожные звуки? Не знаю. О, серые морщинистые горы! Покрытые лишаями и травами в ущельях!

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореви во время пожара Москвы.

Белой земли люди идут, едут-трясут ратищами, — поводят белками, скрежещут зубами, трясут волосами. Ничего им не надо. Они умирают легче, чем могут засмеяться. Они едут, сюда, как посланники божии. Они оставляют на пути своем плач, кровь, пепел городов, стен.

Товарищами волков хлынули они с конца вселенной соединили судом войны края ее.

Отряды рассыпаются по равнине, рыщут, пронзают копьем любовников и предают суду пороки, разврат и пламени города и роскошь.

Сыны и Дщери, спешите! Старцы, радуйтесь: приходит благословенная смерть. Вороны на небе, созвездия черных звезд, полчища на земле они, волки за ними, освещая ночью глазами путь. Торопитесь, люди, закончить дела свои: купец, сочти счета; должник, верни ростовщику, пока стрела не упадет к вашим ногам.

Кайтесь! Кайтесь!

Горе тому году, когда небо покрыто черными звездами за солнцем днем, когда божества в зверином образе предают землю лютой казни, когда золотое звездное небо упало и рыскает по дорогам, а млечный путь — по опустошенным городам.

Смейтесь, неверующие, смейтесь, слепые.

В ресницы зрячих упал первый сон надвигающегося ужаса.

Завтра богини капищ, сложенных зодчим из живых сердец, будут найдены лежащими в пыли и презрении и опозоренными.

Завтра главы родов с вложенными в зубы уздами и с завязанными за плечами руками побегут за седоками, прикрываемые волосами хвостов.

Завтра владелица ожерелья будет в пыли прекрасной и мертвой, лежащей ничком.

Завтра мимо груд золота пройдут люди севера, равнодушные к нему, не отличив его от простого мусора.

Завтра тучи стрел полетят, и тела немногих храбрецов, стоящих на обороне, станут походить, умирая, на холмы леса.

Тогда чудные волосы будут в беспорядке и вдали лежать, как после убежавшего ветра остается на горах облако.

Поздно изменяться, поздно каяться.

Спешите голодными устами коснуться влаги жизни и бросить кубок сытыми.

Завтра несчастие. За холмами горят солнца, пожаром обведенные.

О, в каждой душе солнце предано казни!

Спешите! завтра поздно!

ОКО

Орочонская повесть

Окò

Брат! Ты, как красногорлый соловей, боишься своей красоты, робкий красавец. Разве не знаешь, отчего соленый бывает обед: то от слез моих солона еда. Разве не знаешь, кто робко скрывается в зеленой чаще, когда ты купаешься? — это я прячусь в густых ивах.

Опять ты ушел, гордый и легкий, в лес, а я здесь сижу день одна-одинешенька. Ах, мне чуется, что где-то живут много людей, а не как мы одни вдвоем брат и сестра. О, какое счастье жить, где много чужих людей, а не брат и сестра! О, если бы ты сказал мне: «Я люблю тебя, сестра»!

Да, ты часто говоришь: «Я люблю тебя, сестра», и ни разу меня не обидел, но ты говоришь на совсем другом незнакомом языке.

О, если б здесь было много братьев чужих и не родных, какое то было бы счастье! Я бы припала с поцелуями к каждому праху их ног! Я бы дрожала, как береза от удара, от их взгляда. Я бы каждого спросила ранней ночью, темной осенью: «Брат! ты любишь меня?»

Мои бы глаза были бы широки и бездонны, как темные озера, а вся я дрожала бы и смеялась от счастья. А если бы в ответ он насмешливо засвистел, как брат, я бы вся покрылась слезами от отчаянья. Бедная я, бедная я, несчастная! Ах! когда вечером я сижу у огня, какие движения струятся по моему телу. Так осиновый лес дрожит от приближающегося ветра. Как я умела бы плясать! Все ветры осенние и весенние сгибали и наклоняли бы мое тело.

Как сгибается в огне береста, так сгибалась бы я перед вашими взорами, братья. Я подслушала все изломы голосов незнакомых мне птиц и падение вниз

чистой воды и все это передала бы в страстной песне! Я бы сковывала руки пожатьем и расковывала их и сплясала бы пляску огня перед пламенными бурей взглядами.

Брат! Брат, полюби меня!

Что с тобой? Ты говоришь кому-то и улыбаешься. Это не я...

— Так! так! ты просишь, чтобы я тебя полюбил? Разве я тебя обижаю?

— Обижаешь? Обижаешь! Разве я не красива? Разве я не прелестна? Зачем ты на меня не взглянул другими глазами, как будто т<игр> тебе брат? Смотри, смотри, что скрывают одежды? Поверь этим грудям, которые просят словами более звонкими, чем крик несчастья или восхищения. Вот!

— Что с тобою? Ты сходишь с ума? Что ты говоришь, сестра! Что с тобой?

— Я люблю тебя! Не веришь? Не веришь? Сердишься? Сердишься! Не сердись, прости меня, я тебя люблю. Ты, как небо перед молнией.

— Еще бы не сердиться! Чистая, как снег, — я всегда так думал о тебе, и вдруг слова змеи, ужален я ими в самое сердце. Зачем ты, как паук, прядешь какие-то сети. Знай — оба умрем и погибнем в них. Оставь это, забудь, сестра!

— Прости меня, брат, прости. Забудь, как будто этого дня не было. Прости меня.

Он все поет о каких-то двух солнцах, убитых предком. Будто они упали в море и погасли, а третье осталось, и всем стало легче жить. Разве могут быть три солнца? Но все-таки сказочно прекрасно зрелище того, как гибнет каменное солнце от легкого стрелка. Как шипело море! Сколько брызг летело во все стороны! Как брошенные головни, гасли в воде громадные солнца. Это было вот так (*берет из костра головню и привешивает к березе, висящей над рекой; стреляет из лука, и головня падает в воду*). Ночью это было бы еще восхитительнее. Но может ли солнце быть ночью? Почему не может: ведь голубые глаза любящего — это солнце днем, а влюбленные глаза черного цвета — солнце ночью. Может! А люди были таинственны и горды, как мой брат, которого не поймешь. А мы хитры и умны, как я.

Хорошо же. Злой! Увидишь! А если придет, пусть подумает, что я выстрелила в небо и на стреле взобралась до туч.

О, ручей, я иду к счастью. О, белки, я иду к счастью! Не задевайте о мои ноги, травки, не замедляйте счастья.

Дойду ли я так? Нет, нужно бежать до той поляны, где я поставлю жилье.

Не шуми, вода, так громко, я иду к счастью!

Заплетайтесь в мои ноги, цветы!

Нежьте и услаждайте слух, птахи!

О, если бы медведь помог мне!

О, если бы рысь принесла ветки!

Нет, сама я должна срубить шалаш, где буду сидеть одна, смеясь.

Вот и готово. Как быстро.

Не успела оглянуться.

Теперь положу берестяный черпак и черепа зверей. И оставлю кругом следы. Точно не первый день здесь живет.

Нет, лучше пусть цветы и травы будут нетронуты вокруг шалаша.

Здесь я встречу тебя, милый.

Ах, брат идет! Точно. Отвернусь от него и тело буду умывать.

Расстанемся надолго.

I. Лицо чернеет грубое, вся в белой простыне. О, Черная Жена, скажи мне, кто в хижине живет? Ручья звенит недальний гром, подходит волкодав.

II. О, Белый Господин! Седой Отец с Старухой здесь в хижине живут. Скинь обувь с ноги пыльной и в хижину войди. Вереном зовут сына, Вереною же дочь. Я, нянька, служу им уж скоро двадцать лет.

I. Сухой удав набитый, простой дубовый стол. Над ружьями Толстой и Врубель рядом с ним. В истоках Нила хижина. Не шутка ли, и странная?

Сосет старуха трубку, как будто сладко чмокая.

II Когда раздастся голос иль если шелест змей сольется с ворчаньем неба — Верона то вернулась, запомни, господин.

Но слышишь шаги быстрые, взволнованную речь?

III. С кувшином шла я по лесу, шагая через хворост. Вдруг глаз блеснул за деревом, как будто человека, но все же не его. Сквозь дерево блистал он, как черный мрака луч. Рука же волосатая ствол с судорогой держала и ногтем скребла круглым застывшую смолу. И тень как будто звездная бродила по пятам, рукой порой маша, и все же глаза два, два добрых черных глаза сквозь сумрак проникали. Была то обезьяна.

Лесные ходят люди по тропам вечеров. Но зла нам не принесут. На чашку опрокинутую лицо у них походит: синеет беловатое, морщинами узорное. Глаза же их печальные — ты верно то заметила. Как будто много сказок теснится меж ресниц. А руки у них синие, широкие и длинные.

Вдруг голос я услышала; он тихим был и строгим; звучало в нем невнятное, как будто бы сестра, а может быть, Верена. Из ловчей ямы вынула высокое копье и с ним одна я двинулась сквозь сумрак и траву. И пепел падал

вечера на плечи и на руки, но более никто уж в лесу не проходил. Но сумрак падал грубо, как черная мятель.

I. Ответь мне, синеглазая: не он ли путешествует в зверинце по местечкам с косматым королем, сдавив рукой решетку холодную и круглую, и прячется в углах?

III. Ты прав, пришелец странный: то он, кто шел опасливо и прятался в лесу. Но стон донесся из лесу, цыновка же вздрогнула, как сердце от удара. Так люди наклоняются, спасаясь от чужого бешенства, как свечка наклонилась и язычки смешала с синим. Ты помнишь рой пчелиный. Верен его нашел; из сот свечу слепили, пчелиных диких сот *(молчит)*. Верена слышу голос, Верен сюда вернулся. Мне кажется, сегодня столпилось много судеб у дверей этой хижины, у старого порога, где я грустила часто, закутанная в волос, ресницами подруга Медведице высокой.

IV. Узнай же, что сегодня со мною было небо. Упал я в путик ночью, но там копья уж не было. Но кто пришелец странный с жестокими глазами? Узнай, что я не робок и смелым быть могу.

I. Зачем такие речи? Немного добродушия, и скоро я уйду. Поужинай и мыслящую печку дровами затопи. Ты станешь веселее.

IV. Ну вот что, чужеземец, поймаем обезьяну, здесь бродит вечерами. В зверинце лучше ей.

(Пришелец убивает Верена.)

ОХОТА

Когда заяц выбежал на поляну, он увидел старые знакомые кусты, незнакомый белый сугроб среди них и безусловно загадочную черную палку, выходившую из сугроба. Заяц поднял лапку и наклонил ухо. Вдруг за сугробом блеснули глаза. Это не были заячьи глаза, когда они большими звездами ужаса восходят над снегом. Чьи же — человечьи? Или они пришли сюда из страны великих зайцев, где зайцы охотятся за людьми, а люди робко по ночам выходят из своих нор, вызывая выстрелы неумолимых стрелков, пробираются на огороды, чтобы обглодать ветку осины или кочан капусты.

— Да,— подумал заяц,— это он, Великий заяц, пришел освободить своих родичей от оскорбительного ига человека. Что же, я исполню священные обряды нашей страны.

Заяц покрыл прыжками всю снеговую поляну, то изящно перекувыркиваясь в воздухе, то высоко подбрасывая свои ноги. В это время черная палка пошевелилась. Сугроб двинулся и сделал шаг вперед. Страшные голубые глаза мелькнули над снегом.

— Ах, — подумал заяц, — это не великий освободитель, это человек.

Испуг сковал его тело. Он сидел и дрожал своими членами, пока выстрел, брызгая кровью, не подбросил высоко его тело.

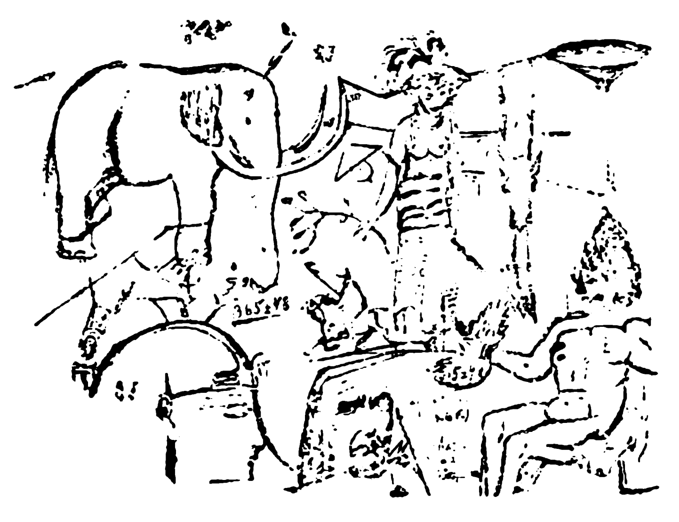

Рисунок В. Хлебникова (1915).

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

...И тогда захотелось уйти в свежую зеленую чащу, где не было этих животных с парой скучных человеческих ног. И окунуться в глубокую и холодную воду, где плавали рыбы, у которых не было этой пары скучных человеческих ног. И мне переставало хотеть быть человеком, если у этого человека пара скучных человеческих ног. Скучные?

О, головы, сказавшие: прощай! ногам. О, таинственные воды, лучшее творение людей, в которых, подобные бледным купавам, плавают одинокие человеческие головы.

О, животные с парою скучных ног, о, тонкий и острый кинжал с черным черенком, витым узором и надписью «Осман»!

И тогда, я, голова, с любопытством рассматривал маленькую кровоточащую ранку, нанесенную послушным моей воле братом-рукой брату-ноге.

Было ли во мне сострадание? Нет: улыбка веселила мои уста, мозг не жалел своего брата, толстого бедного брата. Толстого глупого брата — белую благородную ногу.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОМЕЩИЧЬЕЙ УСАДЬБЕ СРЕДНЕГО ДОСТАТКА

Владыка сада. Горе! Вокруг темно. Хмурые хмары все заволокли, и несть солнца. О, позовите, о, пусть прийдет сюда верный холоп!

Верный холоп. Здесь я, склонив седую голову раба, покорный.

Владыка. Вот. Узкой громадой встало Неприятное, и нет уже в просвете, откуда падает свет, Мудрой Надежды. Слушен будь мне, раб, и, слушая, устреми косое око за дворец. Где мощные сады и где зелень? И как пройдет легкою стопой Дщерь? Облетели цветы, ниспали листья, и как осмелюсь сказать Дщери «Услади душу дыханием трав и песнопением листвы»? Источены ходами зеленые блистающие ткани, обнажена нагота сада. На место листа на каждой ветке желтый изогнутотелый длинный жук. Ныне созови простых подростков и дщерей, дабы легкими и проворными руками сняли прилежно с дерева и кущ ненасытную алчву. Подобные трепету пламени, пусть носятся то здесь, то там красные подростки, *собиратели гнуса, насыпая жужжащей и ворошащейся* грудой подолы и освобождая от полона живые деревья. Другие же с могучими и мощными руками пусть роют рвы и, наполняя живым током жучьих тел, упорно гонят к общей гибели, где их ждут вепри с седой щетиной и окровавленными клыками. Так волит воля моя, всегда равная себе.

Верный холоп. Исполню, всегда верный, твои повеления. Ты же выслушай мой совет. Отверзни ведунный слух к жизнеточцам. Пойми их в себе, как они видят себя. Мудрую забаву таит в себе мой совет.

Владыка. Холоп послушный, не изменивший мне! И в этот раз, как и раньше, исполню твой совет. Итак, вслушаюсь в голоса сознания моего.

Голос сознания владыки. Всюду видны доказательства послушания холопа. Носящиеся по воздуху Сельские Работницы проворно очищают сады от гнуса. Вон на длани одной из них, изгибая тело, доверчиво ползут три червя. Она летит свободно и беспражно к гибели, они же свободно идут по ладони в противную сторону. И кто из них раньше достигнет цели: они до края ладони или она до гибели? Но не ведом им путь ее, и им ведом лишь свой путь на ладони.

Голос понимания. Этот из мечущих свои петли червей носит...

— Ты, Смеющиеся Очи, медом детей накорми, а ты, Печальная Усмешка, смотри надзор. Кормилицы! Мало того, вливать избранный мед в эти детские слабые рты, корни разумных древес, забот и поступко<в>, но и в рассудке храните только высокое и то, что красиво. Юное — зеркало старших. Когда-то о вас так заботились крылатые няни. А это кто? А, трутень! Бесполезный сударь!

Трутень. А, несчастные! Здравствуйте, почтенные девы-няни. Скажите мне, вкусен ли хоть мед? Или вы в нем смыслите столько <ведь>, сколько новорожденные в на<строениях> <их>. Прощайте, холодные барышни, до скорой смерти.

— Какой нахал! Ах, какой нахал!

— Намедни шайка этих сорванцов напала на работниц и мед отбила, что день-денской от звездочки до вечера сбирали те в лесу черемух снежнолистных.

— Когда же наша госпожа окончит с ними шуры-муры. А пора! Уж отцветае<т>...

— У нас короткая расправа с этими.

— А мне их жалко. Счастливчики на месяц. Они ведь рано умирают. Они ведь так же входят в строй родимой жизни, как и мы. Я отдала недавно взятку сама летавшему по полю трутню.

— Переверни дитя. Вот так. Заснуло? Жалко? Сестры! Мы маемся день целый. Там возьмешь, здесь возьмешь, там шмель вспугнет, здесь мухи досадные взяли цветок, там щурка или пчелоед. Всюду опасности, чуть что — беда какая-нибудь случится. А тут... Нет, уж я не понимаю вашей доброты. Извините!

— Управда! Ты русский! Твоя кровь могущественна в белой пустыне среди дубрав между семью морями. Страна, в которой ранами и сечами своего дяди ты вознесен править народом, вдовицей век оплакивает, когда среди могущества и чести был жив ее покойный муж. Да Рима нет. Померк сей образ светлый. И мужа недруги на жизнь зарятся вдовы. Лишь мечом можно оборониться от врагов.

. . . .

Бежать? в отчизну предков, где дуб, сосна, Перун? И на могиле дедов от венчанного внука принести жертвовозношение?

Нет! Молнию держит еще рука русского.

Стыдись, ты кто? Забыл ли ты, как ночью я шептала, как нужно править [народом]? Взглядом и бичом смиряй его, бабра заставь, как кошку, ластиться у ног, мурлыкать, песню петь, как будто бы с лежанки спрыгнул домашний кот. Сильный покорен только сильному; с бабрицей будь более, чем она, бабрицей, с народом будь более, чем он, народ. Советам моим следуй, и снова ложе брачное повторим среди укрощенных взглядом повелителя зверей.

Они собрались; тридцать тысяч. Вели полководцу жечь, колоть глаза, изрубить их, и тигр взвоет от ярости, но покорится, почувствовав сильнейшего; рубить их прикажи, — святош, беснующихся, законников и всю ту масть цветов бабровых, которая зовется мятежом. Сожги те зданья, где они; осироти весь город, — тогда почувствуют. Сегодня прийдут лукавые вельможи, усмешкой язвя и вспоминая то время, когда я пела и плясала им. Я их заставлю благословлять мой след, целовать мои ноги за то, что оставляю власть, и не лишаю жизни их, свидетелей доцарственной судьбы, и, великолеп-

ная, я усмирю их новой вспышкой красот и дерзости. Если я знала их поцелуи, как плясунья и певица, они узнают тут меня, как их повелительницу. Ударом бича усмиряй толпу, казни и отымай, дари и даруй, — вот мудрость. Твой воевода усмирил остготов, — ужели он не сумеет победить полчища неумных тройкобежцев.

— Убийства, смерти, казни! Без них нельзя вести людей? Как стройно все в законах и как законов плащ багрянцем казней окружает жизнь.

Нет, видно, ветхо племя и передать другим мудрость веков прошедших — вот всё, что ему осталось. А мы, разве мы не упадок? Я получужестранец на престоле от племени другого дар дряхлеющей стране, а ты и дочь, и мать веселья, чета ужель времен могущества?

Ты права: пусть укро<тится> царственный мятеж. Итак, меч против поднявших меч. Меч и горе, и слезы тех, и вечный плач уж неутешных вдов и матерей! Что делать: законы не везде все предусмотрели и иногда их покрывает кровь. Пусть воин завоюет власть, почет и уваженье.

Законоизмышлять это то же, что установлять теченье звезд, и лишь народ, как море бурное, теченье звезд согласных нарушает.

Еще ни одно лицо красивое зеркалом так не было искажено, обезображено, как законодателя предначертания страной.

Что ж меч рассудит, кто был прав.

Царства старинного доспехи не по плечу изнеженным потомкам.

ЖИТЕЛИ ГОР

Суровые очертанья грозного кремля гор, точно круто искривленные брови старообрядцев при встрече с Кучумом, ослепительные одноугольники с льдистыми глазами, устремленными кверху, и мутное серебро рек в зеленых тканях, будто белые девы свадьбы, смеясь и гуторя, надели зеленые венки, поют и подымают сорванные ветви, водопад — нить жемчугов вдоль гордого, полного хищного предвкушения счастья, горла невесты, закат-уманец с сверкающей саблей, по зову Остраницы поднявшись в поход, и вы, голубые небеса, и две голубых боярышни, смеющиеся и шушукающиеся друг с другом, и могучий кряж, как русская порода, восставшая для защиты земли в дни Грюнвальда, и белый, окаймленный молнией, камень с прямыми чертами, падающими во все стороны из одной точки, власть московского государя среди Новгорода, Пскова и Литвы, и Польши, и гремучая широкая река — все окружало белого государя, толпилось к нему, уносило его живую силу речным сильным потоком и молилось на него или било покорно челом, простершись у подножья.

Темные ущелья, темные, как старцы в поддевках поморского согласия, сумраком вникали в этот зеленый и белый вершинами мир.

И потемневшие от времени лики скрывались в окладе меловых пород.

И снега — строгие платки старообрядческих девушек.

Как красная кумачовая рубаха мужика горело одно облако. Сеет он одной рукой семена — лучи, а другой держит лукошко с солнечным зерном. И как помертвевшее лицо узнавшего о смерти жены — снежные змеи окраин других туч, а над ними закат — червонорусска, спешащая через Лысую гору в великий день к Киеву.

Черные кудрявые дубы покрывали кряжи.

И хата лепилась над бездной с той стороны, откуда идут монголы. Там Коссовским полем спускался вниз шелом — разбитый на части утес.

На высокий утес взлетал орел и садился, как русский на престол Византии, как Управда.

И прямые черты возносили срединный могучий камень, точно воины Куликовское поле.

Так, как обломки жизни русских, толп<ились> и громоздились части горного темного мира, и по всему этому бродили светлые взоры ока. Близок был вечер и темнел, и опускался.

Как суровые души сжигавших себя из-за переставленного звука высились камни. Здесь жили русские.

Над пропастью стояла девушка и пела.

Сноп трав и цветов был в ее руке, а в глазах блестело и колыхалось далекое синее море.

Так, как разум мыслителя на <туманном> ха<осе> мира, так лепилась хата, из нее исходил дым, и оттуда сошел человек.

Рога оленя были за его плечами и пятна свежей крови на гачах.

— Легинь?

— Да?

Гремучий водопад, летя вечной стрелой вихрем вниз, заглушил его слова.

Но он с новой страстью воскликнул: «Я люблю тебя, солодка!», и задрожал.

Заунывные, извилистые, певуче однообразные звуки несущихся волн прервали его речь и ее ответ, птица с пронзительным криком пронеслась над ними.

Но он с <новой> силой воскликнул:

— Я люблю тебя!

Старуха, стоявшая у входа в хату, поднесла руки к глазам и произнесла: «Иль сокол наш горлинку гонит».

Но засмеялась сестра и сказала: «Нет, он голубь, а она — соколица».

Но лишь молча посмотрела на нее и снова отвернулась от него.

И запел он песнь и пошел прочь.

Люли, люли,
На войне летают пули.

И мгла окружила их, и, вздохнув чему-то, пошел по знакомой тропе домой.

Казалось ей, она видит белого, как лунь, старца с <глазами> <звездами>, и перед ним, как злой должник, стоит черный медведь и ждет, когда вынет старец краюху хлеба.

Иль видела себя матерью, великоглазой, кроткой, и на руках у ней дитя, а на<д> ни<ми> зве<зда> и не<бо>, и идут по<клониться> волхвы.

Нельзя было видеть и свои руки в молочной мгле.

И вдруг кто-то наклонился над ней и жарко поцеловал в щеку.

— Стыдись! — воскликнула она и подняла руку, но уже никого не было, и только молочная мгла окружала ее.

Да кто-то злобно и мстительно захохотал.

Свистел последний дрозд, синий с серым верхом.

Стоят в воде ночные латы.

Уж «ау» кричат из хаты.

Мертвый олень лежит у порога, и злорадно, погрузивши руки в кровь и свежуя тушу, смотрит на нее Артем.

Но лишь молча взглянула на него она и пошла к себе.

Скоро огонь, освещавший окно, погас, прозрачность ночи пришла снизу и одела горы. И, как под скобку остриженные волосы, выступили резкие края и тростниковая крыша над мазанки белой стеной.

Пытливо взглянул на нее отец и сказал:

— А он, слышь, принес трех орлят; хочет приручить их и летать на них по небу.

— Разобьется, мальчик.

— Разобьется, говоришь?

И южная ночь сделала из них, сонных, трупы.

Но одного терзали злой дух или сон, как облако время, за которым мерцает луч счастья грешного и знойного, где сложены одежды, где с хохотом купалась и брызгалась водой молодость.

И утро застало ручей сбегающим, зелено-белым, птиц распевающими, а <она> шла с ружьем на плече к ручью.

Медленно, оглянувшись, не смотрит ли за ней кто-нибудь, она снимала с себя сорочку и в это время была прекраснее, чем когда-либо. Рука была поднята кверху,

и только голова скрывалась под покровом. После, доверившись, сняла с себя все и вошла в воду и поплыла. И в это время над ней раздался веселый свист: с ружьем проходил по горной тропинке и весело свистел, глядя сверху.

Как туман ранним утром, белелось ее тело, и подняла гневные глаза на него и крикнула из воды:

— Иди, постылый!

Но летел хищник, рыдая, по выстрелу, и темный коршун с окровавленным клювом, хватая когтями песок, упал к ее ногам.

И, беспечно засвистав, ушел он на охоту.

И, возвращаясь с горным козлом, он увидел ее в стройном наряде с ножом длинным и узким на поясе в черной кожаной оправе. Улыбнулся он и посмотрел на нее.

Но она отвернулась и лукаво нахмурилась.

И ушла в чащу, будто зовущая, и, робкий, он последовал за ней.

Искоса молча оглядывалась она и шла дальше, точно звала, и вот на зеленой поляне стала собирать хворост.

Сейчас наклонялся и подымался ее белоснежный затылок над травой.

И иногда на нем останавливала большие расширенные глаза.

Он подошел к ней и взял ее за плеч<и>.

И тогда с глухим криком «гож нож», она вырвала из-за пояса меч; он взвился и опустился в плечо и оцарапал грудь.

Но он улыбнулся презрительно и прижимал ее к себе и снова осыпал поцелуями.

И птицы испуганно слетались и смотрели на эту битву двух тел.

И вот она была окровавлена, потому что нечаянно порезала руки, а он прижимался к ней и обнимал руками, лепеча что-то. И, закрыв лицо рукой, разрыдалась.

[Крякнул] он и, уронив руки назад, остался лежать на них.

Она вынула гребень и, посматривая на него, стала расчесывать волосы. Он улыбался слабо и печально.

Но опять поднялась мгла, откуда появились тучи, ве-

тер и облака — жильцы этих горных высот. Их белые тени исчезли в ней, точно рыба в воде.

— Дай мне руку! — воскликнула она.

Он дал.

— Сядем здесь! — крикнула она.

Они сели.

Она шепнула ему на ухо: «Покажи мне, что как любят. Я не знаю». Он молчал.

— Ты сердишься? — голос ее сделался нежнее.

— Скажи мне, — усмехнулась она, — что нужно делать?

— Слушай, — сказала она, дрогнув, — прости меня. Я была не права.

— Я тебя люблю, — вдруг прошептала она, осыпая поцелуями его голову. — Наклонись же ко мне, приголубь меня, наклонись, как небо над землей.

— Что с тобой? — шептал он в ужасе и восхищении.

Горячий и молчаливый, он нагнулся над ней и коснулся ее губами.

— Ах! — воскликнула она уже в беспамятстве.

Но вдруг солнце показалось, солнце осветило ее девичьи ноги, она раскрыла глаза: над ней лежал мертвый холодный Артем.

Лубны — своеобразный глухой город.

Белое, высокое здание суда, подымающее власть высоко над жителями города <нрзб.>, в садах качающиеся еврейки в гамаках, кругом села великороссов, говорящих по-малорусски, но помнящих об единой Руси, так как их деды жили и родились на севере; лукаво смотрят их лица на каждого нового пришельца, желая понять, кто он — враг или друг.

Здесь благословенный отличный воздух, луга и поля, река Сула славится своим здоровьем, а подите — люди умирают не только от старости, но и от частой чахотки. И пожары. В русских столицах, где тройка черных или золотистых одноцветных крепких <нрзб.> коней, изгибая красивые морды, несет древних воинов, в так же изогнутых шлемах, на войну с огнем, сквозь быстро собирающуюся по бокам толпу, и старая битвенная судорога их движений, напоминая о войнах, волнует сердца, — там не то. <нрзб.> и полководец этой битвы скачет впереди с трубой в руке и бросает звонкие повеления.

Но здесь пожары так часты, как нигде. Они всегда происходят ночью.

Гневные, властные и торжественные реют над городом звуки трубы, то отдаленные, то страшно близкие, нарастая в силе. Они преследуют вас, они разыщут вас везде, в каком бы уголке города вы бы не спрятались. Они, помимо слов, говорят, что ваш долг быть там. И властнее слов собирают жителей к пожарищу.

Настойчивость этих гневных звуков ужасна. Они проходят вашу душу, вы не знаете в вашей душе преград для них. Вы знаете, что в день страшного суда вы проснетесь под эти трубы.

— Горит, — отвечают в этот миг прохожие и устремля-

ются вперед. Тотчас какой-то ветер подымается по городу, начинается суматоха: лают собаки, бегут люди, и слышен топот ног и крики. Эти трубы не знают вас, с вашими личными страстями, но они знают люд и гнут его волю, как змею, и бросают для победы над огнем.

— Проснитесь, — говорят они, — восстал огонь, усмирите его, бросьте снова связанного и скованного в клетку. Ему пора не настала; это еще не последняя схватка огня и люда. Еще не время укротить зверя.

Я долго думал о неизмеримости величия их, я знал, что все, что есть, — есть только письмена; и старался понять их, ведь осязание числа есть великий переводчик не имеющих никакого родства языков.

В тоскующих и грозных, в них на каком-то языке виделось зерно воскрешения мертвых.

И в грозном гуле этих звуков, углом подымающихся над миром, падающих с неба на мир лавой, скрыт<о> обещание про день огня победителя, в них скрыты предтеча и знаменье милое сердцу народа. Огневая ли природа усопших, дальние ли объятия смерт<и> солнца? Ведь живое более походит на землю, чем мертвое. И схватка огня и земли, увенчанная победой огня, раскрывшего крышки земных гробов и сожогшего их, вот, что как <нрзб.> волнует вас после <нрзб.>.

Он прийдет, этот гневный вождь — красный багряный огонь.

Если смерть — разлука огня и земного воска, то здесь слышится возврат огневого человечества.

Да, я долго не мог забыть тоскующий гул этих труб.

Да, в такую ночь хорошо бродить одиноким путником, ожидая страшного суда. Но послушайте тогда, как снова грозно завывают трубы: «Нужно бросить обратно в темницу».

Коля был красивый мальчик. Тонкие черные брови, иногда казавшиеся громадными, иногд<а> обыкно<венными>, синевато-зеленые глаза, лукавой улыбкой завяз<анный> рот и веселое хрупкое личико, которого коснулось дыхание здоровья.

Он вырос в любящей семье; он не знал других окриков в ответ на причуды или шалости, как «дитя мое, зачем ты волнуешься?»

В больших глазах его одновременно боролись бледно-синеватый оттенок и зеленый, как будто плавал лист купавы по озеру.

У него было семь скрипок и скрипка Страдивариуса. Но мальчик, кажется, немного был утомлен обилием этих скрипок. «Только ты худ немного», — смеясь, говорили ему старшие. Он был очень маленького роста, хрупкий и нежный. Родные звали его сфинксом, обещая ему неожиданный перелом в настроении.

Раз, когда он проходил по тому берегу моря, который теперь уже исчез, смытый волнами одной бури, какой-то наблюдательный моряк задумчиво произнес: «Муравей и стрекоза» (вторым был я); в самом деле, он был трудолюбив, как муравей.

В Одессе, а это было в Одессе, многие переселялись на берег моря в легкомысленных клетушках, воздвигая их вдоль тропинок, угощая в праздник<и> т<олпу> дорогим чаем и дешевыми песенками.

В этой полурыбацкой жизни находили прелесть. Дети неловкой пухлой рукой подымают запутавшуюся в водорослях удочку. Другие, устав от уроков, видят ось жизни в ловле мелких рачков, толпами скользящих в воде. Волны — чувственный р<ой> от купа<льщиков>, в зеленом саду бродят еврейки и бросают жгучие и томные

взгляды своего племени. Черные зрачки и белые белки их глаз удивительны, и они справедливо гордятся ими.

Искусство — суровый бич: оно разрушает семьи, оно ломает жизни и душу. Трещиной раскола отделяет душу от другой и труп привязывает к башне, где коршуны славы клюют когда-то живого человека.

Буря, когда с верхушки ветряных мельниц слетает крыша и с треском ломаются крылья, деревья гнутся в одну сторону, и ветки свищут от напряженья, трясущиеся овцы стоят и, жалобно блея, зовут отворить ворота.

Впрочем, конечно, это только вычурный своей мрачностью образ.

Чернея макушкой стриженой, пламенем желтым одетый, как римской холстиной с каймою широкой, быстро, военной походкой, к ступеням подходит седалища, где водопад был изменчив, лиясь из морской пасти снопом кудрей зеленых и белых, сине-зеленых и черно-желтых. Падал на них уже свет подходящего с стоном и с топотом юноши (грозны и быстры шаги).

Длинные руки из камня слонового токарь прекрасного рока высек и выточил для восхищения и взоров. Цепь незабудок одну украшала. Спускались камня слонового шуйцы. Обе ладони смежив на темени овна кудрявого и двуглавого, ручкой служив<шего> для обоюдоострого, в землю воткнутого грубо меча, сидела, с испугом смотрела на быстро вошедшего та, о которой прекрасней молчать. Темные взоры исполнены были ее' красоты могучей и вопроса, и лютни молчащие вделаны были в престол.

Но конский череп был поднят на темя, как шлем.

С испугом спокойным смотрела она на вошедшего, и руку ее колебала чуть глазу заметная дрожь.

И после, щебетом нежным птицы, пропела, желая спросить вновь пришедшего.

— Устал ты? Не хочешь ли пить? Вот водопада струя вниз убегает, звеня, всех утоляя и утомляя. Властные жезлы и знаки державы в беге клокочут его. Сядь, отдохни и расскажи мне твою повесть. Надеюсь, она не страшна и среди спутников счастья — цветов свежих и чистых будет ей место. Что же молчишь ты?

И вновь вопросила, уже с испугом и слезами в голосе:

— Что же молчишь ты? Скажи! Что ты стоишь неподвижим, глаз не подъемля. Пряхи, я вижу, искусные сделали эти одежды, на пламя могучее похожие более, чем

капля на каплю. Бурно колеблет их ветер, ворвавшийся в окна через решетку. Как будто огонь твои ткани, но ведь обман он, а обман не сжигает поверхности кожи. Выбрал ты благовония странные. Смолы и травы пахнут не так. Так тлеет на углях мясо козленка и волос на жарких щипцах. И зачем синий дым ясно порочит небо прекрасное. Вот что ответь мне пришедший: не больно тебе? Иначе страшное я начинаю угадывать в приходе внезапном твоем. Что же молчишь ты?

— Краткими будут слова мои, здесь восседающая. В границ<ах> они костра и золы. Многими реками ты не утолишь меня, примчался ведь я — и много правдиво тебе рассказали быстрые твои взоры души, лгать не умеющей. Но истины сердце в испуге бежит дыхания грозного, поверь. Здесь я стою. Хохоты рабских морей слышал я, сюда шествуя. Как ни несносны они, не от укусов комара костер плотно к плечам прильнул, как рубашка. И не жидкой рекой, а жестокой железной, чьи прямей берега, чем лучи, и чье устье и море — сердце умершего, утолишь ты жажду мою. Сделай, если ты дочь милосердия, чтоб ей утолен был я раньше, чем ткани мои огневые не сделают пепла горы у ног, у ступеней твоих. Узнай же — горю я. Раньше, чем речь окончу свою, раньше, чем стану я пепла и масла смесью глаза оскорбляющей. Из грез и из слез быстрый ручей — наша жизнь. В жидком звенящем навесе воды! То лишь промолвить хочу я: будешь жесточе ты многого, если не станешь суровою.

Растрогана, она ясно раскрыла глаза и ресницы свои чернодлинные и спросила его: «Неужели»?

— От плаща огневого многие ищут такого покоя. Сейчас вселенная — жемчужная раковина для жемчужины твоей смерти. Ты новый звук, вошедший в ее слух. Крыло водяное объемлет тебя и уносит. Я старого лебедя шея. Так я спасу от страданий. Жизнь им имя, чело их носитель. Время страданий <твой> век. Я иду в море вод твоих, земной пепел бросая, как странник свой посох <здесь> у ворот. О, пещера зеркального льда с ледяными мечами на потолке!

Остров когда-то ладью с лебедя шеей снаряжал, золотистых и нежных лес парусов. Младенца лицо было на каждом. И много гребцов поставил в ладью. Багрец нежно-красный золотистым отливом наполнял холсты, как перь<я> бабур<ки>. Для ветров привешены были пре-

красные лютни. Звенели и пели. Младенца в далекую сушу то судно везло. Что ж? С морскими разбойниками встреча, пожар, и чума, и насад чумный труп и чумных ряд гребцов в пристань дальнюю привез. Сто чумных гребцов, <упавших> на лавки, привез вольный ветер в ту пристань.

То же и жизнь. Таков был младенец.

Но что это? Белый стеклянный мчится и бьется ручей? И темная, синяя с белым горошком рубашка лежит меж вод и зеленых осок. Здесь кто-то купался. Но куда он уплыл?

Но там между черных глыб берегов золотая течет, слышу я, лава, камни ворочая глухо и в ней снег — белый череп и пепел прозрачный и черный прежних волос и вихров. То остается от жизни. Всегда? и зачем? Эта [рубашка от мальчика] темная, синяя. Так ли лежит на нем много позора, чтоб искупить себя в этой купели огня золотого? Но все же цветущий вновь он всплывает. И с длинной лютнею чайка летает: «воскресни» поет она в злате пловцу.

Желтый косматый король с грозной гривой вышел из рощи его растерзать и лапу кладет на одежды и смотрит устало, наморщив чело и глаза.

Вон двое: старец и дева — из камня оба. Медленно в кожу из камня [тайный в средине], явный концами вонзается нож, каменный нож и медленно старец, главой на плечо увядая, целует безмолвно пролитую кровь. Вон в черных потемках белый слепец здесь проходит строгий, прям, как доска, и белые струны белого камня носит в руке. Слышите голос высокий? Знаю я, здесь мой обещанный рай. Здесь я страсти предвижу в прекрасных размерах. Их кожа из красок зори, а кость заменяет им воздух. Их взоры свирели огней, воздушные лютни. Их голос был небом в раздумье, зарей — в час дружбы и громом — в час гнева. Частями власти они здесь живут, ветки единой листами, частыми, длинными. Силам найду и созвучие в милом. Истлели в размерах тех, точно в стенах стеклянного гроба, ненависть, зависть и злоба. Белые нити поют. Шествует белый слепец. Свеча одиноко пылает, тихий покой освещая.

И с свистом и стоном души, не нашедшей приюта, летавшая долго, мертвая голова падает сверху. Светоч горевший угас. Во тьме ледяные чертоги.

Я пошел к Асоке и попросил у него мыслей взаймы о равенстве и братстве.

А между тем, на море такие морские дела.

На горе всегда стоял храм, а бор меловых сосен его стоит только несколько столетий. Столбы долго желтели среди мусора, и морская пыль откладывала новые страницы на них, хотя сами они были высечены из той же морской пыли. Сюда поплыла Лейли. Семь струн у ней в руках, морской конь везет ее, и чистая струя подымается, как знамя. Но что же? Четырехтрубный пароход стоял на волнах. И кто-то из окна пароходной больнички плеснул серную кислоту и выжег прекрасные глаза. Это был маленький пузырек, но сине-морские очи были съедены, проглочены огнем серной кислоты, а лицо нежное, холодное, обезображенное сгорело до костей.

Вскрикнула — и упала навзничь в воды.

СТАТЬИ, ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАМЕТКИ

Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами и стоял за распространение на благородные животные виды заповеди и ее действия «люби ближнего, как самого себя». Он называл неделимых благородных животных видом своими ближними и указывал на пользу использования жизненного опыта прошлой жизни наиболее древних видов. Так он полагал, что благу человеческого рода соответствует введение в людском обиходе чего-то подобного установлению рабочих пчел в пчелином улье, и не раз высказывал, что видит в идее рабочей пчелы идеал свой лично. Он высоко поднял стяг галилейской любви, и тень стяга упала на многие благородные животные виды. Сердце, плоть современного порыва человеческих сообществ вперед, он видел не в князь-человеке, а в князь-ткани — благородном коме человеческой ткани, заключенном в известковую коробку черепа. Он вдохновенно грезил быть пророком и великим толмачом князь-ткани, и только ее. Вдохновенно предугадывая ее волю, он одиноким порывом костей, мяса, крови своих мечтал об уменьшении отношения $\frac{\varepsilon}{\rho}$, где ε — масса князь-ткани, а ρ — масса смерд-ткани, относительно себя лично. Он грезил об отдаленном будущем, о земляном коме будущего, и мечты его были вдохновенны, когда он сравнивал землю с степным зверком, перебегающим от кустика до кустика. Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел. Он нашел славяний, он основал институт изучения дородо-

вой жизни ребенка. Он нашел микроб прогрессивного паралича, он связал и выяснил основы химии в пространстве. Довольно, сему да будет посвящена страница, и их несколько.

«Он был настолько ребенок, что полагал, что после пяти стоит шесть, а после шести — семь. Он осмеливался даже думать, что вообще там, где мы имеем одно и еще одно, там мы имеем и три, и пять, и семь, и бесконечность — ∞.

Впрочем, он никому не навязывал своего мнения и, считая его своим лично, признавал священнейшее право всякого иметь мнение противных свойств».

(О пяти и более чувств).

Пять ликов, их пять, но мало. Отчего не: одно оно, но велико?

Узор точек, когда ты заполнишь белеющие пространства, когда населишь пустующие пустыри?

Есть некоторое много, неопределенно протяженное многообразие, непрерывно изменяющееся, которое по отношению к нашим пяти чувствам находится в том же положении, в каком двупротяженное непрерывное пространство находится по отношению к треугольнику, кругу, разрезу яйца, прямоугольнику.

То есть, как треугольник, круг, восьмиугольник суть части плоскости, так и наши слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные ощущения суть части, случайные обмолвки этого одного великого, протяженного многообразия.

Оно подняло львиную голову и смотрит на нас, но уста его сомкнуты.

Далее, точно так, как непрерывным изменением круга можно получить треугольник, а треугольник непрерывно превратить в восьмиугольник, как из шара в трехпротяженном пространстве можно непрерывным изменением получить яйцо, яблоко, рог, боченок, точно так же есть некоторые величины, независимые переменные, с изменением которых ощущения разных рядов — например, слуховое и зрительное или обонятельное — переходит одно в другое.

Так есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в звук кукования кукушки или в плач ребенка, станет им.

При этом, непрерывно изменяясь, он образует некоторое одно протяженное многообразие, все точки которого, кроме

близких к первой и последней, будут относиться к области неведомых ощущений, они будут как бы из другого мира.

Осветило ли хоть раз ум смертного такое многообразие, сверкнув, как молния соединяет две надувшихся тучи, соединив два ряда переживаний в воспаленном сознании больного мозга.

Может быть, в предсмертный миг, когда все торопится, все в паническом страхе спасается бегством, спешит, прыгает через перегородки, не надеясь спасти целого, совокупности многих личных жизней, но заботясь только о своей, когда в голове человека происходит то же, что происходит в городе, заливаемом голодными волнами жидкого, расплавленного камня, может быть, в этот предсмертный миг в голове всякого с страшной быстротой происходит такое заполнение разрывов и рвов, нарушение форм и установленных границ. А может, в сознании всякого с той же страшной быстротой ощущение порядка А переходит в ощущение порядка В, и только тогда, став В, ощущение теряет свою скорость и становится уловимым, как мы улавливаем спицы колеса лишь тогда, когда скорость его кручения становится менее некоторого предела. Самые же скорости пробегания ощущениями этого неведомого пространства подобраны так, чтобы с наибольшей медлительностью протекали те ощущения, которые наиболее связаны положительно или отрицательно с безопасностью всего существа. И таким образом, были бы рассматриваемы с наибольшими подробностями и оттенками. Те же ощущения, которые наименее связаны с вопросами существования, те протекают с быстротой, не позволяющей останавливаться на них сознанию.

КУРГАН СВЯТОГОРА

I

Отхлынувшее море не продышало ли некоего таинственного, не подслушанного никем третьим, завета народу, восприявшему в последний час, сквозь щель времового гроба, восток живого духа, распятого железной порой воителя? Народу, заполнившему людскими хлябями его покинутое, остывающее от жара тела первого воителя ложе, осиротелый женственно морем?

> Благословляй или роси яд,
> Но ты останешься одна,
> Завет морского дна,
> Россия.

Точно. Своими ласками передала нам вдова лик первого и милого супруга. Щедро расточаемыми ласками создала кумир целящий. Так, мы насельники и наследники, уступившего нам свое ложе, северного моря.

Мы исполнители воли великого моря.

Мы осушители слез вечно печальной Вдовы.

Должно ли нам нести свой закон под власть восприявших заветы древних островов?

И широта нашего бытийственного лика, не наследница ли широт волн древнего моря?

II

Конечно, правда взяла звучалью уста того, кто сказал: слова суть лишь слышимые числа нашего бытия. Не потому ли высший суд славобича всегда лежал в науке о числах? И не в том ли пролегла грань между былым и идутным, что волим ныне и познания от «древа мнимых чисел».

Полюбив выражения вида $\sqrt{-1}$, которые отвергали прошлое, мы обретаем свободу от вещей.

Делаясь шире возможного, мы простираем наш закон над пустотой, то есть не разнотствуем с богом до миротворения.

III

Буй волит видеть свой лик в буйовичах.

И не злой ли ворожбой висит над нашей славобой тень северного моря, не узнающая в сыне лика своего отца? И не признающая в сыне сына?

И не в нас ли воскликнула земля: «О, дайте мне уста! уста дайте мне!» И дали ли мы ей уста?

И не в несчетный ли раз одетая в грусть, телесатая равниной Вдова спрашивает: «Вот тело милого супруга. Но где его голос? так как вижу милые уста, зачарованные злой волей соседних островов, молчащие или вторящие крику заморских птиц, но не слышу голос милого». Да. Русская славоба вторила чужим доносившимся голосам и оставляла немым северного загадочного воителя, народ-море.

И самому великому Пушкину не должен ли быть сделан упрек, что в нем звучащие числа бытия народа — преемника моря, заменены числами бытия народов послушников воли древних островов?

И не должны ли мы привтствовать именем «первого русского, осмелившегося говорить по-русски» — того, кто разорвет злые, но сладкие чары, и заклинать его восход возгласами: буди! буди!

IV

Мы ничего не знаем, ничего не предсказываем, мы только с ужасом спрашиваем: ужели пришло время, ужели он?

V

Вот он шумит своими ветвями, и не окружим ли мы его порослью молодых древ?

VI

Всякое средство не волит ли быть и целью? Вот пути красоты слова, отличные от его целей. Древо ограды дает цветы и само.

VII

И останемся ли мы глухи к голосу земли: уста дайте мне! дайте мне уста! Или же останемся пересмешниками западных голосов?

VIII

И хитроумные Эвклиды и Лобачевский не назовут ли одиннадцатью нетленных истин корни русского языка? — в словах же увидят следы рабства рождению и смерти? назвав корни—божьим, слова же—делом рук человеческих.

И если живой и сущий в устах народных язык может быть уподоблен доломерию Эвклида, то не может ли народ русский позволит себе роскошь, недоступную другим народам, создать язык—подобие доломерия Лобачевского, этой тени чужих миров? На эту роскошь русский народ не имеет ли права? Русское умнечество, всегда алчущее прав, откажется ли от того, которое ему вручает сама воля народная: права словотворчества.

Кто знает русскую деревню, знает о словах образованных на час и живущих веком мотылька.

И не значит ли, что боги унесены из храма, если безбоязненно в ряды молящихся замешиваются иноверцы? и выполняют требы?

Пренебрегли вы древней дланью,
Благословившей вас в купели,
И живы жертвенные лани,
Мечи жреца чтоб не тупели...

IX

И не должно ли думать о дебле, по которому вихорьмнимец емлет разнотствующие по красоте листья — славянские языки и о сплющенном во одно, единый, общий круг, круге-вихре — общеславянском слове?

X

Конечно, жена, телесатая северной равниной, приемлет нежного супруга, алча ласк первого и не этим ли таинствен-

но ваяет его лик, силой женской чары, в лик первого и милого мужа — морского моря.

Так изменяемся мы, уподобляясь первому, чтобы заслужить великих милостей у облеченной в равнину Вдовы.

И когда родимые второму морю пройдут пред восхищенным взглядом светлые горы, восставляя свой ледяной закон и рокот, не следует ли предаться непорочной игре в числа бытия своего, чаруя ими себя, как родом новой власти над собой, и прозревая сквозь них великие изначальные числа бытия — прообраза. И сии славоги, гордс плывучие на смену чужеземным снегам... Так как не на хлябях ли морских рождаются самые большие ледяные горы, каким не бывать на суше? — не наполнят ли они нашу душу трепетом и гордостью вещей?

И не станем ли мы тогда народом божичей, сами зоревея вечностью, а не пользуясь лишь отраженным?

Обратимте наши очи к лучам земных воль; если же мы воспользуемся заимствованным светом, то на нашу долю останется навий свет, добрые же лучи останутся на потребу соседним народам.

Мы не должны быть нищи близостью к божеству — даже отрицаемому, даже лишь волимому.

XI

И если человечество все еще зелень, трава, но не цвет на таинственном стебле, то можно ли говорить, пророча, о осени, желтыми листьями отрываясь от сил бесконечного? Или же, слыша песнь, следует посмотреть на небо, не жаворонок ли первый? И даже мертвое или кажущееся таким не должно ли прозреть связью с бесконечным в эти дни?

XII

О, станем же верны морскому супругу Жены, нашему прообразу, совооруженному с нами латами: море, конем: тысячелетний рокот, щитом — водянистость существа. Он же вдохнул в нас дыхание иной поры, поры иных могачей, богачественной иной мощью. Вдова ваяет в нас лик: пред ее волей мы должны преклониться.

Изберем два слова: лысина и лесина. Горы, лишенные леса, зовутся лысыми; самое место исчезнувшего леса — лысиной; отдельное дерево, часть леса — лесина.

Не должно ли приписать обратность смысла в этих различающихся гласной словах переменой *ять* на *ы*? Считать носителем величины сходства *л-с*, а путями неравенства — *ять* и *ы*?

Смысл неделимого *л* выступает из сравнения речений льнуть и тянуть или также легкость и тяжесть, течение и тын.

Т указывает на увеличиваемость траты сил, а *ль* — на ослабление этой траты.

Ль указывает на уменьшаемость расстояния между познающим разумом и познаваемым; вещь льнет к человеку. А *т* — на уменьшение расстояния между познающим и сознаваемым силами познающего: человек тянет вещь.

Отсюда лес, как то, что, существуя, растет, течет и изменяется в величине, помимо силы тяжести, но самовольно.

Даже то же можно сказать так: *т* озвуковывает движение одной из двух приближающихся, как следствие точек силами неподвижной, а *ль* — движение точки из своей собственной силы.

Это же различие выступает в залогах глаголов. Действительно: он бил и он бит имеют обратное значение; в выражении «би» + «л» деятель сам из своей воли льнет к действию, в выражении же «би» + «т»—действие тянет. Движение направлено от действователя к действию силами действователя; 2-е же течение лица к действию вызвано силами, вне его лежащими.

В речении бить лицо не само родило действие, а тянется им, действие льнет. Залог, где действователь льнет к действию, основывается на *л* лёта, а залог, где действие есть стекание к лицу, основывается на *т* тяжести,

Лишь только лес попадает в круг действия от *т*, он становится тесом. Итак, лес, который льнет к небесам и изменяет свое расстояние от всего неподвижного, так же и от созерцающего сознания, самочинно, независимо от него, начинае<тся> с *л*. Но лишь только он делается мертвым и может изменять свое расстояние, вызывая затрату сил с его стороны, он делается «тес», «тесовая крыша».

Итак, можно установить *л* самовольного движения к неподвижной и *т* движения зависимого со стороны причины точки в сторону неподвижной и *т* уменьшаемости расстояния со стороны подвижной в сторону неподвижной.

Действительно, тяжелый предмет тянет руку вниз, легкий, сравненный с тяжелым, как бы льнет к руке несущего, осязаясь, как лежащий на руке без затраты усилий.

Отсюда лихо и тихо; лихой тот, кто есть, как высшая точка, самохотно и своим изволом действующих сил; тихий тот, в ком эти силы отсутствуют, кто не льнет к счастью, но требует повиновения другим, но кто повинуется и поддан влиянию извне. Действительно, лихими людьми звались разбойники, не останавливавшиеся для осуществления своих целей перед убийством и грабежом. Лихие люди—это как бы бурные весенние потоки, несущиеся с гор; между тем, тихие — это как бы сухие пруды, открытые для всех влияний извне. Льгота (льзя) есть как бы очертания этого буйного бытия, как бы русло его потока, а туча, туск — границы упадочного бытия, замирающего и ослабленного.

Лень, луч, отлыниваю и тень, туча и тын разделены тем же расколом *л* и *т*.

Действительно, подобно лесу, луч выделен из природы, как своей дорогой мчащийся в пространстве; в слове лень заключено противоречие направления своей силы с его трудом; так же и в отлынивании. Везде *л* начинает слова движения своеначального в разрез с окружающим.

Как слова, песни бывают спеты, так и время, когда лес льнет к небесам, — лето.

Луч, движущийся мимо земли и лесов, лук, придающий стрелам свое особое движение, лень и отлынивание или располагание силами в разрез с обязанностями, свобода от долга начинается с *л* самоволия. Так же и своевольное обращение с знанием — лгание.

А источники прекращения льгот, свободы и лучей — с *т*.

Тяж и лежать; тяж — это тот предмет, который испытывает силы, направленные от него, который тянут силы.

Во время сна, лежки, наоборот, все влияния из другого мира прекращаются. Если среди обязанностей дня человек в разнообразных отношениях тяж, то ночь — его льготное время, и [можно даже сказать], что ночью он [грубит и лжет дню].

В частях речи так, тот, междометии те — те — те чувство как бы сдается перед превосходящим знанием; эти выражения суть повиновение личного начала мировому.

Здесь покорность чувства судьбе выражается тягой, идущей от чувства к знанию, сковывающему чувство. Наоборот, в частице *ли* чувство как бы врывается в область знания; эта частица есть частица сомнения. Но не есть ли сомнение — крамола к мировому началу и мятеж?

В словах так, тот есть железная неподвижность тяжелых вещей, чувствуются окованные углы, которые так притягиваются к земле, что никакой трепет не шевельнет их, а в частице сомнения *ли* есть оторванность и личного начала от мирового, какой-то полет вверх на крыльях ветра.

Походит, что знание суть силы тяготения, и свобода от этих сил называется *ли*, а покорность, прикованность к ним, — предлогом так.

Эта связь познавательных соотношений сил и сил тяготения замечательна. Кажется, что начало, которое есть язык, больше нас знает о тяготении.

В отличие от других движений, вода течет, будучи притягиваема низкими пространствами, повинуясь силе тяжести. Напротив, птица летает крамольно по отношению к этой силе; отрываясь от земли, птица своим полетом будто сомневается в силе тяжести, ее природа—частица *ли* по отношению к великой силе земли. Птица есть воплощение частицы *ли*, сомнение в силу тяготения. Точно так же вода, которая течет, вечно лепечет «так, так», послушная земле и соглашаясь с силой тяготения — и в этом ее текучая природа.

И летунья птица легка, другая текучая — тяжка.

Эти примеры убеждают в существовании *л* собинного движения и *т* [служебного] движения.

Первое образует действительный залог (бил), второе — страдательный (бит).

Это *л*, в смысле устремления кверху, начинает два слова: лес и лысый, лысина.

Означая в части своих значений то бытие то небытие

одной и той же области, эти слова отличают заместители *ять* и *ы*. *Ять* соприсутствует бытию льнения кверху, определяющему природу леса; *ы* — небытию этого льнения.

Понимая ять, как самого краткозвучного носителя смысла бытия, мы легко объясняем эти два слова через толкование *лы* и *ле*, как родительного и дательного падежей (рыбы, рыбе); действие родительного падежа означает уменьшаемость, вычитание дательного слоговым сложением.

Существительное, прибавленное к стремлению кверху, дает лес, существительное, отнятое от стремления кверху,— лысину.

Раньше было упомянуто, что тес — лес, подвергшийся обработке человеком, обратное ему по своему происхождению слово: отсюда же тысяча такая степень множества, которое неподвластно никакому воздействию извне.

Весь и высь; здесь то же *ять* дательного падежа и ы родительного дают обратные отчасти понятия. Вяжу, вязкий в весить, везу, вить, в смысле творить связь между отдельными и независимыми, дает понятие о связи как бы колец; с прибавлением к дательному падежу *ве* дает существование этой связи (вещи и земли) и с, соединяемое с родительным падежом вы, озвуковывает то направление, где этой связи вещей с чем бы то ни было не существует.

Действительно, камень падает к земле точно на привязи и не летит далеко кверху; и *в* есть представление о слабой удаляющейся силе, побеждаемой удерживающими.

Действительно, пых — гордость, надменность, кто как бы пинает, не извиняясь.

Пешка — обозначение ничтожества и всеобщего послушания, кто терпит отовсюду толчки.

Мешкает тот, кого все минует.

Мышь в смысле быстрая.

Течь — это падать сверху вниз. Но налить можно и снизу вверх.

Лес—это та часть видимой природы, которая льнет к небу, в противоречии с силами тяжести двигаясь к верху.

Наконец, тот же *ять* дательного и *ы* родительного сказываются в выдре и ведре.

Выдра дочь воды, вышла, отряхиваясь, из нее.

Ведро вместилище и объем воде.

Выдру хранит и лелеет вода; ведро хранит воду, держит ее, несет.

Чувствуются какие-то силы знания, которые струятся

между словами и вокруг них, как частный случай силы тяготения.

Вода есть вместилище выдры, и ведро — вместилище воды.

Вода, каждая капля которой связана с остальными.

Время — связь прошлого и будущего; верю (вера, вервие) — связываю; беру — бремя (вязанка дров).

То же серый, сырой (серо, сыро) — пои<сутствие> воды. Серый день, когда тучи застят солнце.

Дательный падеж начала с *(а)* означает разрушение силе сияния и горения, приходящей извне.

Родительный падеж начала с *(а)* говорит про утóк этой силы изнутри; действительно, сырые дрова не горят.

Способ изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим.

Возьму еду и иду; в *д* есть отделение и удаление частей (деру).

Ять — дательный падеж, удаление слагается с личным бытием *я*.

И — родительный падеж, удаление вычитается из личного бытия.

Следовательно, в первом случае оно совершается в даровщинку за чужой счет, без ущерба в силах для личного бытия; во втором как бы покупается им из своих средств.

Тот, кто едет, не участвует в труде.

Тот, кто идет, сам работает на свою ходьбу.

§ 1. Ухо словесника улавливает родословную пот и потею и прах и порох, пороша. Отсюда нетрудно вывести хороший от хотеть; хороший — значит желанный.

§ 2. Клянусь усами Весны: ты любопытен.

§ 3. Есть *о*, которое, замыкая согласные звуки, дает предлоги *по, со, ко, до, во* и союзы *бо* и *но* и *то*. Оно удобно, допустив его одинаковое значение, для изучения природы этих согласных звуков, заменяемых иногда в со, *ко* и *во* твердым знаком.

Эти имена речи всегда касаются двух вещей или, точней, описывают пять случаев отношений между двумя вещами и их движением.

Понятие высоты только отчасти содержится в предлоге *по*, и только в нем определена обстановка в отношениях условно выси и низа (ползать по потолку муха может). Другие предлоги равнодушны. Намек на размеры взаимные обеих вещей содержится и в *по* и в *во*. Признак движения обязательно присутствует в предлогах *по*, *ко* и *до*.

Со указывает на обоюдные движения или покой двух вещей, причем расстояние между ними, ставшее житейски наименьшим, не колеблется. Обе вещи вне одна другой; одна может быть меньше или равна другой.

Есть расстояние между деятелями в *до* и *ко*, нет в *во* и в со и в по. *По* указывает на движение (непременно) одного тела мимо другого с громадной относительно поверхностью и находящемся в покое так, что, несмотря на одностороннее движение, оба предмета разных порядков величины находятся вместе. При этом путь движения находится в плоскости этого второго предмета. Итак, направление движения как бы запечатано в плоскости объема второго покойного предмета и тонет в нем так, что всегда оба предмета

лищены расстояния. Движение, прикованное к поверхности. Второй предмет больше первого.

Во указывает на заключение меньшего объема в поверхности другого. Нет указаний на покой или движение.

Со указывает на исчезновение расстояния рубежа и на равно быстрое и равно направленное движение. Равные размеры возможны. Расстояние при обоюдном движении не колеблется в размерах.

В *ко* и *до* один предмет движется, другой стоит, и таким образом расстояние уменьшается. Следовательно эти пять предлогов суть имена движений или отсутствующего или уменьшающего<ся> расстояния между двумя. *Ко* указывает, что неподвижный предмет служит концом движения другого и точкой остановки, выбрав направление. В *до* предмет неподвижный определяет длину движения. В *до* предмет выбран движением, а в *ко* — движение предметом.

§ 4. Ухо и ум.

Глухой и глум.

Глу+х.

Глу+м.

Х+олод.

М+олод.

§ 5. Печь — изгнать воду в виде пара огнем, вычесть воду из тела, сделать пищей для еды.

Пить — прибавить воду в себя, налить ее.

Жечь — разрушать огнем, отымать бытие, жизнь.

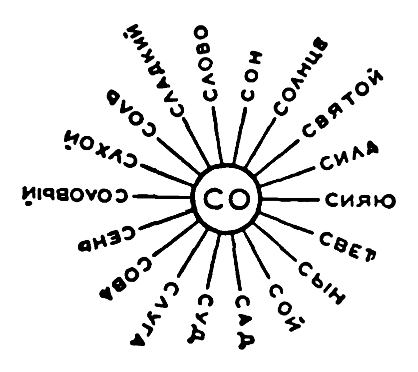
Пар — состояние воды, изгнанной теплом.

Жар — излучение огня.

Жизнь есть частное числа дел и количества времени.

§ 6. Сарынь есть сарычь-хищник. Сарынь на кичку — значит коршун на голову; так разбойники обрушивались на суда.

Каким образом в *со* есть область сна, солнца, силы, солода, слова, сладкого, соя, сада, села, сол, слыть, сын.

Хотя утонченный вкус нашего времени различает оттенки соленый и сладкий, но во времена дорогой соли, подобной драгоценным камням, и соли и соленое казались сладки; *солод* и *соль* также словесно близки, как *голод* и *голь*. Соль по строению звона обратна сору (посторонней примеси), следовательно в ней есть значение нарочитой примеси, посольства. Между послом и солью, любимой зверьми и древними людьми, то общее, что они посланы, увеличивая узы (*со*) между пославшим 1) дальней страной и 2) едой, то есть между двумя неспособными сами по себе притти в связь предметами. Соль вызывает влечение к пище и призвана установить мир и согласие между ртом и вкусом пищи.

Сухой увеличивает связь *со* между частями и частицами. Вода растворяет, и льющаяся грязь делается, высыхая, сушей: в ней частицы вошли в *со*, став неподвижными. Слива или сладкая. Ясно значение сетей, как связывающих движение улова и являющихся *со* узами между охотником и добычей. Общая кровь потомков — сой, то есть люди общего племени связаны общими правдой и нравами и идут *со*. Село — место, где люди находятся в *со* с землей или неподвижная ось людей, а сад — то же для растений. Слово есть своего рода посланник между людьми; слыть — значит быть посланным в слове; славить — создавать для других; слух — приемник слова, а слуга — исполнитель слова.

Если сухой тот, из кого вытекла вода, то судно, посудина, то, что мешает течь воде, непроницаемо для нее.

Если грязь — источник гор на дороге, князь — источник, водопад закона (кона), то связь — условие сов и сычей, то есть малоподвижных, неуклюжих движений сучков; людей неподвижных, молчаливых в обществе называют совами. В то же время, так как сон есть состояние неподвижности — *со* в самом себе, то сова есть и сонное животное. Соловый — готовый уснуть.

Мы хотим девы слова, у которой глаза зажги-снега. Она метет пол веником из синих цветов нивы. Она сыплет жемчуг, и павлинье стадо клюет его. О, голубозарные, синеокие, синегрудые павлины!

Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью.

Было бы совершенно бессмысленно вступить в словесную битву с этими людьми словесной промышленности. Их, как измен<ников> нужно брать рукой, защищенной перчаткой, и тогда русская слове<сная> нива буде<т> выполота от пауков.

Но, скажут, указываемые требования отымают права искусства для искусства.

На это мож<но> д<ать> два <возражения>.

I-е: искус<ство> сейч<ас> терпит жестокую власть вражды к России; страшн<ый> ледян<ой> ветер ненав<исти> губит раст<ение>.

II-е: свобода искусства слова всегда была ограничена истинами, каждая из которых частность жизни. Эти пределы в том, что природа, из кот<орой> искусство слова зиждет чертоги, есть душа народа. И не отвлеченного, а вот этого именно. Искусство всегда хочет быть именем душевного движения, властным призывать его. Но имя у каждого человека одно. Для сына земли искусство не может быть светлым, пороча эту землю. У воинствен<ных> народ<ов> искусство, представл<яющее> дремуч<ие> воспом<инания> вои<нов> в виде отриц<ания> вой<н> будет лжеискусство<м>.

Андрей Белый томится в темнице Пушкина, так прославленного им, но он уже оплакивает ее. На реце Вавилонской сидел<и> и плакал<и>.

В чем же заключа<ется> эта темница?

Темница эта имеет своеобразное строение.

I-я черта: оно двухъярусно; ниж<ний> ярус легкомысленно<е> отриц<ание> <яруса> верхнего уважения к инородцам.

Это было до тех пор, пока русский народ не заявил своей власти над русским словом.

Мы обвиняем в том, что старшие поколения дают младшим чашу бытия отравленной.

Вместо того чтобы старшее поколение, высоко неся над головой блюдо, подносило на нем младшему сноп прекрасных цветов и острый меч (он заслуживает внимания, когда кто-нибудь замышляет похитить цветы), старшее поколение подносит нам сноп булавок, говоря: «Это лучшие цветы, какие судьба уготовила нам», и среди них старательно запрятанную змею, лишь изредка блистающую темным телом. Да в этом смысл жизни Андреева, Арцыбашева, Сологуба и других, чтобы мы, выступающие в жизнь, выпили отравленную чашу бытия, невинными глазами принимая ее за лучший напиток, а молодую змею принимали за безобидную подробность, тесемку, изящно обвившую сноп трав.

Вечно присутствовавший при этом Боборыкин спешно составляет протокол о загадочном происшествии и загадочно шамкает губами и посылает его в «Вестник Европы».

Вот наш суд. Мы вас не караем, не устраиваем торговой казни над обвиняемыми, но мы отделяемся от вас, вожди молодежи, и говорим — мы уже не те, что вы. Мы разглядываем вашу змею.

Одни из вас начинают есть падаль, другие от полноты проклятых вопросов служат горничными.

Для этого предательства одного поколения по отношению к другому вы придумали много названий, как «проклятые вопросы», «мозговая извилина», «передовитость».

Мы, Россия завтра, говорим: будет! Довольно, порочные дети, умы, люди возрастов.

Мы протянули наш меч, чтобы выбить преступную чашу.

Это восстание молодежи.

Мы щит и вождь ее против старцев.

Вы — дети, потому что вы не <жили>, но были дудкой преступных уст.

Вы слушали похвалу из преступных уст.

О БРОДНИКАХ

Бродники известны летописи, как особенные кочевые славяне в южной России. Дальнейшая судьба этого степного племени не известна. Принято выводить его имя от глагола: бродить, вести бродячий образ жизни. Меж тем, приняв другое словопроизводство, можно притти к заключению, что это племя юго-западных степей принимало участие в завоевании Сибири. Допустим, что народ этот получил свое название от особенного рода обуви, которую он носил. Обувь эта, в отличие от сапога, не имеет отдельной подошвы и выше щиколотки туго перевязывается ремешком, чтобы мягкая кожа не спадала с ног. В древнейшее время она была обувью степного населения России, как свидетельствуют пластинки и украшения курганов.

В наше время ее нет в Европейской России, она вытеснена сапогами и лаптями. Но в Сибири до сих пор хорошо известна под именем бродни и предпочитается другой обуви за ту легкость и свободу движений, которую приобретает в ней нога. Пеший человек, обутый в бродни, уйдет в $1^1/_2$ раза дальше, чем обутый в сапоги с их неподвижной подошвой. Внутрь бродней кладется солома, чтобы избегнуть ушибов; то же делали и скифы, как это видно из раздутости их ног. Эта скифская обувь была бы удобнее сапог для пеших войск, в особенности в горной стране (в бродням нога цепко охватывает камни).

Можно думать, что бродники — обрусевшие потомки скифов, сохранившие вместе с многими чертами быта и скифскую обувь. Стесняемые потоками размножающегося населения в своей кочевой свободе, они ушли на восток, участвуя в завоевании Сибири, и распространили среди рус-

ского населения новой страны ту обувь, которая дала им их имя.

Не совершенно невозможно, чтобы вожди завоевания не были бы из среды этого племени: Ермак и Кольцо могли быть потомками носителей кожаных чулков.

Замечательно, что один из покорителей Амура, Хабаров, был, как указывает его имя, потомком храбрейшего племени хозарского царства, племени хабары. Оно когда-то, стесняемое единоплеменниками, подымало восстание.

ПЕСНИ 13 ВЕСЕН

(Болтовня около красоты)

Прекрасно, когда после года молодого месяца славы рок берет свою свирель и прислоняет ее к нежным детским устам и заставляет ее звать о мужестве и к суровым добродетелям воинов.

Здесь можно заглянуть на сущность вольного размера. Вот «Песнь к ветру»: восемь слогов строки—восемь чисел, в одежде звука; в них гулки нечетные слоги:

И под плач твой заунывный
Грустно стало мне самой.

Здесь есть строгость созерцания. Но в следующих шестнадцати слогах:

Ветер, перестань, противный,
Надоел сердитый вой.

над словом «перестань» нет двух ударов, и очаровательная свобода от ударных слогов вызывает смену действующего лица первых шестнадцати слогов действующим лицом вторых шестнадцати слогов.

Действующее лицо первых шестнадцати слогов скорбное, строгое, грустное. Вторые наделены веселой лукавой усмешкой и задором к ветру. Это юное смеющееся лицо. Итак, отвлеченная задача размера погрешностей заключается в том, что в нем размеры суть действующие лица, каждое с разными заданиями выступая на подмостках слова.

Очаровательная погрешность, только она приподымает покрывало с однообразно одетых размером строк, и только тогда мы узнаем, что их не одно, а несколько, толпа, потому что видим разные лица.

Заметим, что волевой рассудочный нажим, в изменении размера у В. Брюсова и Андрея Белого, не дает этих открытий подобно погрешности, и лица кажутся неестественными и искусственно написанными.

Итак, этот размер есть театр размеров.

Так как покрывало размера приподнято ворвавшимся ветром, и смотрит живое лицо.

Строчка есть ходьба или пляска входящего в одни двери и выходящего в другие.

Итак, строгий размер есть немая пляска, но свобода от него (не искусственная, а невольная) есть уже язык, чувство, одаренное словом.

Это общая черта людей песни будущего.

Замолчи, замолкни, ветер,
И меня ты пожалей.

трогательной просьбой кончается строчка.

Пользование выражением в «прекрасных хоромах» относительно римлянки и римской жизни указывает, что в этой душе даже самые высокие числа иноземного быта не выше чисел русского быта, и юный дух с отчаяния бросается на меч, доказывая это.

Итак, мы делаем вывод, что чувства этого сердца опережают его возраст. Они весть «я» в будущем — «я» сегодня.

Вот описание чувств:

Он забыл тут прелесть ночи,
Он видел только черны очи.

Этот тончайший взмах кисти на тонкой глине детской души.

Ей нежно руки сжал,
Слова любви шептал.
Доверчиво она склонила
Головку на плечо ему.
И он руку нежно взял,
Прижал к губам и замолчал.

Особую красоту дает пользование простым словом для построения образов: сердца цветок «поблек,

И смерть уже около ходит».

Как просто и изящно.

Полуклятва:

Французский не буду
Учить никогда!

В немецкую книгу
Не буду смотреть.

Вот слава на щите юной волны. Не могли бы поучиться ей взрослые.

Итак, взрослые не отравленную ли чашу бытия дают детям (России завтра), если могла возникнуть эта горькая решимость:

Скорее, скорее
Хочу умереть!
Французский не буду
Учить никогда!
В немецкую книгу
Не буду смотреть!

Вот строчки прекрасные по мировой тайне, просвечивающей сквозь милые еще сердцу детские образы:

И в темной могилке,
Как в теплой кроватке,
Я буду лежать,
Страшась и боясь.
...Но страх я забуду,
Как только скажу
Слова роковые,
Опять повторю.

Все прекрасно, что прекрасно, говорите вы, закрывая неровный почерк этих строчек.

Здесь слышится холодный полет истины: родина сильнее смерти. Но эта истина становится величественной, когда ее твердят детские уста.

Итак, к детскому сердцу мировая скорбь находит путь через французский и немецкий, через умаление прав русских. Отчего не закрыть это крыльцо?

Мы верим, что если этот ум будет верить себе, то все, что выйдет из-под его пера, будет прекрасно и звонко.

О РАСШИРЕНИИ ПРЕДЕЛОВ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Русской словесности вообще присуще название «богатая, русская». Однако, более пристальное изучение открывает богатство дарований и некоторую узость ее очертаний и пределов. Поэтому могут быть перечислены области, которых она мало или совсем не касалась. Так, она мало затронула Польшу. Кажется, ни разу не шагнула за границу Австрии. Удивительный быт Дубровника (Рагузы), с его пылкими страстями, с его расцветом, Медо-Пуцичами остался незнаком ей. И таким образом, славянская Генуя или Венеция остались в стороне от ее русла.

Рюген, с его грозными божествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне, называвшие луну Леуной, лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого. Самко, первый вождь славян, современник Магомета и, может быть, северный блеск одной и той же зарницы, совсем не известен ей. Более, благодаря песни Лермонтова, посчастливилось Вадиму. Управда, как славянин или русский (почему нет?), на престоле второго Рима также за пределами таинственного круга.

Она не знает персидских и монгольских веяний, хотя монголо-финны предшествовали русским в обладании землей. Индия для нее какая-то заповедная роща.

В промежутках между Рюриком и Владимиром или Иоанном Грозным и Петром Великим русский народ для нее как бы не существовал, и, таким образом, из русской библии сейчас существует только несколько глав («Вадим», «Руслан и Людмила», «Боярин Орша», «Полтава»).

В пределах России она забыла про государство на Волге — старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами, Биармское царство. Удельный строй, кроме Новгорода, Псков и казацкие государства остались в стороне от ее русла. Она не замечает в казаках низшей степени дворянства, созданной духом земли. Из отдельных

мест его воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром, с его самыми древними преданиями о прошлом людей (орочоны). Великий рубеж 14 и 15 века, где собрались вместе Куликовская, Коссовская и Грюнвальдская битвы, совсем не известен ей и ждет своего Пржевальского.

Плохо известно ей и существование евреев. Так же нет творения или дела, которое выразило бы дух материка и душу побежденных туземцев, подобного «Гайявате» Лонгфелло. Такое творение как бы передает дыхание жизни побежденных победителю. Святогор и Илья Муромец.

Стремление к отщепенству некоторых русских народностей объясняется, может быть, этой искусственной узостью русской литературы. Мозг земли не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым.

<ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 1913 ГОДА>

I

Вы, волны грязи и порока и буря мерзости душевной! Вы, Чуковск<ие>, Яблонов<ские>! Знайте, у нас есть звезды, есть и рука кормчего, и нашей ладье не страшны ваша осада и приступ.

Словесный пират Чуковский с топором Уитмана вскочил на испытавшую бурю ладью, чтоб завладеть местом кормчего и сокрозищами бега.

Но разве не видите уже его трупа, плавающего в волнах?

II

Пристав Чуковский вчера предложил нам отдохнуть, соснуть в участке Уитмана и какой-то кратии. Но гордые кони Пржевальского, презрительно фыркнув, отказались. Узда скифа, кою вы можете видеть на Чертомлыцкой вазе, осталась висеть в воздухе.

РЯВ О ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Ряв! Железнодорожный закон Италии заключается в совпадении с морским берегом полотна, и вот стройная нога этого полуострова теперича обута в цельный железнодорожный сапог. Вторая черта: внутри полуострова железные пути очень скудны. Железнодорожное полотно никогда не уходит от бьющихся волн моря, и очертания Италии обведены чугункой. Вдольморские пути привели рекомую Италию к торговому расцвету.

В России приморские пути проводятся только в не совсем русских областях (Кавказ, Финляндия), ввиду несомненных выгод этого способа постройки.

Боящийся лица Волги, Волжский путь не доведен к Каспию. Устья Дуная и Дона, будучи сшиты друг с другом вдоль морского берега, дадут расцвет югу.

На севере России должны быть торопливо связаны Печера и Обь и Лена и Енисей. Тогда только будет разумна паутина железнодорожных пауков Москвы и других городов.

Ряв!

Северо-американский железнодорожный «крюк» заключается в том, что чугунный путь переплетается с руслами Великих рек этой страны и вьется рядом с ними, причем близость обоих путей так велика, что величавый чугунный дед всегда может подать руку водяному, и поезд и пароход на больших протяжениях не теряют друг друга из вида.

На востоке от Вислы русла Волги и Днепра (их средние течения) могли бы, как верхушки двух деревьев, быть связаны одним железнодорожным кругом. Теперь же, чтоб попасть в Саратов или Казань, нижегородец должен проехать в Москву. Прямой путь от устья Волги до устья Оби полезен для жизни по ту и другую сторону Урала (Камня). Впрочем, на смену пресмыкающимся путям приходят летающие и реющие пути. Есть опасность, что железными дорогами, как непонятными буквами непонятного языка, не было бы начертано на знакомых и понятых страницах слово «глупость» (дурь). Слова другого значения: расчет, разум.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРИК ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

	Слова-потомки
Тра — должно, я должен. Грустный долг.	Траль, труль.
Нра — прекрасно; мне нравится. Все прелестное.	Нороль.
Вра — ложно; не верю; грезы, призраки.	Вороль, враль.
Дра — буйно, опасно; дерусь.	Дороль.
Зра — ясно; я вижу; свет.	Зороль.
Пра — согласно с прошлым; верно; истинно.	Пруль.
Мра — смертоносно; я умираю; небытие.	Мороль.
Кра — подвижно; я двигаюсь; шаг.	Король, краль, круль.
Хра — скрытно; я не видел.	Хруль.
Бра — крепко; я держу, защищаю, обладаю.	Бороль.

Нра-люди, вра-люди (писатели); тразум-ум долга.

Бо — причина.

То — следствие.

Во — поверхность внутри очертания и разрыв очертания.

До — длина черты, перерезанной точкой.

Со — равенство расстояний двух движущихся точек.

По — движение выше поверхности.

Ко — уменьшение расстояния и объема при сохранении веса; направление движения.

Мо — распадение одного объема на мелкие многочисленности.

Но — встреча сил.

Зо — область вне данного очертания.

Хо — нахождение объема в другом.

З И ЕГО ОКОЛИЦА

(Из книги «О простых именах языка»)

Допустим, что З значит равенство угла падающего луча углу отраженного луча АОВ — СОД.

Тогда с З должны быть начаты: 1) все виды зеркал; 2) все виды отраженного луча.

Виды зеркал: зеркало, зрение.

Имена глаза, как построения из зеркал: зень, зрачок, зрак, зины, зирки; зрить, зетить, зор, зеница, зорливец; зенки — глаза; зорок.

Имена мировых зеркал: земля, звезды; зиры (звезды), зень (земля). Древнее восклицание «зирин» может быть значило «к звездам». И земля, и звезды светятся отраженным светом.

Слово зень, которое значит и землю, и глаз, и слово зиры, значащее и звезды, и глаза, показывает, что земля, также звезды, понимались, как мировые зеркала.

То время года, когда земля наиболее отражает солнечный свет, наиболее исполняет обязанности зеркала, носит название зимы (зимний холод). Земля, как мировое зеркало, в которое смотрится солнце. Другие слова: зырить — смотреть, зехольник — зрачок; зехло, зехольница — окно, глаз здания; зариться, зетить — смотреть.

Подчеркивается, что зень общее слово и для земли, и для глаза, а зиры общее слово для звезд и глаз. Зины — глаза (красивое слово). Отраженные лучи: заря, зори, зарево, зарница, золок (заря — отражение солнца, пожара или молнии), заревницы.

Отражение бури — мертвая зыбь; зыбун — болото, где каждый шаг вызывает отраженные волны, зеркало шагов.

Зой — эхо — отражение звука. Другое имя заря — золок.

Зной — теплота, излучаемая камнями, стеной отраженная.

Самое блестящее вещество — золото (зеркальный зем).

Голос кукушки состоит из двух слогов; второй из них глухое отражение первого; отсюда имена кукушки: зегзица, зозуля.

Звон, зык, зук, звук—отраженные слуховые ряды; сравни зычный голос, способный отражаться горами, стенами.

Озноб, зябнуть — зеркало холода.

Зыбка долго отраженно качается; зуд — отраженные ощущения.

Змея движется, отражая волны своего тела.

Золото — зеркальная глина, земля.

Зимой земля отражает лучи, и потому эти 1/4 года зовутся зимой. Летом поглощает. Но куда деваются летние лучи? Они тоже сложно отражаются, и эти виды летнего отражения, отражения лучей мировым зеркалом — землей, тоже начаты с З.

Вот его виды: 1) прямое отражение — зной; 2) косвенное отражение — зелень, зерно, зелье, зетка (рожь), злак. Однолетние собиратели и зеркала солнечных лучей, зеленые летом и умирающие зимой. Прозябать — расти.

Известно, что зеленое вещество растений есть сложный прибор, собирающий рассеянный дневной свет в пучки маленьких солнц (углеводы и прочее).

Отсюда и зелье-порох и зелень-растение должны быть поняты, как солнце, вновь построенное из рассеянного света, а зелень и зерна, как склады солнечных лучей; само солнце — великий оптовый склад; его отделения — зеленые листья.

Значение зеленого красящего вещества выяснено работами Тимирязева.

Удивительно, что язык знал об открытии Тимирязева до Тимирязева.

Зем — это вечное зеркало, на котором живут люди.

Если зень — глаз, то зем есть величественный зень ночного неба.

Сравни тень и темь. Другие зеркальные точки черного неба ночи — зиры и звезды.

Сущность отражения заключается в том, что зеркалом строится сноп лучей, вполне подобный первому. Получается пара двух очагов некоторого единства, разделенная пустотой. Отсюда родство зияния и зеркала: зияют свеча и ее отражения в зеркале. Зияет земля, разделенная трещиной землетрясения.

Мы, председатели Земного Шара, приятели Рока, друзья Песни и пр., и пр., 1-го июня 1918 года признали за благо воплотить ныне мысль, которою до сего времени болели сердца многих: основать Скит работников Песни, Кисти и Резца. Схороненный под широкими лапами сосен, на берегу пустынных озер, он соберет в своих бревенчатых стенах босых пророков, ветром и пылью разносимых сейчас по сырому лицу Московии. Седой насильник Скиф удаляется в Скит, чтобы там в одиночестве прочесть волю древних звезд.

Это будет монастырь — или заштатный, или выстроенный нами — смотря по тому, найдет ли сочувствие Пьерро, надевающий теперь на измученную голову покаянную скуфью и кожаный ремень на усталые чресла. Руководимые в своих делах седым Начальником Молитвы, мы, может быть, из песни вьюги и звона ручьев построим древнее отношение Скифской страны к Скифскому богу.

Мы зовем всех верноподданных нашей мысли явиться с помощью к празднику ее осуществления.

Письма с предложениями обращать: Нижний Новгород, Тихоновская, 22, летчику Федору Богородскому.

Дано на распутьи всех дорог в 10 ч. 33 м. 27 с. по часам Предтеченского.

Присутство:

Велимир Хлебников
Федор Богородский
Предтеченский
Арсений Митрофанов
Борис Гусман
Ульянов
Сергей Спасский

и 10/16, 1918

СОЮЗ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Открытый в городе глубокого духовного застоя, городе Астрахани, Союз изобретателей медленно старается завоевать свое «право быть» и построить точку опоры в изобретении новых видов пищи, как мука из рыбы, тыквенный чай. Есть мнение, что возможна выработка «озерных щей», так как вода высыхающих ильменей насыщена мельчайшими живыми существами и, будучи прокипячена, очень питательна; вкус напоминает мясной отвар. В будущем, когда будет исследована съедобность отдельных видов этих невидимых обитателей воды, каждое озеро с искусственно разведенными в нем невидимыми обитателями будет походить на большую чашку озерных щей, доступную для всех.

Конечно, краевая научная мысль не оставит без должного внимания еще одной продовольственной возможности.

Жало мирового разума, управляемое ростом населения, будет настойчиво жалить все живые места косности и застоя.

ОТКРЫТИЕ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Отчет

Вчера в народной аудитории в присутствии будущих слушателей и всех сочувствующих делу народного образования состоялось открытие Высшей вечерней народной школы.

Товарищ Бакрадзе познакомил присутствующих с задачей нового очага знания — дать возможность рабочим посвятить просвещению свой вечерний отдых.

Выступившие с речами пр. пр. Усов и Скрынников познакомили со взглядами современной науки на происхождение жизни на земле и влияние земного шара на живые существа.

Было прочтено несколько приветствий, в том числе от учащихся средней школы.

Мысли по поводу

В вступительном слове тов. Бакрадзе отметил, что, создавая высший вечерний храм знания, рабочая власть открывает доступ к Солнцу Науки для тех, чьи сутки делятся на три равные части: труда, отдыха и сна и, будучи занят днем, должен посвятить жажде знания свой вечерний отдых.

Рабочих, до сих пор изгнанных, имела в виду пришедшая на смену царскому праву рабочая власть. Пусть все, кто видел храм науки в узкую щель, войдут в его широко распахнутые двери! Какие бы скачки ни делал путь мировой свободы, ничто не может грозить таким памятникам рабочего права, как только что открытый вечерний храм науки. Здесь путь, взятый рабочей властью, безошибочен.

Проф. Усов произнес слово о происхождении жизни на земле. Он указал, что мельчайшая жизненная пыль могла быть занесена на землю теми небесными камнями, какие с таким треском и шумом пролетают над землей. Это своего рода небесная почта, и каждый такой камень падает, как письмо с соседней звезды. Не дело ли Человека Будущего

это несовершенное детище природы взять в свои руки и молотом рабочего построить правильные сношения с соседними светилами, вероятно, тоже населенными, пусть и не людьми?

Думалось, может быть, правы те, кто хотят увенчать великую войну завоеванием месяца. Пока же «вести оттуда» долетают до нас, как небесные камни.

Проф. Скрынников посвятил свою речь первым шагам жизни на земле. «Вести из будущего» осаждали сознание.

Невольно мысль переносилась в будущее, когда рука рабочего построит подводные дворцы для изучения глубин моря, на горе Богдо гордо подымется замок-для исследования неба Лебедии — осада человеческим разумом тайн звездного мира, бесчисленные колодцы, вырытые в пустыне, покроют сыпучие пески садами и зеленью, напоминая чудеса, достигнутые французами в Сахаре, и стройный тополь привяжет к месту сыпучие пески устья Волги, так напоминающие Бельгию, станет одним цветущим городом, одной, покрытой садами, общиной-Задругой, на пути к единой общине земного шара.

Думалось, что у устья Волги встречаются великие волны России, Китая и Индии и что здесь будет построен Храм изучения человеческих пород и законов наследственности, чтобы создать скрещиванием племен новую породу людей будущих насельников Азии, а проследование индусской литературы будет напоминать, что Астрахань — окно в Индию. Думалось о том времени, когда единая для всего земного шара школа-газета будет разносить по радио одни и те же чтения, выслушиваемые через граммофон и составленные собранием лучших умов человечества, верховным советом Воинов Разума.

Был прочтен привет от будущего, от учащихся средней школы.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

<АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА>

Родился 28 октября 1885 в стане монгольских исповедующих Будду кочевников — имя «Ханская ставка», в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря (море 40 имен). При поездке Петра Великого по Волге мой предок угощал его кубком с червонцами разбойничьего происхождения. В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклуха-Маклай и другие искатели земель были потомк<ами> птенцов Сечи.

Принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия моря (Сигай). Оно не раз на протяжении веков держало в руке весы дел русских и колебало чаши.

Вступил в брачные узы со Смертью и таким образом женат. Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, Горыни.

Перейдя перешеек, соединяющий водоемы Волги и Лены, заставил несколько пригоршней воды проплыть вместо Каспийского моря в Ледовитое.

Переплыл залив Судака (3 версты) и Волгу у Епатьевска. Ездил на необузданных конях чужих конюшен.

Выступил с требованием очистить русский язык от сора иностранных слов, сделавши все, что можно ждать от 10 стр<ок>.

Напечатал «О рассмейтесь смехачи», в 365 ± 48 дал людям способы предвидеть будущее, нашел закон поколений, «Девий бог», где населил светлыми тенями прошлое России, «Сельскую дружбу», через законы быта люда прорубил окно в звезды.

Некогда выступил с воззванием к сербам и черногорцам по поводу Босно-Герцоговинского грабежа, отчасти оправдавшимся через несколько лет, в Балканскую войну, и в защиту угроуссов, отнесенных немцами в разряд растительного царства.

Материк, просыпаясь, вручает жезл людям морских окраин.

В 1913 году был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время.

Не был на военной службе.

ПИСЬМА

1. Вячеславу Иванову

<Казань, 31 марта 1908 года>

Читая эти стихи, я помнил о «всеславянском языке», побеги которого должны прорасти толщи современного, русского. Вот почему именно ваше мнение о этих стихах мне дорого и важно и именно к вам я решаюсь обратиться. Если вы найдете возможным, выскажите свое мнение о присланных строках, послав свое письмо по адресу: Казань, 2 гора, д. Ульянова, ст<уденту> В. В. Хлебникову.

Буду премного благодарен вам.

В. Хлебников
31. III. 1908. Казань

2. Василию Каменскому

<Святошино, 10 января 1909 года>
Святошн<но> 10. I. 909

Василий Васильевич!

Присылаю вам 3 вещи («Скифское», «Крымское», «Курган Святогора»). Поместите их? Это меня ободрит. Я мечтаю о большом романе, которого прообраз «Купальщики» Савинова, — свобода от времени, от пространства, сосуществование волимого и волящего. Жизнь нашего времени, связанная в одно с порой Владимира Красное Солнышко (Дочь Владимира, женатая на реке Дунае), какой она мнится слагателям былин, их слушателям. Отдельные главы написаны будут (будут?) живой, другие мерной, одни драматические произведения (др<аматические> диф<еренциально> ан<алитические>), другие пов<ествовательные>

И все объединено единством времени и сваяно в один кусок протекания в одном и том же времени. Кроме того, отставные военные, усмирители, максим<алисты> и проч. в духе «Навьих чар». Но мне нужно благословление редактора, даете его? Но это тайно.

Что говорит Ремизов о моей «Снежимочке»? Если будете, Василий Васильевич, то не поленитесь, спросите.

Какой первый № газеты? Если не трудно, пришлите? Очень жалею, что не умел написать чего-нибудь из древнерусского быта. Но я столько провел в пути, что весь русский дух вытряс. Меня забросило в Святошин<но>, Киевского уезда, Киевской губернии. Северная ул., д. №53.

Викт. Влад. Хлебникову.

Сколько городов вы разрушили — красный ворон? В вас кипит кровь новгородских ушкуйников, ваших предков, и все издание мне кажется делом молодежи, спускающей свои челны вниз по Волге узнать новую свободу и новые берега.

Если примите, напишите тотчас, если нет, пришлите обратно — эти листки мне дороги.

Но все же редакторы — большое зло.

«Словеннега».

P. S. В этом письме 6 листов.

3. Вячеславу Иванову

<Петербург, 10 июня 1909 года>

Знаете: я пишу вам только, чтобы передать, что мне отчего-то грустно, что я непонятно, через 4 ч<аса> уезжая грущу и что мне как чего-то вещественного жаль, что мне не удалось, протянув руку, сказать «до свидания» или «прощайте» В<ере> К<онстантиновне> и др. членам в<ашего> кружка, знакомством с которым я так дорожу и умею ценить.

Я увлекаюсь какой-то силой по руслу, которого я не вижу и не хочу видеть, но мои взгляды — вам и вашему уюту.

Я знаю, что я умру лет через 100, но если верно, что мы умираем, начиная с рождения, то я никогда так с и л ь н о не умирал, как эти дни. Точно вихрь отмывает корни меня от рождающей и нужной почвы. Вот почему ощущение

смерти не как конечного действия, а как явления, сопутствующего жизни в течение **всей** жизни, всегда было слабее и менее ощутимо, чем теперь.

Что я делал эти несколько дней? Я был в Зоолог<ическом> саду, и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом. После короткого размышления я пришел к формуле, что виды — дети вер и что веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни.

Я в спокойном лице верблюда читал развернутую буддийскую книгу. На лице тигра какие-то резы гласили закон Магомета. Отсюда недалеко до утверждения: виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик). Волнующие нас веры суть лишь более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды. Вот моя несколько величественная точка зрения. Я думаю, к ней может присоединиться только тот, кто совершал восхождения на гору и ее вершину.

Приведу вам дурно мной сложенные строки о том же.

О, сад! Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную свалку.

Где орлы сидят подобные вечности, оглавленной все еще лишенным вечера днем.

Где лебедь подобен весь зиме, а клюв — осенней роще.

Где лишь испуг и испуг олень, цветущий широким камнем.

Где военный с выхоленным лицом бросает тигру земли только потому, что тот величествен.

Где красивый синейшина роняет хвост, подобный Сибири, видимой с камня во время изморозков, когда золото пала и лиственей вделано в зеленый и синий местами бор, а на все это кинута тень бегущих туч; сам же камень подобен во всем туловищу птицы.

Где смешные рыбокрылы чистят друг друга с трогательностью старосветских помещиков.

Где в павиане странно соединены человек и собака.

Где верблюд знает сущность буддизма и затаил ужимку Китая.

Где в лице, окруженном белоснежной бородой, и с гла-

зами почтенного мусульманина, мы чтим первого махаметанина и впиваем красоту Ислама.

Где низкая птица влачит за собой златовейный закат, которому она умеет молиться.

Где львы встают и устало смотрят на небо.

Где мы начинаем стыдиться себя и начинаем думать, что мы более ветхи, чем раньше казалось.

Где слоны шатаются, как горы во время земного труса, и высовывают за милостыней хобот, протягивая его к мальчику, и твердят древний напев «есть хоцца! — поесть бы!» И хрипят, как сосны осенью, поворачивая умные глаза и шевеля уши.

Где белый медведь охотится подобный морскому орлу за несуществующей добычей.

Где живо напоминает мучения грешника тюлень, мечущийся по воде с неустанным воем.

Где звери научились спать перед бесстыдными взорами.

Где нетопырь спит, опрокинув тело, как сердце русский.

Где соболь показывает уши нежные, как две весенних ночи.

Где я ищу размер, где звери и люди были бы стопы.

Где звери блестят за решеткой, как за языком — мысль.

О, сад! Сад!

Сегодня я видел Ал. М. Ремизова. Его, кажется, заставляют грустить нападки печати.

Прощайте! в смысле до нового увидания!

Дайте мне возможность на бумаге проститься с теми, кого я не увидел, прощаясь. Передайте мой порыв и богомольность.

Велимир Хлебн<иков>

9 ч. в 10. VI. Царскосель<ский> вокзал

4. Василию Каменскому

<Святошино, 8 августа 1909 года>

1. Пишу вам в надежде в близком будущем пожать руку.
2. Лето я провел в плену «бесерменском полоне». То, что хотел сделать, не сделал.

3. Написал «Внучка Малуши», которой однако вряд ли могу похвастаться.

4. Мое настроение в начале лета можно было бы назвать настроением «велей злобы» на тот мир и тот век, в который я заброшен по милости благого провидения, теперь же я утихомирился и смотрю на божий свет «тихими очами». Задумал сложное произведение «Поперек времен», где права логики времени и пространства нарушались бы столько раз, сколько пьяница в час прикладывается к рюмке. Каждая глава должна не походить на другую. При этом с щедростью нищего хочу бросить на палитру все свои краски и открытья, а они каждое властны только над одной главой: диференциальное драмат<ическое> творчество, др<аматическое> тв<орчество> с введением метода вещи в себе, право пользования вновь созданными словами, писание словами одного корня, пользования эпитетами, мировыми явлениями, живописания звуком. Будучи напечатанной, эта вещь казалась бы столько же неудачной, сколько замечательной. Заключительная глава — мой проспект на будущее человечества.

Должен вам, товарищ Василий, пожарищ веселий? написать об одном тяготеющем надо мной преступлении, в котором нарушены все законы дружбы, сочувствия и долга сердца. Может быть, однако, я окажусь не таким чудовищным, как это казалось бы. Глубокоуважаемый Ати Нежить Мохоеличь просил меня прислать вырезки из киевских газет с его вещах, которые ему были нужны. Конечно, я тотчас же отправился в редакцию искать номера. Несмотря на негостеприимное отношение газеты, я был в 1-ый и 2-ой раз и 3-ий в другой редакции, но, перелистав все №№ газеты, не нашел статьи. Это еще с полгоря. Но вот в «Киевской мысли» появляется перепечатка из «Биржевых ведомостей» под заглавием «Плагиат писателя», где в тоне, за который бьют по морде, говорилось о якобы плагиате рассказа «Мышенок» в сборнике «Италия». Зная, что обвинять создателя «Посолонь» в воровстве — значит совершать что-то неразумное, неубедительное на злостной подкладке, я отнесся к этому с отвращением и презрением. Но я был изумлен, что окружавшие меня, считавшие себя передовыми и умными людьми, слепо поверили гнусной заметке. Правда, появилась позднее заметка, но все же удар по лицу российского писателя есть. На писателя падает, как гром, обвинение грязного листка в плагиате, и писатели шарахают-

ся, как бараны, от звука бича, а писатель смиренно чуть ли не в коленопреклоненной позе молит не бить по другой. Это же бесчестье! Это ли не бесчестье! Я не могу позволять тем, кому я дарю дружбу, безнаказанно давать себя оскорблять.

Честь должна быть смыта. Если Алексей Михайлович не хочет гордо искать удовлетворения, то он должен позволить искать удовлетворения его друзьям. Мы должны выступить защитниками чести русского писателя, этого храма, взятого на откуп — как гайдамаки, — с оружием в руках и кровию. К чорту третейские суды, здесь нужны хмель и иное пламя. Пусть Алексей Михайлович потребует удовлетворения от издателя газеты г. Проппера. Так как, вероятно, сам он не захочет, да его и не пустят друзья, то он должен дать право своим друзьям искать удовлетворения. Так должен вести себя писатель с гордо поднятой головою — жрец истины. Мы должны сплотиться вокруг Алек<сея> Мих<айловича>, как его друзья. Пусть Ал<ексей>Мих<айлович> помнит, что каждый из друзей гордо встанет у барьера защищать его честь и честь вообще русского писателя, как гайдамак вставал за право родины. Но этот же знакомый может не подать руки, видя его отказывающимся от благородной услуги друга, сносящим пощечины.

Итак, еще раз: я был бы гордым встать у барьера за честь Ал<ексея> М<ихайловича> и за честь вообще писателя. Об этом о всем, о чем я не мог написать Ал<ексею> Мих<айловичу>, я пишу вам, думая, что вы передадите ему многое из написанного.

5. М. В. Матюшину

<Алферово, апрель 1911 года>

Симбирск. г. ст. Теплый стан с. Алферово

Михаил Алексеевич (sic!)

Буде вы не изменили намерению союзно с Ел<еной> Г<енриховной> и другими злоумышленниками предать позорищу присылаемых уродцев, буде я не нарушил всех законов ленью, праздностью и т. д., приступайте к печатанию! Я был повержен в настроение, когда до всего делаешься равнодушен и смотришь с другой стороны, но теперь оттаиваю вместе с весенним солнцем. Если у вас

нет препятствий и сердечного отвращения приступить к печатанию немедля, то пришлите телеграмму с таинственным словом — да!, которое всполошит всех урядников и всю сельскую власть.

Здесь все письма исследуются на красную кислоту и залеживаются. Это не влечет к переписке.

Все время я работаю над числами и судьбами народов, как зависимыми переменными чисел, и сделал некоторые шаги.

Вероятно, вы удивлялись, что я не пишу, а после и удивляться перестали. Но, как видите, я вооружен оправдывающими обстоятельствами.

Я шлю 4 вещи — «Велик-день», «Аспарух», «Смерть Паливоды», «Девий бог».

Я нарочно не послал ни одного стихотворения и «Сн<ежимочки»?>, чтобы придать сборнику цельность. Из заглавий мне мерещится «Дідова хата», «Черное дерево», «Черный холм», в особенности последнее; если вы против ничего не имеете — да красуется оно на обложке!

Шлю несколько рисунков, чтобы Ел<ена> Генр<иховна> со свойственным ей вкусом и знанием дела выбрала 2 или 3; мне бы хотелось видеть избушку-птицу на 2-й странице, а также одно из женственных созданий — рисунки Веры Хлебниковой, но нужно ли подписывать, не знаю. Известите меня скорее, издаете вы или нет книжку.

Глубокий привет Елене Генриховне и всему кружку преданных искусству людей. Как поживает Каменский?

И юный художник, на которого вы устремили ваши заботы.

Кстати, мое пребывание в этом городе, самом скверном из городов, нанесло вам вещественный ущерб. Не торопясь с осуществлением заявления, спешу заверить, что он будет возмещен самым тщательным и точным образом.

Итак, печатайте!

Поклон вам!

В. Хлебников

В Петербург рукописи попадут с попутчиком.

Обложка без рисунка, самая простая, с венком.

Симб. губ. Ардатовский уезд, почт. ст. Теплый Стан, село Алферово.

6. Елене Гуро

<Алферово, апрель 1911 года>

С. Алферово п<очтовая> с<танция> Теплый стан Ардатовский уезд Сим<бирской> губ.

Глубокоуважаемая Елена Генриховна!

Письмо ваше я получил. Спешу уведомить вас, что с моей стороны препон к напечатанию этим летом сборника не имеется. Наоборот, я даже был бы очарован его появлением в свет. Жалко, что вы не сообщили ни вашего мнения о тех вещах, которые, как кажется, прочли в первый раз, ни о том, чрезмерно тощ или чрезмерно толст сборник. И в том и в другом случае можно было бы, пользуясь временем, кое-что изменить, сообразно с впечатлениями и указаниями. У меня в запасе вещей на два или три сборника — страшно? вероятно. Сам я чувствую себя не очень хорошо — вроде остывающего костра, когда кто-нибудь палкой бередит угли. Кстати, я прислал рисунки; мне кажется, что я сделал это под влиянием мгновенного настроения и что лучше было бы совсем не помещать их. Пусть сборник будет прозрачен, как капли воды, как сказал бы восточный человек. Осенью, может быть, буду в ваших краях.

Что же касается до моего таинственного знакомца, числа 365, то я сделал часть работы и должен был отложить, за неимением под руками некоторых книг.

В какой-то газете мелькнуло известие, что упал во время полета Васильев-Каменский. Неужели это бедный Вася К<аменский>? Вот так «Звени день!» Хотелось бы знать его адрес.

Если вам вздумается, паче чаяния, не ответить, то я [снисходителен и прощу], но если вы напишите мне письмо и знаете его адрес, то сообщите его мне.

Вы были, вероятно, на выставке, где царят Бурлюки? Там в виде старого лимона с зелеными пятнами, кажется, изображен и я. В их живописи часто художественное начало отдано в жертву головной выдумке и отчасти растерзано, как лань рысью.

Пишет ли что-нибудь г. Мясоедов? На его Блейянской земле положительно есть звездный налет, и он мог бы

создать большое и прекрасное. Очень хорошо, что его писания — страна, которая не знает над собой никаких влияний. Мне живо хотелось бы узнать его мнение о моих вещах, напр<имер>, о «Аспарухе». Все так же ли делает набеги буйная немка с волосами черного барана?

Кончил ли Михаил Васильевич «Дон-Кихота»? «Какая сумасшедшая мысль быть певцом сумасшедшего гидальго в век Санчо-Панчо»! Жму его руку, кланяюсь Тамаре Иогансон и вообще приветствую вас!

Покровитель вашего кружка несомненно Дон-Кихот, а не достоуважаемый оруженосец, и в этом его оправдание. Не слыхать ли чего-нибудь о «Садке Судей»? На него, кажется, положили плиту молчания, но, мне думается, в «Аполлоне» должны были бы пройтись с непонимающей улыбкой, что ли.

Сейчас ветрено, холодно. Я завел себе черного хомяка: зверка величиной с кошку, добродушного и недикого. По вечерам он бегает по столу и что-то читает в бумагах и, кажется, что-то смыслит в них.

В. Хлебников.

В том же случае, если на звездном небе судеб сборника покажутся зловещие светила, то некое малое посланьице да прилетит ко мне! Или я буду думать о нем, что он находится в состоянии зародыша, а он и не возникнет!

7. К родным

<Волга, сентябрь 1911>

Пишу на пароходе во время движения. Погода холодная.

Горский служит на теплоходе.

Я читаю Келлера «Семь легенд» (чудесная книжка). Думаю, что Вера не будет беречь здоровья с упрямством ослика, которого подталкивают сзади итти. Впрочем, здоровье такая скучная вещь, которую везде можно достать.

Скоро Самара. Там я опущу письмо.

Пока всего доброго, холи и неги осенней.

Прощаюсь с Шурой (с ним я по рассеянности не про-

щался). Пусть он напечатается — рыбье брюшко и павдинские хвостики.

Его адрес советую переслать мне при первом письме в Астрахань.

Вчера покушал осетринки, в чем и вас прошу в уме участвовать.

Остаюсь и так далее.

Симбирск

Скоро Жигулевские ворота.

На пароходе больше ничего не остается делать, кроме посланий, облитых горечью и злостью к родичам и уродичам.

Синий мешок я взял из ящика у Пчеловода!!!?

Казань все та же, а люди хуже: у молодежи преподлые лица людей под сорок.

8. В. А. Хлебникову

<Петербург, 26 октября 1911 года>

Мой адрес: Васильевский остров, 12 линия, дом 63, кв. 153. В университете недоимка в 50 р.

Я, может быть, перейду в Археологический.

Обдумаю.

9. Андрею Белому

<Лето 1912 года>

«Серебряный голубь» покоряет меня, и я посылаю вам дар своей земли.

Из стана осады в стан осаждаемых летают не только отравленные стрелы, но и вести дружбы и уважения.

Хлебников.

10. Елене Гуро

<Москва, 12 января 1913 года>

Глубокоуважаемая Елена Генриховна!

Позднее я пришлю более чистую книжку. Это у меня осталось каким-то чудом на дне корзинки. Что она из много вытерпевших на своем веку, свидетель — обложка с

темной полоской и полинявшим переплетом других книг. В «Осеннем сне» слышится что-то очень знакомое, многочисленные верблюжата, долговязые чудаки, дон-Кишот, Тамара, ассирийские мудрецы, все это напоминает Лицейский переулок и желтое окошко. В «Кузнечиках» звучит легкая насмешка над другой мелькающей жизнью, но тут же дается ключ к пониманию ее и прощение ошибок и упрямства. В скрипичной вещи М<ихаила> В<асильевича> вводится «живее» вместо? (fortissime?). Заслуга и угол начала. Рассеяны намеки на прошлое, и его волны льются со страниц книги, а в словаре оборотов и слов есть «они думают верное рыцарское слово», и это очень важно по соображениям некоторым. Рисунок юноши-призрака, тонкого, как хлыст, украшает книгу. Я принадлежу к числу понимающих ее и кто не гонит? Она дорога тем людям, кто увидит в ней водополье жизни, залившей словесность, и прочтет знаки дорогого. Еще замечательно сравнение немца с жирным вепрем.

Кланяюсь Михаилу Васильевичу.

Спасибо, что он понял меня.

Воин будущего
В. Хлебников
Москва 12. I. 13

У нас в воздухе висят отчаянные драки. За и против. Может быть, сегодня.

Я устал ждать «Садка Судей».

«Ш<аман> и В<енера> вышла грубой и плоской. В рукописи ее спасал красивый почерк. 2 или 3 строчки не на месте.

11. М. В. Матюшину

<Астрахань, 18 июня 1913 года>

Горе ваше и ваша утрата находит во мне отклик; образ Елены Генриховны многими нитями связан со мной. Я, как сейчас, помню ее мужественную речь во время последнего посещения; по мнению Ел<ены> Генриховны, слишком упорная мысль одного человека может причинить смерть другому. Она казалась беззаботной, и ей, казалось, все было близко, кроме ее недуга. Мое первое впечатление было, как сильно Ел<ена> Г<енриховна> изменилась за это время. Но всегда казалось, что она находится под властью сил, не управляющих большинст-

вом людей и чуждых большинству. Но тяжелое чувство ослабляется вмешательством рассудк<а>; он как бы говорит «не спеши оплакивать: никто, кто не умер, не знает, что такое смерть. Радость это или печаль или третье».

Эта вера не чужда Елене Генриховне, как можно видеть из знаков о неслучайности встреч, найденных на березовой коре. Последние вещи сильны возвышенным нравственным учением, силой и искренностью высказываемых убеждений. Здесь плащ милосердия падает на весь животный мир, и люди заслуживают жалости, как небесные верблюжата, как гибнущие молодые звери «с золотистым пушком». У русских больше хромает хороший или должный рассудок, чем должное сердце. Эти страницы с суровым сильным слогом, с их Гафизовским признанием жизни особенно хороши дыханием возвышенной мысли и печатью духа. Они означают так же ссыхание моря лжи и порочности, господствующего сейчас в словесности Боянов, о. Петровых каким-то потопом. Вообще есть слова, которые боязно произносить, когда они имеют предметное содержание. Я думаю, что такое слово смерть, когда она застает тебя врасплох. Чувствуешь себя должником, к соседу которого пришел заимодавец. Собственно смерть есть один из видов чумы, и, след<овательно>, всякая жизнь всегда и везде есть пир во время чумы.

Поэтому, помня Мери, следует ли поднять в честь ее чаши веселья?

Или же встать в отношении к смерти в положение восстающего, телесно признающего цепи, но духовно уже свободного от них. И жречески взойти на ступень восстания против похитительницы; я отвлеченно знаю, что умру, но не чувствую этого. Если тяготение многим управля<е>т, то воздухоплавание и относительное бессмертие связаны друг с другом.

Но в эти дни я как-то почувствовал, что, как опускающийся камень, опираюсь не на свое рождение, а на свою смерть. Будь что будет. У Ел<ены> Генр<иховны> белое, как мел, лицо, чуть сумасшедшие черные, как березовый уголь, глаза, торопливо зачесанные золотистые волосы. Теперь она ждет встреч там, где будем и мы когда-нибудь. Скучно, что одни люди умирают, след<овательно>, и ты умрешь, а книги пишут, печатают.

Я же духовно умираю. Какая-то перемена, разочарование; упадок веры, сухость, черствость. Я знаю только, что свою смерть встречу спокойно.

Прощайте, М<ихаил> В<асильевич>.

Я вас увижу зимой. Если вправе я давать поручения: будьте нежны, веселы, добры, и все будет хорошо.

Я не боюсь ранней старости чувства.

Мертвые ли должны оплакивать живых или живые мертвых?

Хотя я не совсем поверил тому, что прочел в письме из Усикирко, но у меня как-то отнялись руки, и я не мог написать вам. Я чувствовал, что должен написать, и в то же время чувствовал, что не могу.

Я дружески разделяю с вами горе, и я вас люблю.

В. Хлебников.

Но вообще слова как-то неуместны.

Я присылаю для вас, Крученых, в гл<авный> почтамт кое-что.

12. М. В. Матюшину

<Астрахань, июль 1913 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Еду! Ждите меня и пришлите 18—20 целк<овых>, эти земные крылья, чтобы перелететь из Астрахани к вам. Здесь я напрасно что-то хотел сделать, и что-то упорно расстраивало работу. Хотел вернуть свежесть, но везде ждала та же неудача, и все-таки я люблю Астрахань и прощаю ее равнодушие ко мне и жару, и то, что она вращается кругом воблы и притворяется, что читает книги и думает о чем-нибудь. Кроме того, лихоманки, знойные ночи, с особым налетом печать. Итак, я еду. Может быть, осень осуществит желания, и я что-нибудь напишу на зло лету.

Пока я говорю до свидания и думаю быть у вас, увидеть Крученых, все это может быть через неделю. Быть понятым очень дорого. До свидания, Михаил Васильевич.

Я вас скоро увижу.

13. А. Крученых

<Астрахань 31 августа 1913 года>

Я поеду. Это хорошо и остроумно. «Р<усского> Б<огатства>» не читал, о Чернянке ничего не слыхал, думаю туда написать. «Трое» вообще плохое имя, а после «Требника троих» еще более. Мне кажется, он, этот сборник, будет бледным, как и «Требник троих» и, если он — печальный венок, то тем более жалко. Я боюсь бесплодных отвлеченных прений о искусстве. Лучше было бы, чтобы вещи (десса) художника утверждали то или это, а не он. Напишите, разгля<дев>, где бы юность следовала после старости, то, что позже, было бы раньше. Вначале старики, потом младенцы. Я согласен с тем, что ряд *аио, еее* имеет некоторое значение и содержание и что это может в искусных руках стать основой для вселенского языка. *Еуы* ладит с цветком. Быстрая смена звуков передает тугие лепестки (изогнутого цветка). Пылкие слова в защиту Адама застают вас вдвоем вместе с Городецким. В этом есть смысл: мы пишем после «Цусимы». Но Адамом нужно быть, а сурьма и белила не спасут обманщиков. Строго? Кто молод, тот отче людей. Но быть им большая заслуга и кто может — пусть им будет. Лыки-мыки это мусульманская мысль; у них есть шурум-бурум и пиво-миво, шаро-вары, т. е. внеумное украшение слова добавочным почти равным членом.

Дыр бул щыл точно успокаивает страсти самые расходившиеся.

Мое мнение о стихах сводится к напоминанию о родстве стиха и стихии.

Это гневное солнце, ударяющее мечом или хлопушкой по людским волнам. Вообще молния (разряд) может пройти во всех направлениях, но на самом деле она пройдет там, где соединит две стихии. Эти разряды пересекали русский язык в сельско-земледе<льческом> быту. Быт Пушкина думал и говорил на иностр<анном>, переводя на русский. Отсюда многих слов нет. Другие в плену томятся славянских наречий.

Спасибо за письма.

Я изучаю горы и их положение на земной коре.

14. Николаю Бурлюку

<Петербург, 2 февраля 1914 года>

Бездарный болтун!

В стороне скотский поступок врача Кульбина. Он, этот слабоумный безумец, этот верный Личарда, надеялся убежденной бранью искреннего дурака запачкать чье-то имя.

Но так как в скотском поступке известного врача я услышал итальянский голос, итальянца управляющего петрушками, то я с некоторым отвращением к этому грязному делу возвращаю вам слова Кульбина: подлец, негодяй. Он ваш раин (славянин нашел господина и кнут). Заступитесь же за своего слугу, как более сильный и более равный мне, и, неся ответственность за его поступки, вынесите тяжесть слов негодяй, подлец и пр<имите> удар в лицо Маринетти, этого итальянского овоща.

Понимайте письмо как угодно вкупе или порознь с тремя друзьями, но здесь Восток бросает вызов надменному Западу, с презрением шагая через тела падале<дителей>.

Ваш итальянец Маринетти (беседа в <№> 13984 «Бир<жевых>ве<домостей>) удивляет своей приятной развязностью.

Нам незачем было прививаться извне, так <как> мы бросились в будущее от 1905 г. То, что Бурлюк<и>, Кульбин<ы> не заметили этой лжи, указывает, что они рядились, а не были.

Между прочим, эта беседа № 13984 — монолог из Грибоедова (французик из Бордо).

Вы, прияте<ль>, опоздали приехать в Россию, вам нужно было приехать в 1814 <г>. Сто лет ошибки в рождении человека будущего.

Бешеный бег жизни заключается не в том, чтобы французик из Бордо выскакивал каждое столетие.

Итак, прибегая к языку, к которому прибег ваш раин Кульбин, вы подлец и негодяй. Так чествует новейшего французика из Бордо Будетлянин. До свидания, овощь!

Я уверен, что некогда мы встретимся при пушечных выстрелах в поединке между итало-германским союзом и славянами на берег<ах> Далмации. В Дубровнике я назначаю место встречи друзей.

P. S. Ввиду <того>, что ваш друг уклонился от ответственности за свои слова, я совершенно уверен в соответствующем поведении и с вашей стороны, и никакими прось-

бами не решаюсь вас утруждать, считая исчерпанным происшедшее.

Трусость — народная черта итальянцев, искусных торгашей и учителей, обу<чающих> м<ошенничеству>.

Письмо не будет тайна.

С членами «Гилеи» я отныне не имею ничего общего.

15. Василию Каменскому

<Астрахань, май 1914 года>

Дорогой Вася!

Отчаянно радуйся. Я пишу и протягиваю обе руки над Уралом: где-нибудь будешь ты и попадешь под благословение. Я завидую: даже соловьиное пение мне не доступно. Когда я решусь жениться, тоже обращусь с благословением к тебе. В! Милый, дорогой! А я получил письмо от Николаевой (умер Максимович, и хотел приехать, но не мог). Она, должно быть, сердится. Недавно получил письмо от «13 весен» из Садка Судей II. Но ответил, и так глупо, что боюсь, что она будет недовольна. Твою «Весеннюю поляну» я уже знаю и люблю? по твоему письму. Пожелай и мне «Весеннюю поляну», и тогда ты будешь белобородым жрецом, брагословляющим издали.

Что мне сказать? Живите в мире, бойтесь меня? держите себя в страхе будетлянском. Этот стих дается твоей Весенней поляне в ее собственность на вечные времена, что еще может желать Пастух одинокий?

Я думал летом увидеться, но теперь это проваливается. А жаль? Деловое предложение: записывай дни и часы чувств, как если бы они двигались, как звезды. Твои и ее. Именно углы, повороты, точки вершин. А я построю уравнение! У меня собрано несколько намеков на общий закон. (Например, связь чувств с солнцестоянием летним и зимним.) Нужно узнать, что относится к месяцу, что к солнцу. Равноденствия, закат солнца, новолуние, полнолуние. Так можно построить звездные нравы. Построй точную кривую чувства волны, кольца, винт, вращения, круги, упадки. Я ручаюсь, что если она будет построена, то ее можно будет объяснить М, З, С, — Месяц, Солнце, Земля, Эта повесть не будет иметь ни одного слова.

Сквозь И и Э будет смотреть закон Ньютона, пока еще дышащий.

Целую. Ваш Витя.

Журнала II тома нет. нет и Танго с коровами. Присылай. Хороша Берлога с «Весенней поляной!..»

Я живу здесь рядом с сыскным отделением. Какая грязная подробность! и сонмы их часто проходят перед окнами. Вот, что делает твой воевода. Скучает. В плену у домашних. Кстати, где ты живешь? У себя? Есть ли там кто-нибудь? Домашние меня никуда не выпускают. Подымаю кубок мутной волжской воды и пью за «Весеннюю поляну»! Ура! Пожелай мне, чтобы я кого-нибудь полюбил и написал что-нибудь.

Пока что, и то и другое невозможно. Кстати. Молния и молодец, Солнце, Солния и солодка (угрорусское русское слово)-подруга.

У зверя в желтой рубашке (чит. Вл. Маяковского) «в ваших душах выцелован раб» — ненависть к солнцу; «наши новые души гудящие, как дуги» — хвала молнии; «гладьте и гладьте черных кошек» — тоже хвала молнии (искры молнии). Победа над солнцем с помощью Молнии? Передай «Весенней поляне», что она мой друг уже, друзья-друзей. Дорогой милый солнцелов и его «Весенняя поляна»! До свиданья. Целую.

Я здесь в мешке 4 стен, Астрахань разлюбил, никуда не выхожу. Жалею, что поехал сюда. Пишу полуученые статьи, но ими недоволен.

Пусть радуга соединит вас и на ней усядется непочтительно воробей.

Всё. Я ваш!

Посвящаю вам, друзья, по выбору из написанных или ненаписанных вещей.

16. Н. В. Николаевой

<Астрахань, 26 августа 1914 года>

Присылаю вам себя, котят и к ним вопросительные знаки???

Я снят в Петрограде в незнакомом обществе. Я перечитывал письма. Мне было жаль прошлого. Я буду проездом в М<оскве>.

Ваш Velimir

17. Н. В. Николаевой

<Астрахань, 29 августа 1914 года>

Как вы живете-можете?
На. Ва?..
Участвовали вы в сборах в «день воина»?
Мое будущее пока не выяснилось, но, как кажется, скоро я буду жить севернее, чем теперь.

Ваш Хлебников

18. Н. В. Николаевой

<Петроград. 7 октября 1914 года>

Надежда Васильевна!

Пусть день 13 окт<ября> принесет вам радость, тишину и все хорошее, исцеление от всех зол.

Я все еще здесь.
Доканчиваю статью.
Никуда не выхожу.
Я вышлю две книжки.

19. Н. В. Николаевой

<Петроград, 11 октября 1914 года>

Дорогая Надежда Васильевна!

Я устроился довольно скверно в Шувалове, около Петербурга. Там я имею удовольствие видеть каждый день Крученых. Я доволен тишиной и озером около дачи; я дописываю статью и напечатаю; теперь я твердо знаю, что рядом со мной нет ни одного человека, могущего понять меня.

На войне: 1) Василиск Гнедов; 2) Гумилев; 3) Якулов; ничего не знаю; «Брод<ячей> собаки» в живых нет. Знакомых почти не видел.

Я шлю вам лучшие желания и привет к 13 числу; «Рыкающего Парнаса» достать не удалось; он в градоначальстве под замком. Что я буду дальше делать — не знаю; во всяком случае, я должен разорвать с прошлым и искать нового для себя.

Я пришлю вам мелкие книжки из старых изданий, которые мне кажутся отвратительными.

Встречайте лучше 13 октября!

<Любящий> *В. Хл.*

20. М. В. Матюшину

<Астрахань, декабрь 1914 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Вы помните, отчасти сожалея, отчасти довольный, в холодный мрачный день я оставил Невск, спасаясь от холода и стужи. Когда поезд тронулся, вы приветливо махали рукой. Я попал в мрачное общество; я выехал во вторник, приехал в субботу — итого 5 дней пути; один лишний день я сам себе навязал. После переправы через Волгу я обратился в кусок льда и стал смотреть на мир из царства теней. Таким я бродил по поезду, наводя ужас на живых; так моряки сворачивают паруса и спешат к берегу при виде обледеневшего Мертвого голландца. Соседи шарахались в сторону, когда я приближался к ним; дети переставали плакать, кумушки шушукаться. Но вот снег исчез с полей, близка столица Го-Аспа.

Я занимаю у извозчика, даю носильщику и качу к себе; здесь чарующий прием, несколько овнов сжигаются в честь меня, возносятся свечи богам, курятся благовонные угли. Рой теней милых и проклинающих, я стою, голова кружится; тускло; смотрюсь в зеркало: вместо прекрасных живых зрачков с вдохновенной мыслью — тусклые дыры мертвеца. В каком-то невежественном мире я почувствовал себя уже казненным. Тем лучше. Здесь я обречен смотреть на немецкого врача, снимающего покров с тайны смерти. Он положил свой умный череп на руку и вперил яму глаз в златоволосый труп женщины. Роюсь в Брокгаузе, многотомных трудах о человечестве, но дышу на пламя свечи и не замечаю, чтобы она пришла в движение.

Жду книжонки «Н<овое> уч<ение> о в<ойне>».

Оказывается, если бы не холод, то я мог бы не уезжать: мне было уготовано кое-какое (40 р.) жалование, имен<но> с 28 числа.

Пока (неделю) я только мечтаю согреться после удивительного переезда. Сейчас снега нет, дождики; днем иногда солнечно, но меня не оставляет какое-то чувство холода.

Кланяюсь Ал<ексею> Ел<исеевичу>, В. Каменскому, Бурлюку.

Если хватит места, то, доб<рейший> М<ихаил> В<асильевич> вставьте в конце следующие 4 примечания:

Примечания

1) Следует заметить, что за 317.4 до Кодекса Наполеона был Кодекс Юстиниана: именно в 1801 первый выпуск 5 книг Наполеона; за 317.4 в 533 году 30 дек. получили силу закона сборники сына Белениссы; борьба якобинцев и роялистов была через 317.4 после мятежа синих и зеленых в 532 году. За 317.10 до поклонения разуму во Франции сын Теи Аменофис IV переменил свое имя на Эхнатен (1378 год до Р. Хр. и 1792 по Р. Хр.). Этот фараон в имени Амона переменил м на т и ввел в Египте поклонение богу Солнца. Таким образом, поклонение Разуму и поклонение Солнцу были на земном шаре через 317.10 лет. Эхнатен отличался слабым здоровьем и имел узкую грудь.

2) 365 ± 48 вообще может быть понято, как $365 \pm (\sqrt{365} + 28)$; $19^2 = 361$; время 28 лет связано со звездным месяцем = 28 дней.

3) Птоломей родился через $365 + 2 \cdot 48$ (461) после Аристотеля.

4) Года изобретений и научных открытий иногда располагаются очень стройно, в волны.

Так 1542 Законы Коперника.

Через 28.3

1626 Законы преломления света Виллеброрда — Снеллия.

Через 28.2

1682 Законы всемирного тяготения Исаака Ньютона.

Через 28.2

1738 Законы скорости звука. Академия.

Через 28.4

1850 Механический эквивалент теплоты Джоуля.

Изобретение ударного ружья 1807 было через 28.2 после изобретения ружья, заряжающегося с казны (Шометт и Форсит) 1751.

Свекло-сахарное производство 1801 через 27.2 после изобретения свекольного сахара 1747 (Маркграф). Ахард.

Алюминиевое производство 1854 Клер де Виль через 27 после открытия алюминия Веллером 1827.

Электрический телеграф Земмеринка 1809 за 28 до телеграфа с иглой Штейнгеля 1837.

1662 Закон Бойля.

1696 Волнообразное учение о свете Гюйгенса.
1802 Электромагнитизм Романьоза.
1886 Учение о свете Герца
сменяют через 1+4+2+1=8. 28 лет. То есть учение Герца пришло через 28.7 после учения Гюйгенса.
1775 Теория сгорания Лавуазье.
1803 Световая дуга Попова.
1831 Индукционные токи Фарадея.
1859 Спектральный анализ Бунзена.

21. М. В. Матюшину

<Астрахань, декабрь 1914 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Спасибо за письмо и за книжки. Я так развинчен, что с трудом поймал себя на том редком времени, когда могу написать письмо. Эти дни для меня важные, т. к. 15 де<кабря> и 20 д<екабря> должны быть по моим построениям морские большие, первой величины, бои. Об этом я давно писал Георгию Кузьмину (его адрес Петроград, Политехнический институт, 1-я авиационная рота, Кузьмин), и вот сегодня 16 в нашем листке напечатаны «слухи о большом морском сражении». Завтра я точно узнаю, было оно или нет. Если было, то я могу точно определить дни больших морских сражений всей этой войны и их исход. День или сутки перелома! Этот день я назначил, как испытание. Если не оправдается, то я брошу вычисления, правильности утомительных расчетов. И целый месяц живу только ожиданием его. Адамс и Леверье! 2-е открытие Нептуна! Или... или... веселая лужа несбывшихся расчетов.

То и другое не выходит за пределы природы человека, и к тому и к другому исходу я почти равнодушен.

Я в примиренном настроении, всем привет и поклон.

Особое спасибо Кр<ученых> за труд просмотра книжонки.

Она немного незрелая и производит такое впечатление, что, пока готовили клетку, синица улетела. Впрочем, г.г. Солнцеловам уместнее говорить, что солнце скрылось. Но я вернусь еще к этому вопросу — царапнуть его на смерть своим когтем, если они у меня от старости к тому времени не выпадут.

Эта простодушная болтовня, я знаю, не встретит в вас, Мих<аил> Васильевич, сурового судью, так как вы, по обычаю, балуете, поддерживая мои слабые силы такими громкими словами, как гений. В этом году я замечаю обратное отношение к прошлому, т. е. мрачные для меня дни в прошлом году были светлыми в этом.

Я хотел изучать «Труды и дни Пушкина» Лернера, как человеческую жизнь, точно измеренную во времени. Но не сейчас. Поэтому на всякий случай купите и храните у себя.

Если бы была хронология, но самая подробная, всех времен и народов, то это было бы очень полезно, или же история морских войн.

О 3 измерениях писал Бехтерев; но, не зная предела и смысла построения 4 измерения, родина которого в допущении, что в природе пространства нет начал для ограничения его только тремя степенями, подобно тому, как числа могут быть возводимы в степень до бесконечности, он заключил, что три полукружных завитка уха человека были ближайшей причиной 3 измерений пространства человека; на это Пуанкарэ возражал в книге или «Наука и гипотеза» или «Математика в естествознании», что тогда пришлось бы крысам дать пространство 2 измерений, потому что у них 2 кольца внутреннего уха, а голубям (кажется) пространство 1 измерения. Он приписывал Бехтереву непонимание истинного смысла 4 измерения и приводил как неудачный пример моста из естествознания к числу.

О 4 измерении лучше всего в юбилейном сборнике в память Лобачевского в трудах Казанского математического общества.

22. М. В. Матюшину

<Астрахань, 17 декабря 1914 года>

Михаил Васильевич!

Начинаю повесть о моей ошибке. Я считал, что 15 будет морская битва. Ее не было. Ошибка моя состояла из нескольких частей:

1) Допущение, что отдельная война повторяет вековые времена до нее; так перед умирающим, по распространенному поверию (я не умирал), мелькает вся его жизнь.

2) Допущение, что для морской войны 1914 года нужно взять века борьбы Ислама с Западом с начала крестовых походов — 1095 год.

3) Допущение, что если будет найдено местное соответствие, то оно продолжится и дальше.

№№.	Найденное соответствие	
1-ый	1095 начало крест<овых> походов.	19 июля. Начало войны.
5	1099 взятие Иерусалима.	23 Гибель «Амфиона».
93	1187 Иерусалим взят Саладином.	19 октября. Бой в Чили. Гибель «Монмута», «Годгона».
89	1183 Саладин завоевал Мессопотамию.	15 октябр<я>. Бой с «Жемчугом». Гибель «Итаро», «Каташихо».
	1146 Разрушение Эдессы Нур-Эддином.	9 сентября. Гибель «Кресси», «Гока» и «Абукира».

Тот же ряд.

1.	1199 Христиане взяли Иерусалим.	23 Гибель «Амфиона».
	1187 Иерусалим взят Саладином.	19 октября. Бой в Чили.
	1180 Португальцы разбили мавров.	12 окт<ября>. 2 крейсера германских.
	1110 Взят Сидон.	3 августа. «Зринья».
	1189 Завоеван Сафед.	21 окт<ября>. Гибель «Иорка».
	1196 Поход немцев в Палестину.	28 окт<ября> Гибель «Эмдена».
	1183 Мессопотамия завоева<на> Саладином.	15 окт<ября>. Бой с «Жемчугом», «Итаро», «Каташихо».

1146 Разрушена Эдесса Нур-Эддином.	9 сентября. «Абукир», «Кресси», «Гок».
1118 Завоевана Арагония.	11 августа. «Зента».

Опираясь на этот ряд, где победам Ислама отвечают морские победы немцев 19 окт<ября>, 15 окт<ября>, 9 сент<ября>, я считал, что будут морские сражения в день, отвечающий взяти<ю> Иерусалима в 1244 году, т. е. 15 декабря.

Тогда бы великое сражение можно было бы предсказать для дня, отвечающего 1453 году, главному году Ислама.

Но 15 декабря сражения не было.

След<овательно>, избранный мною путь ошибочен и никому не советуется итти по нему.

Вот рассказ про мое поражение.

Я лично радуюсь этому поражению, что оно сняло с меня какой-то груз. Я свободен после того, как понял ошибочный путь.

Любящий вас

В. Хлебников

Хорошо бы издать что-нибудь в пользу раненых?? Сборник или тетрадь. «Хрестоматию [Будийц]». Впрочем, у меня ничего нет.

После того, как я понял ошибку, я почувствовал, что сошел с мели.

23. М. В. Матюшину

<Астрахань, 18 января 1915 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Так как последний бой в Северном море с поврежденным «Лайоном» и гибелью «Блюхера» 11 января и «Газелла» на Рюгене своими плечами великана несут на себе камни учения о том, что морские бои войны 1914 повторяют борьбу Европы и Асцу (Ислама), начиная с 1095 года, — именно бой «Блюхера» и «Лайона» 11 января отвечает 1271 и 1270 году последнего крестового похода, то это вновь дает мужество ждать большого морского сражения

через 20 после 11 января, именно 30 января или 1 февраля, с исходом благоприятным для немцев. В 1291 пала Акра, последний оплот христиан в Палестине; соответствующий ему день ложится на 31 января. Самый большой бой через 162 дня после 31 января; крупный через 95 после 31 января и несколько промежуточных.

Если 31 января или 30 будет крупный морской бой, то очертания войны на море будут освещены этим учением достаточно ясно.

Если бы для 31 января сбылось это предсказание, то стоило немедленно бы *издать* расписание морских боев с их исходом для тех и других враждующих сторон.

2 страницы.

Я изучаю <нрзб.>.

В. Хлебников

Присылаю вам лотос Каспия.

Хорошо бы летом из Перми на особой беляне устроить поход Аргонавтов за лотосом в Астрахань.

24. А. Э. Беленсону

<Астрахань, весна 1915 года>

Многоуважаемый Алексей /sic!/ Эммануилович!

Вот весь рассказ: другого не мог прислать, другой не переписал; жду с нетерпением письма.

Остаюсь готовый к услугам

Ваш В. Хлебников

25. М. В. Матюшину

<Астрахань, апрель 1915 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Книжка издана с наибольшим вкусом из всех изданных «Журавлем». Хорошо, что в ней нет лишних страниц и что обложка лишена объявлений, — это всегда портит книгу.

Этим испорчена, например, книга, «Новое учение о войне».

От Филонова, как писателя, я жду хороших вещей; и в этой книге есть строчки, которые относятся к лучшему, что написано о войне.

Словом, книжка меня порадовала отсутствием торгашеского начала.

«Мировый расцвет» тоже очень хорошо звучит.

Рисунок мне очень нравится пещерного стрелка, олени, собачки, разорванные своим бешенством и точно не рожденные, и осторожно-пугливый олень.

Я продолжаю вычисления, но нового пока нет, а есть только бо̀льшая стройность, если рассматривать события через 317 лет.

При этом я достиг сжатого способа изложения, так что еще шаг и черновик будет готов.

Изучаю еще «Дневник Марии Башкирцевой». Он дает ключи к пониманию снов.

Жду мая.

Если хотите напечатать до мая литографированную 4-5 страниц таблиц нашествий через 317 лет, то напишите мне, и я пришлю. Если почему-либо нельзя, то не надо.

Кстати, кто распространяет слухи, что мои сочинения запроданы Ал. Ел. Круч<еных>. Это очень грубая ошибка.

Ваш В. Хлебников

Для меня существуют 3 вещи: 1) я; 2) война; 3) Игорь Северянин?!!!

Зиму я провел очень скверно в толпе, но в полном одиночестве.

Это только хитрый торгашеский город.

26. М. В. Матюшину

<Царицын, 8 июня 1915 года>

Дорогой Михаил Алексеевич (sic!)

Я в Царицыне; через два дня буду в Москве; с неболь<шими> средствами. Не заедете ли вы случайно туда? Пока мой адрес: до востребова<ния> М<осква>гл<авный> почт<амт>. Я сделал три небольших открытия; больше ничего. Бурлюков и К° увижу. Асеева адрес утерял. Хорошо, если бы он случайно приехал в Москву и стал издавать. Буду сотрудничать.

27. Василию Каменскому

<Петроград, сентябрь 1915 года>

Дорогой Вася!

Я был очень плох и ходил на четвереньках, опоздал на поезд. У меня не было часов! Я увлекся. И вот грубое

нарушение законов дружбы, и все. Прости это злое дело в Петроградских трущобах. В $^{1}/_{2}$ 8-го я бит.

Что делает повесть «Ка»?

Получена ли она?

Гейша?

Всех приветствую.

И Самуила Матвеевых.

Николаева?

Завтра пишу себя в прозе.

400 строк стихов, от десяти — сто рублей??!!

Прошу рукописи ненапечатанные через месяц вернуть.

28. М. В. Матюшину

<Астрахань, август 1916 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Что вы поделываете? Я до 15 сентября на свободе, в отпуске. До 15 авг<уста> буду в Астрахани. Много изысканий о слове и числах. П, Л, Ш, Ч, Щ сделаны. Нужны ли вам словесные глыбы? Проповедую общий сборник всех: и Крученых, и Маяк<овского>, и <нрзб>, и Бурл<юка>, и меня.

Письма не дошли (застряли). 10 книжек дошли, благодарю. Ураганный огонь изданий осенью. Издаете ли вы что-нибудь? Послать что-нибудь вам для изданий?

Синдикат издателей для ежедневной газеты.

Мир с тем<и>, с кем поссори<лся>, а то все в разброде.

Я в Астрахани до 15 авг<уста>.

29. М. В. Матюшину

<Астрахань, 30 сентября 1916 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Петников просил ваших вещей и Гуро. Об этом он просил меня написать вам перед отъездом.

Я еще на свободе пока. Дальше не знаю.

Здесь еще тепло.

Привет вам и всем.

В. Хлебников

Г. Петников. Рисунок В. Хлебникова (1917).

30. М. В. Матюшину

<Тверь, 13 мая 1917 года>

Пишу на столе караульного помещения.
Вчера задержан и снят с поезда.
Положение глупое.
Думаю, что дальше тоже будет глупо.
Был освобожден на 5 месяцев, ехал в Петроград, но на ст. Тверь 12 мая был снят с поезда и попал на гауптвахту в<оинского> н<ачальника>, хотя есть документ об 5 месячном отпуске.

В. Хлебников

Что Петников?

31. М. В. Матюшину

<Киев, 11 июня 1917 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Я в Киеве.

Дорогой накалилась ось колеса, стала шипеть, дымиться, ее заливали водой, но безуспешно. Это было у Курска. От Курска путеше<ст>вие на крыше.

P. S. В списке драм<атических> вещей я забыл про «Чертика» и «Ховуна» («Творения»).

32. М. В. Матюшину

<Астрахань, 8 августа 1917 года>

Дорогой Михаил Васильевич!

Я был в Киеве, Харькове, Таганроге, Царицыне, купался в Азовском море и теперь в проклинаемом мною городе моих великих? предков (т. е. Астрахани).

Завтра с одним сыном солнца еду, как ящерица, греться на солнце и пить арбузы и кумыс.

Здесь все старое. Мечтал проехать на Кавказ, но не удалось. Буду здесь 2 недели.

В перечне драм<атических>вещей есть непомеченная мной «Чортик» («Творения»).

Что делает Крученых?

Если издать общий сборник (Бурл<юк>, Кам<енский>, я, Кру<ченых>)? «Табор двух».

33. О. М. Брику

<Харьков, 23 февраля 1920 года>

Осип Максимович!

Мы жили лето разобщенные с Москвой, и теперь все в ней таинственно для меня.

Но главная тайна, блистающая, как северная звезда, это — изданы мои сочинения или нет? Шибко боюсь, что нет!

Так же, как «Интернационал искусств». И вдруг вы пришлете мне толстый пушкинский том? С опечатками, сырой печатью? Правда, хорошо было бы?

Как судья языка письма, помните, я только что встал с постели после 2 тифов.

Мне необходимо получить денег. Не вышлет ли их издательство «Имо»?

Харьков, Чернышевская, 16, кв. 2 Викт. Влад. Хлебникову.

Какая судьба моего послания, добрая или злая?

В общем, в лазаретах, спасаясь от воинской повинности белых и болея тифом, я пролежал 4 месяца! Ужас!

Теперь голова кружится, ноги слабые.

Ваш Хлебников

P. S. Я хотел бы получить тысяч 10 или 5 — но это уже хуже.

34. О. М. Брику

<Харьков, 30 апреля 1920 года>

Дорогой Осип Максимович!

Я с грустью примирился с тем, что собрание сочинений не вышло.

Так как мне делали предложения Есенин и др., я бы хотел знать, существует ли срок хотя бы двухмесячный для выхода в свет полного собрания?

Задерживать его дальше невозможно — эта исходная точка заставляет меня желать, чтоб вы взяли на себя обязательство закрепить издание во времени, приурочив его к определенному сроку 2 месяцев.

Очень жалею, что не могу быть в Москве и увидеть вещи своими глазами.

Некоторые переговоры по этому поводу мог бы повести Г. Петников.

Очень хотел бы видеть вещи напечатанными.

Мой привет издали с юга Лидии (sic!) Юрьевне и Владимиру Владимировичу.

Я начинаю снова работать, что долго был лишен возможности делать.

В. Хлебников

Харьков. 30. IV. 20.

35. В. Д. Ермилову

<Баку, 3 января 1921 года>

Милый Вася Ермуша!

Да простится мне это введение, но так вышло.

Я в Баку (Морской политпросвет, Баиловская ул., общежитие).

Открыл основной закон времени и думаю, что теперь так же легко предвидеть события, как считать до 3.

Если люди не захотят научиться моему искусству предвидеть будущее (а это уже случилось в Баку, среди местных людей мысли), я буду обучать ему лошадей. Может быть, государство лошадей окажется более способными учениками, чем государство людей.

Лошади будут мне благодарны, у них, кроме езды, будет еще один подсобный заработок: предсказывать людям их судьбу и помогать правительствам, у которых еще есть уши. Из Харькова здесь Мане Кац.

В горах, где я жил до Баку, было очень хорошо.

Здесь море и долина Биби-Эйбата, похожая на рот, где дымится множество папирос.

С новым Г.(адом)
(Гадом или Годом?)
вот вопрос!

Я.

36. В. Д. Ермилову

<Баку, 7 апреля 1921 года>

Обнимаю вас и Катюшу.

Предвидение будущего есть, хранится за надежною стеной моего молчания.

Оно кончится осенью.

Приезжайте непременно, здесь очень хорошо.

В. Х.

37. Л. Ю. Брик

<Москва, январь 1922 года>

Лидия (sic!) Юрьевна! Эта приписка — доказательство моего пребывания в Москве и приезда к милым дорогим друзьям на Мясницкую.

Я нашел в Баку основной закон времени, то есть продел медведю земного шара кольцо через нос — жестокая вещь, — с помощью которого можно дать представление с нашим новым Мишкой.

Это будет весело и забавно. Это будет игра в сумасшествия: кто сумасшедший — мы или он.

Вел. Хлебников

КОММЕНТАРИИ

ПОЭМЫ

«Сердца прозрачней, чем сосуд» (стр. 21). Печатается по беловому автографу. В конце рукописи дата «12 года». Текст записан в тетради на десяти листах с заполненными оборотами. Первый лист утрачен, и поэма начинается третьей и четвертой строками разорванной строфы:

Верноподданных союзы
Царства вечной основать.

У А. Крученых сохранились отрывки из черновой рукописи поэмы, среди которых нами найден и первоначальный текст отсутствующего в беловике первого листа: этот отрывок включен в основной текст. (См. строки 1—44, после которых в черновике следуют варианты строк 45—58.) Заглавие поэмы в черновом автографе отсутствует.

Сохранившийся в неполном виде черновой текст также относится к 1912 г. На об. л. 3 черновика находится следующая запись: «6 поэм — Тит<аник>, Симфония, 12 год, [Вила и леший], [Лето]». «Тит<аник>» — вероятно, первоначальное заглавие 5-го паруса «Детей Выдры», «Вила и леший» — поэма, написанная в 1912 г. Остальные из перечисленных вещей — неизвестны.

Строки 371—374 белового текста Хлебников цитирует в статье «Разговор двух особ», написанной в самом начале 1913 г. (См. Собр. произв., т. V, стр. 185.).

Хлебников работал одновременно над поэмой и над 5-м парусом «Детей Выдры». Так, л. 3—4 черновика заполнены первоначальными вариантами строк 81—84 и 305—308 поэмы и последней части «5-го паруса» «Детей Выдры» (диалог сына Выдры и Утеса—

Прометея). На об. л. 3 записана черновая редакция начальной строфы «5-го паруса».

Одна строфа чернового текста «5-го паруса» вошла в канонические тексты обеих вещей (см. строки 166—169 «5-го паруса» и 439—442 поэмы.) Наконец вариант строк 347—350 поэмы вошел как самостоятельное четверостишие в 1-й парус «Детей Выдры».

В черновой рукописи сохранились первоначальные варианты следующих строк: 45—58, 62—76, 81—86, 89—94, 101—134, 154—162, 173—174, 185—188, 219—222, 229—237, 240—263, 266—273, 282—289, 301—314, 339—342, 355—366, 379—382, 393—410, 431—434, 439—442.

В черновике записаны многочисленные куски и заготовки, не вошедшие в окончательный текст поэмы.

На двух листах почтовой бумаги записан также первоначальный текст строк 325—328, 343—354 (Архив института лит-ры им. М. Горького).

Беловой текст был подвергнут Хлебниковым незначительной правке. Строки 69—72 вписаны вместо следующего зачеркнутого куска:

Голос из гостиной:

Я Астартою томима
Зумзумима иду мимо.
Молодая бородка
Золота и коротка.
Я Астартою томима
Зумзумима иду мимо.

Текст этого куска сохранился и в черновой рукописи.
Зумзумим (египетск.) — инородец, варвар.

Следующий кусок был заменен строками 187—194:

Вид гробницы морской
Покрыт кровлей мирской,
И самых ветров тщетна смелость,
Как под стеклом окаменелость.
И паруса несут живые
Кругом высокие дубы,
Как бури черной часовые,
Как стражи первые судьбы.

Первоначальный вариант строк 1—2 этого отрывка записан в черновой рукописи.

Строки 217—224 Хлебников предполагал подвергнуть дальнейшей правке: против строки 221 вписана строфа, полузачеркнутая Хлебниковым:

Ручей блестящий и живой
Усопших трупов мостовой
[В правах владыки утверждался
И тем по правилу гордился]

Строки 256—259 вписаны вместо строфы, отброшенной Хлебниковым:

Она жила с случайным мужем,
Ее избрал добычей грех,
Она дарила тело стужам
Сквозь щели рубища прорех.

Приводим строки, место которых в контексте установить невозможно.

Против строк 201—204:

И море зеленело
И струями звенело.

Против строки 221:

Лоза упала черная
На этот мир, на этот дол.
Звенит струя проворная.
Там плавает орел.

Против строк 242—243:

Война словесная изустная,
А лица грустные прегрустные.

Строки 244—247 и 260—263 в измененной редакции вошли в поэму «Ладомир», написанную в 1920 г. (Собр. произв., т. I, стр. 135—142), а строки 141—144 с незначительными разночтениями—в «Зангези», 1922 (Собр. произв., т. III, стр. 357).

Строки 325—332 как самостоятельное стихотворение были напечатаны в посмертном сборнике Хлебникова «Стихи» (М., 1923, стр. 17); перепечатано в Собр. произв. (т. III, стр. 46), среди стихов 1919—1920 гг.

Строки 367—370 представляют собой более поздний вариант

строфы, вошедшей в окончательную редакцию «Маркизы Дэзес» (см. стр. 125—128).

Строки 447—449 с незначительными разночтениями повторяются в двустишии, открывающем сборник «Ряв» (СПБ., 1913, декабрь), и в стихотворении «Мы желаем звездам тыкать» (В. Хлебников. Творения. М., 1914 и Собр. произв., т. II).

Строки 454—461 в качестве самостоятельного стихотворения «Песнь мальчика на кладбище» входят в пьесу «Чортик», 1909, впервые опубликованную в 1914 г. (См. Собр. произв., т. IV.)

К стр. 303. Бабр (сибирск.)—тигр.

К стр. 350. Вырей (украинск.)—волшебный край, страна, куда улетают птицы на зиму и уходят души умерших. По объяснению Хлебникова, Вырей — юг, направление, куда текут русские реки.

Суд над старым годом (стр. 35). Написана в конце декабря 1912 г. На автографе — следующее посвящение: «Стихи написаны Марье Михайловне Кузьминой» — матери летчика Г. Кузьмина, издавшего первый футуристический сборник «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912). По свидетельству С. Д. Долинского, Хлебников читал эту поэму 31 декабря 1912 г. в квартире Кузьминых. Привожу отброшенные Хлебниковым две главки, первоначально следовавшие после главки 29-й:

Он был добрым часовым
Над усопшим и живым.
«Год текущий мое звание-с», —
Отвечал прохожим, кланяясь.
Он ушел, но имя славится
В голосов бряцаньи общем,
Где ура, звон чаш и здравица.
На кончину деда ропщем.

Пока жили люди, дея,
Сторожил их дед, седея.
Он, искусней лицедея,
То пугал лицом злодея,
То бросал снопы цветов
И красивым и болезным,
Равно ласков и готов
Быть всем нужным и полезным.

К стр. 143. Юрий Репин — художник, сын И. Е. Репина.

«Как быстро носятся лета» (стр. 46). По свидетельству Н. В. Новицкой, написана летом 1914 г. Печатается по автографу — беловик с многочисленными поправками (чернилами и карандашом).

Хлебников предполагал разбить поэму на главки с особыми подзаголовками. Так, перед строкой 32-й вписано карандашом «Усадьба», перед строкой 86-й—«Обед». Но так как первая главка не имеет подзаголовка, то мы не сочли возможным ввести их в основной текст.

В тетради Хлебникова, где записаны заглавия его произведений, напечатанных в 1910—1912 гг., а также вариант строфы из поэмы «Игра в аду» (1912 г.), сохранились и два следующих черновых наброска:

Порою звездной
<нрзб.> скакал вперед.
Со знатию уездной
Приглашен он на обед.

И пиршества третий день тих наступал,
И белые [были] цветы,
Но в каждом был красный цветок.
С лицом усталым от жизненных сует.
— Друг мой, отведал ты козьего мяса? —
Спросил барон <Рапс>.
Любезный сосед,
Узнай же ты новость. Ты — сыноед.
Позавтракал ты сыновьями,
И дочерь отведал ты нехотя.

Две последние строки вписаны Хлебниковым в период работы над «окончательной» редакцией вещи (чернила того же цвета, что и основной текст автографа).

К стр. 22. Куколь — сорная трава, плевел.

К стр. 72—76. Эти строки обращены к Н. В. Николаевой.

К стр. 76. «Зубная свечка»—Хлебников имеет в виду китайские курительные свечи, которые он прикладывал как лечебное средство к больным зубам.

Шествие осеней Пятигорска (стр. 51). Написана в начале ноября 1921 г. в Пятигорске. Главки 4-я и 5-я датированы: 8. XI. 21. Рукопись—беловая, с многочисленными поправками. В автографе записаны заглавия поэмы, отброшенные Хлебниковым: «Осени на прогулке», «Много осеней», «Шествие осеней». Первоначальная редакция поэмы с искажениями была опубликована Д. Козловым под заглавием «Осень» в журнале «Красная новь» (М., 1927, № 8) и перепечатана в Собр. произв., т. III.

Текст поэмы записан в тетради, заполненной текстами следую-

щих произведений «пятигорского» периода (1921): «Шествие осеней Пятигорска», «Дерево», «Перед закатом в Кисловодск», «Дерево» (2). Рукопись у В. В. Каменского. Среди бумаг Хлебникова сохранился также черновик поэмы.

Берег невольников (стр. 56). Написана в ноябре 1921 г. Печатается по беловому автографу. Немногочисленные поправки внесены Хлебниковым вероятно в начале 1922 г. Отрывок из первоначальной редакции поэмы, напечатанный в Собр. произв. (т. III), записан в тетради среди вещей, относящихся к ноябрю-декабрю 1921 г. Текст поэмы полностью не сохранился: листы 1—5, 7—10, пагинированные Хлебниковым, и последний лист, от которого угол с пагинацией оторван. Место утраченных кусков в тексте отмечено пунктиром.

Сохранились также отрывки из чернового текста: строки 186—284, с многочисленными разночтениями. Привожу отрывки из черновика, отсутствующие в белом тексте поэмы:

Дворец в струях дыма мылся
И ружейных выстрелов
Мелькает полотенце.
В латах девичьей пехоты
От страшной охоты
Керенский скрылся.
Эй, малой, где же
Ружница?
Очи безбожья божница.
Зимний сдавлен дровами; вся площадь в поленцах.
Невский ликует, точно младенец.
Лучше по<д>ставить свой лоб
Тем, кто бросал нам «холоп»,
Кто послал нас в окоп.

Нева сегодня кипяток,
Клокочет, рвется и плещет.
А вдалеке ночной свисток,
Таинственный и вещий.
Господи помилуй, господи помилуй.
Свободушка! милая, милая, милая!
Хочешь небу этому
Я с железною вилою
Весь повернусь? Не бывать!
Никому не сорвать
С этой ночи бус,

Светят советами.
Ночное забрало,
Блести в синеве.
Руке наглеца
Не сорвать звездный шишак
С   лица.
Советская власть в руки правду забрала.

Середина предпоследней строки осталась незаполненной. Далее следуют две строки, зачеркнутые Хлебниковым:

Вместо божбы
Сосновые гробы

и часть недоработанной стихотворной фразы.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Снежимочка. (Рождественская сказка) (стр. 64). Написана в конце 1908 г. В тетради Хлебникова, датируемой второй половиной 1908 г., сохранилось несколько заготовок-неологизмов. (Гос. лит. музей в Москве, № 1102/20, тетр. I., об. л. 21 и л. 22). Уже 10 января 1909 г. Хлебников писал В. В. Каменскому: «Что говорит Ремизов о моей «Снежимочке»?» В. В. Хлебникова в своих воспоминаниях о В. Хлебникове называет «Снежимочку» одной «из его первых вещей» (В. Хлебников. Стихи. М., 1923, стр. 59).

18 апреля 1914 г. Д. Бурлюк писал Хлебникову: «Напиши большой роман — прозой и стихами — всади в него «Снежимочку» и ее присылай! все будет отпечатано».

2 марта 1915 г. Д. Бурлюк писал В. Каменскому в Петроград: «...Нажми Беленсона насчет... высылки им пьесы Хлебникова «Снежимочка», а также «Я и Наполеон» Маяковского... Не откладывай. книга идет в печать!»

Речь идет о готовившемся к печати сборнике «Весеннее контрагентство муз». Повидимому, А. Беленсон, издатель сборника «Стрелец» I (П., 1915), которому были предоставлены вещи Хлебникова и Маяковского, предполагал их поместить во 2-м сборнике. (В 1915 г. издание осуществлено не было.)

Отрывок из пьесы — 1-е деймо и слитое с ним «вводьмо» в III-е был напечатан в сборнике «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915) под заглавием «Снезини», представляющим собой наименование хо-

ра, которым открывается пьеса, и с неправильной датировкой: 1906 г. Текст сборника, как это мне удалось установить, напечатан по неавторизованному списку, изобилующему грубыми искажениями и ошибками, число которых в печатном тексте увеличилось. Список носит следы чрезвычайно небрежной правки Д. Бурлюка. Ему же принадлежат заглавие и дата.

Здесь впервые печатается полный текст пьесы по автографу, хранящемуся в архиве Института лит-ры им. М. Горького.

Текст пьесы записан в тетрадке, заключающей в себе 19 нумерованных листов с заполненными оборотами. Рукопись беловая, подвергшаяся нескольким стадиям дальнейшей обработки (об этом свидетельствуют различные поправки карандашом и чернилами более темного цвета, чем те, которыми написан первоначальный текст).

На обложке первоначальное заглавие: Снежимочка. Рождественская сказка. Подражание Островскому»—зачеркнуто. Под ним написано: «Рождественская сказка». Но так как в письме к В. Каменскому (1909 г.) и в списке драматических произведений, составленном Хлебниковым в 1917 г., пьеса называется «Снежимочка», мы восстанавливаем это заглавие с подзаголовком: «Рождественская сказка».

Привожу куски, отброшенные Хлебниковым. В 1-м дейме после ремарки «Глубокое раздумье» зачеркнуто:

Зимичи. Нас принесут в пере рябчиков и сизогрудых глухарей.

Дубичи и еличи. Нас срубят.

Во 2-м дейме сокращена ремарка после реплики Ховуна («А... руковерхники...»):

(С темного угла печки свешивается темный явственно видный хвост, несколько больший кошачьего: он качается размеренно из стороны в сторону, подобно маятнику. Ворон подскакивает к нему боком и, играя, клюет его длинным протянутым клювом. Но вдруг [взъерошив]...)

В том же «дейме» после реплики пьяницы: «Я пью или не пью», было:

Славодей

Нет! Останусь сзади, тих и робок,
И, избегая сеть коробок,
Я встану, как пристань,
У речки струнстой.

После ремарки «Прохожие попадаются все чаще и чаще»:

Углубленный в себя

Где-то далеко, где падал туман,
Веет пением мам.
Тает в дымчатых сумерках лес, но...
Еще милее туманное слово: прелестно.
Ах!.. Мы изнемогли в вечной вечного алчбе...
А дитя, завидя нас, пропищало: «бэ»!
Но что это? Белая краса, которая не тает...
И в взорах — снеги горностаев?

Ребенок с сумкой ученика

Мы в одеждах сомнения
Упали на зеленую траву.
А дальше все звончей и богоявленнее
Звал нас голос в дальнюю страну.

Зачарованный на севере южным морем

Здесь гречанок тела были упруги,
Здесь подруга в уста целовала подругу,
Здесь в роскошном изгибе нагибалась царица
Для того, кто с утеса ей соблазнится и умилится.

Снегей

О, не ходи!
Обычай их суров и дик.
По мостовой из душ
По ней закон цепей ведет езду,
И власть стоствóлого столпа
Так неодолима, как толпа.

Реплики «Углубленного в себя» и «Ребенка с сумкой ученика» почти совпадают с кусками из цикла «Крымское», написанного в конце 1908 г. (не вполне правильные тексты см. в Собр. произв., т. II, стр. 282—285, автографы у А. Миронова и в Архиве института лит-ры им. М. Горького).

Вычеркнут также конец II «дейма»:

Пристав. Так вот что..

Городовой. Слушаюсь.

Пристав. Э-э-э...

Городовой. Так точно.

Пристав. Подождите. Присядьте. Вы знаете, законы несколь-

ко опаздывают. Кто мог придумать? (Показывая на стул.) Присядьте! Будьте добры!

Служащий. Ваше имя?

Снежимочка. Снежна. Так звали меня в лесу. Еще что?

Служащий. Вероисповедание?

Снежимочка. Я? Я—лесная.

Служащий (осклабляясь). Благодарю вас. Больше ничего не надо. (Уходят из участка.)

Дух уличной липы. Она... Она... Снежимочка...

Толпа оглашает воздух восторженным криком: Снегурочка! Воздушный белый дух! Урр-ра Ур-ра! (Уходят.)

В «вводьме» в III действие после строки «Тайна утех» зачеркнуто:

Лики горят,
Жарки уста,
И счастлив зимак,
Видя зим мак.

Сюжет «Рождественской сказки» связан с пьесой А. Н. Островского (1873), использующей фольклорные и мифологические мотивы: «Снегурочка» (Весенняя сказка). В свою очередь, пьеса Островского послужила основой для либретто одноименной оперы Римского-Корсакова (1881), упоминаемой в пьесе Хлебникова. Любопытно также совпадение общей драматургической концепции и отдельных ситуаций «Рождественской сказки» Хлебникова с пьесой А. Блока «Незнакомка» (1907) и драмой З. Гиппиус «Святая кровь» (1901).

О воздействии театра Блока на драматургию Хлебникова, в частности о применяемом Хлебниковым приеме «причудливости», восходящем через Блока к немецким романтикам («Балаганчик»), писал поэт М. Кузмин в рецензии на «Ошибку смерти» (Журн. «Северные записки», П., 1917, январь).

В 1913 г. футуристы предполагали поставить «Снежимочку» на сцене: см. «Декларацию первого всероссийского съезда Баячей будущего (поэтов-футуристов)»:

«5) Устремиться на оплот художественной чахлости — на русский театр и преобразовать его. ...С этой целью учреждается новый театр «Будетлянин».

6) И в нем будет устроено несколько представлений (Москва и Петроград). Будут поставлены дейма: Крученых «Победа над солнцем» (опера), Маяковского «Железная дорога», Хлебникова «Рож-

дествеиская сказка и др.» (Журн. «За 7 дней», СПБ., 1913, № 28, здесь по автографу). Постановка эта не была осуществлена.

К странице 64. Жаруй — от жаровать (польск.-украинск.) — шутить.

К странице 69. Ховун — от (украинск.) ховать — хоронить, прятать.

Маркиза Дэзес (стр. 76). Впервые напечатана в сборнике «Садок Судей» I (СПБ., 1910, апрель). Написана в конце 1909 г. Здесь печатается по тексту сборника, выправленному Хлебниковым, вероятно, в 1911 г. В первопечатный текст Хлебников внес многочисленные поправки (чернилами и карандашом) и подверг его сокращению.

Приводим куски, вписанные Хлебниковым на полях сборника «Садок Судей», — место которых в пьесе установить не удалось.

Против строк 29 — 30:

Вы передовая
И развитая особа.
Вино передавая,
Я пью за вас,
Пью и особо.

Под строкой 48:

Девятиголосая за поясом трость
В роговую оправлена кость.

Над строкой 137:

Я весела, я беспечна седни,
Не так, какой была намедни.

Под строкой 153:

Пепел золотится вьющихся волос
Твоих, голубоглазый великоросс.

Против строки 199:

О, эти человека и вещей дрязги:
Вы вызвали мечей
Смертельных лязги!

Под строкой 240:

Здесь рыжий тигр идет с лицом магометанина,
И кожи нет, что пулями прострелена и ранена.

Ср. в «Зверинце» (1909): «...Где в лице тигра... с глазами пожилого мусульманина...»

На об. л. 108:

Недурно!
И много огня и даже бурно.

По свидетельству Р Якобсона, «Маркиза Дэзес» написана в результате изучения «Горя от ума» Грибоедова, чрезвычайно ценимого Хлебниковым (см. Собр. произв., т. IV, стр. 339). Указание Р. Якобсона очень точно. Разговорный стих «Маркизы Дэзес», в котором использованы формы прибауток, пословиц, поговорок, и сатирическая установка с реальными бытовыми адресами — восходят к комедии Грибоедова. Интонационный диапазон пьесы Хлебникова, разнообразие ритмических форм от классических размеров до раешника, неожиданные по смысловым сопоставлениям каламбурные рифмы — были основными источниками поэтики русского кубо-футуризма. А. Крученых в своих неопубликованных воспоминаниях «О Велимире Хлебникове» пишет: «... Садок Судей» I — мне попался впервые у В. Хлебникова. В этом растерзанном и зачитанном экземпляре я впервые увидел хлебниковский «Зверинец», непревзойденную, насквозь музыкальную прозу. Откровением показался мне и свежий разговорный стих его же пьесы «Маркиза Дэзес», оснащенный редкостными рифмами и словообразованиями». См. также в декларации сборн. «Садок Судей» II (СПБ., 1913): «...Хлебников выдвинул поэтический размер живого разговорного слова. Мы перестали *искать размеры в учебниках...»*

Отрывок из первопечатного текста (стр. 1 — 36) был перепечатан А. Крученых в сборн. Хлебникова «Ряв» (СПБ., 1913).

Одна из основных тем раннего Хлебникова — тема восстания вещей (см. также поэму «Журавль», 1909) — впоследствии была разработана В. Маяковским в пьесах «Владимир Маяковский» (1913) и «Мистерия-Буфф» (1918) и в поэме «150.000.000» (1919—1921).

К стр. 23—24. Ср. в повести Пушкина «Выстрел»: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые вишни и выплевывая косточки»...

К стр. 50 — 53. «Писатель» — поэт-символист Максимилиан Волошин, выступавший в качестве художественного критика (см. его статьи в журнале «Аполлон»). Реплика писателя представляет собой пародию предисловия М. Волошина к каталогу выставки Г. Лукомского, устроенной С. Маковским (25 октября — 2 ноября 1909 г.):

«...Приступая к выполнению намеченной программы, «Аполлон» имеет в виду осуществления того типа интимных выставок, который уже давно утвердился в Париже, Вене, Мюнхене и т. д. и стал насущной потребностью западноевропейской жизни. Такие малень-

кие, дающие четкий рисунок лица одного художника или одной струи в большом течении искусства или одной ноты в большом «Oeuvr'e» мастера, представляют необходимую поправку к тем органическим свойствам, отчасти обесцвечивающим большие и торжественные парады искусства, на которых тонет все интимное, тонкое, еще не возвысившее голос над толпой и поэтому особенно ценное». («Список рисунков и этюдов Г. К. Лукомского».) Ср. в реплике маркизы Дэзес (стр. 96—103). См. также характеристику М. Волошина в «сатире» Хлебникова «Карамора № 2-ой», также написанной в конце 1909 г.:

...Из теста помещичьего изваянный Зевес
Не хочет свой «венок» вытаскивать из-за молчания завес.

(Собр. произв., т. II, стр. 80).

К стр. 93. «Распорядитель» — С. Маковский, редактор «Аполлона», устроитель выставок в редакции журнала. См. в строке 176, где фамилия «Маковский» введена в текст (в первопечатной редакции было «таковский»). С. Маковский был активным противником нового искусства. См., например, его статьи о сборниках о-ва художников «Треугольник» и «Союз молодежи» в «Русской художественной летописи» (СПБ., 1912, № 12) и «Аполлоне» (СПБ., 1910, № 7 и 1913, № 7). Последняя статья содержит в себе издевательские нападки на Хлебникова.

К стр. 105—107. См. последнюю строфу стихотворения Ф. Сологуба «Собака седого короля» (Сборник «Пламенный круг», М., 1908):

Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

К стр. 134. «Жена, облеченная в солнце» — апокалипсический образ. См. в статьях Андрея Белого «О целесообразности» (1904) и Вяч. Иванова «Древний ужас» (1909), где мистический культ «вечной жены» противопоставлен позитивизму. Любопытно, что тема «жены, облеченной в солнце» была использована тем же А. Белым в одном из сатирических фрагментов 2-й драматической «Симфонии» (М., 1902): «жена, облеченная в солнце» — оказывается женой московского купца, а «грядущий зверь» — ее дочерью, которую одевали в костюм мальчика.

К стр. 177. «О, Рафаэль вино...» — французское вино «Сен-Рафаэль».

К стр. 268. Рифмующее слово втянуто в строку 269: утра́ — ветра.

К стр. 269. «Не «ять» и «е», а «е» и «и» — зашифрованная каламбурная рифма

смерьте — смерти.

См. также комментарий к стих. «Передо мною вонился вар...» (стр. 418—427).

СТИХИ

«Я видал: непрекаемость бовиичего» (стр. 89). Написано в начале 1908 г. Впервые напечатано в искаженном виде в сборнике Хлебникова «Творения» (М., 1914). Здесь печатается по автографу, хранящемуся в Гос. лит. музее в Москве (№ 1102/20, тетрадь I, об. л. 29).

«Плесквия дева водных дел» (стр. 90). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. I, об. л. 37).

«Усталость в новех» (стр. 91). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетрадь I, об. л. 39).

«Смертирей бевзыбких пляска» (стр. 92). Написано в начале 1908 г. Первые две строки, как отдельное двустишие, были напечатаны Д. Бурлюком в сборнике Хлебникова «Творения», М., 1914, стр. 35. Автограф в Гос. лит. музее (№ 1102/20, тетр. I, л. 53).

«Дувь воли холодных моря» (стр. 93). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, 1102/20, тетр. I, об. л. 53).

«Вьется звонкая чайка в красивой пустыне» (стр. 94). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. I, л. 56).

«И я свирел в свою свирель» (стр. 95). Написано в начале 1908 г. Впервые напечатано в сборнике «Творения», стр. 36. Автограф в Гос. лит. музее (№ 1102/20, тетр. I, об. л. 56).

«Гроб леунностей младых» (стр. 96). Написано в начале 1908 г. В искаженном виде опубликовано Д. Бурлюком в «Первом журнале русских футуристов», М., 1914, № 1—2, стр. 49. Автограф в Гос. лит. музее (№ 1102/20, тетр. I, л. 57).

«Жилец — бывун не в этом мире» (стр. 97). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей № 1102/20, тетр. I, об. л. 58).

«Мужуния и мужуния» (стр. 98). Написано в начале 1908 г. Напечатано в «Первом журнале русских футуристов», М., 1914,

№ 1—2, стр. 50. (Автограф в Гос. лит. музее № 1102/20, тетр. I, об. л. 60).

«Женун и женун» (стр. 99). Написано в начале 1908 г. Неправильный текст напечатан в «Первом журнале русских футуристов». М., 1914, № 1—2, стр. 50. Здесь печатается по автографу (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. I, об. л. 60).

«Россия забыла напитки» (стр. 100). Написано в начале 1908 г. Печатается по автографу (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. I, об. л. 62).

«Быстрые струений мигов» (стр. 101). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, об. л. 52).

«Землявых туманов умчался собор» (стр. 102). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, л. 57).

«Неголь сладко нежной сказки» (стр. 103). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, об. л. 71).

«Умночий и рабочий» (стр. 104). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, л. 85).

«Мы в суше сущие» (стр. 105). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, об. л. 90).

«Немь лукает луком немным» (стр. 106). Написано в начале 1908 г. Первая строфа помещена Д. Бурлюком в сборнике «Требник троих». М., 1913 (см. также Собр. произв., т. II, стр. 275). Здесь печатается по автографу (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, л. 109).

«Славязи негных дум» (стр. 170). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей № 1102/20, тетр. II, л. 104).

«Студа бесстыдных нег» (стр. 108). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, л. 114).

К стр. 1. Студа { Архангельск. — холод, мороз
Псковск. — стыд.

«Вид яри бледной дикой» (стр. 109). Написано в начале 1908 г. (Гос. лит. музей, № 1102/20, тетр. II, об. л. 116).

К стр. 2. Вир — по объяснению Хлебникова — течение (тетр. II, об. л. 75).

«Желанье смеянне» (стр. 110). Написано в марте 1908 г. Текст записан в письме к Вячеславу Иванову (см. стр. 354), содержащим в себе следующие вещи: «Желанье-смеянне», «Снегич узывный», «Там, где жили свиристели», «Неголи легких дум», «Негошь белых дней», «В яробе немоты», «И чирья чирков», «Лобоч бледности уст», «Прамень невинностей мора», «Вот струны», «Я любоч жем-

чужностей смеха», «Облакини плыли и рыдали», «В золоте борона вечера», «Охотник скрытных долей». (Автографы хранятся в отд. рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина.) Стихотворения «Там, где жили свиристели», «Неголи легких дум», «В яробе немоты», «И чирья чирков», «Прамень невинностей мора», «Я любоч жемчужностей смеха», «Охотник скрытных долей» — в неполном виде и с текстуальными искажениями были напечатаны Д. Бурлюком в сборн. «Требник троих» (М., 1913) и в книге В. Хлебникова «Творения» (М., 1914). Автографы, опубликованные Д. Бурлюком, хранятся в Гос. лит. музее в Москве (№ 1102/20, тетр. I, об. л. 56, тетр. II, л. 68, об. л. 65, л. 71, л. 74, об. л. 81, л. 94—95). В этих же тетрадях записаны первоначальные варианты «Желание-смеяние», «Снегич узывный», «Облакини», «В золоте борона вечера» (тетр. I, об. л. 33, л. 53, л. 15, тетр. II, л. 66).

В начале 1914 г. А. Крученых включил стихотворение «Неголи легких дум» и четверостишие «В яробе немоты» в цикл, объединивший ранние, «словотворческие» вещи Хлебникова и неправильно озаглавленный — «Нега-неголь» (см. «Изборник», СПБ., 1914 и Собр. произв., т. II, стр. 16, строки 1—21). Тексты отдельных вещей этого «цикла» записаны в тетрадях 1908 г., хранящихся в Гос. лит. музее.

В Собр. произв. две вещи, включенные А. Крученых в цикл, напечатаны также в отделе «мелких стихотворений» (См. т. II, стр. 16, 276, 277).

«Снегич узывный» (стр. 111). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние».)

«Негошь белых дней» (стр. 112). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние»).

«Любоч бледности уст» (стр. 113). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние».)

«Вот струны» (стр. 114). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние»).

«Облакини плыли и рыдали» (стр. 115). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние».)

«В золоте борона» (стр. 116). Написано в марте 1908 г. Печатается по беловому автографу. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние».)

К стр. 4. Кмет (архаическ., южно-русск.) — крестьянин, ратник.

«Охотник скрытных долей» (стр. 117). Написано в начале 1908 г.

Строки 3—4 напечатаны Д. Бурлюком в сборн. «Требник троих» (М., 1913). Первоначальный текст опубликован А. Крученых в «Неизданном Хлебникове», вып. VII. Автограф в Гос. лит. музее (№ 1102/20, тетр. I, об. л. 56, тетр. II, л. 71; см. также Собр. произв., т. II, стр. 278—279). Здесь печатается окончательная редакция по беловику, относящемуся к марту 1908 г. (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние»).

К стр. 3. Навик — уменьшительная форма от нав (архаическ., южно-русск., орловск. и калужск.) — мертвец, покойник.

«Там, где жили свиристели» (стр. 118). Написано в начале 1908 г. Неправильный текст строк 1—8 помещен Д. Бурлюком в сборн. «Требник троих» (М., 1913) и перепечатан в Собр. произв. т. II, Первоначальная беловая редакция записана в письме Хлебникова к Вяч. Иванову в конце марта 1908 г. (См. коммент. к стих. «Желание-смеяние».) Здесь печатается по автографу, находившемуся в распоряжении Д. Бурлюка.

К стр. 10. Морок (сибирск.) — мрак, мгла, омрачение ума.

К стр. 14. Вабный (архангельск.) — лакомый, заманчивый.

«Сутконогих табун кобылиц» (стр. 119). Написано во второй половине 1908 г. Составные эпитеты этого стихотворения, построенные на сочетании отвлеченного понятия и предмета, очень близки к стилю прозаических кусков («Искушение грешника» и др.), написанных в 1908 г. (См. Собр. произв., т. IV.) Печатается по автографу.

К стр. 1. Ср. в прозаическом отрывке: «...Ноги, как дни и ночи суток, меняют свое положение» (Собр. произв., т. IV, стр. 34.)

«Я славлю лёт его насилий» (стр. 120). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

К стр. 6. Стерх — белый журавль.

«В высь весь вас звала» (стр. 121). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«Гроб грёб» (стр. 122). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«На просторе между двумя тучами» (стр. 123). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«Из мешка» (стр. 124). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«Три чала» (стр. 125). Написано во второй половине 1908 г. Опубликовано в стеклографированном издании «Неизданный Хлебников». М., 1928, вып. VIII (Редакция А. Крученых). Здесь печатается по автографу.

«Молот» (стр. 126). Написано во второй половине 1908 г. Опубликовано в «Неизданном Хлебникове», М., 1928, вып. VIII. Здесь печатается по автографу. На том же листе записаны тексты стихо-

творений «Небес хребты» (см. собр. произв., т. II, стр. 281) и «Три чала».

«Нове я, как все» (стр. 127). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«Предательски извивен ящер» (стр. 128). Написано во второй половине 1908 г. Текст записан в тетради, заполненной следующими вещами: «Тает зов», «О, это взор», «Кубок сбит из длинных досок», «На кладбище», «Еще не пойманный». См. также в разделе «отрывков»: «О, женщины», «За дорогой», «[Мы], воины». Тетрадь сохранилась в неполном виде — часть текстов утрачена. Кроме перечисленных текстов, здесь мы находим черновик «словотворческой» вещи «Искушение грешника», напечатанной в октябре 1908 г. в журн. «Весна», и стиховые заготовки, использованные Хлебниковым в пьесе «Снежимочка», написанной в конце 1908 г.

«Тает зов» (стр. 129). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«О, это взор — сощурь» (стр. 130). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

К стр. 5. Пря (арханч.) — распря, спор, ссора.

«Кубок сбит из длинных досок» (стр. 131). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

«На кладбище» (стр. 132). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

К стр. 5. Голубец — крест с кровелькой.

«Еще не пойманный во взорах вор ник» (стр. 133). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу.

Сон лихача (стр. 134). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

К стр. 3. Бабурка — пестрокрылое насекомое, мотыль.

«Мирно величавый вид» (стр. 135). Написано в 1911 г. Печатается по автографу. Текст записан на об. листа, заполненного черновым текстом поэмы «Медлум и Лейли». (См. стр. 209).

«Мы сюда приходили, как нежные боги» (стр. 136). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

К стр. 11. См. в послесловии Хлебникова к поэме «И и Э». «Шестопер — это оружие, подобное палице, но снабженное железными или каменными зубцами» (Собр. произв., т. I, стр. 311).

«Как черное облако» (стр. 137). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

«О, город сон, предаиье самодержца» (стр. 138). Написано в 1911 г. Печатается по автографу. Текст записан на оборотной стороне листа, заполненного первоначальным текстом поэмы «Лесная дева».

«Как два согнутые кинжала» (стр. 140). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

К стр. 14. Руб (архаическ.) — ср. рубище.

«Наш кочень очень озабочен» (стр. 141). Впервые напечатано в сборнике «Миреконца» (М., 1912, ноябрь) с рисунком М. Ларионова. Художник, спутав слово «кочень» (кочан) с созвучным словом «кочет», изобразил петуха. Ту же ошибку повторил и Н. Кульбин в сборнике «Тэ-Ли-Лэ» (СПБ., 1914), где это двустишие было перепечатано. Написано в 1911 — 1912 гг.

Размышление разгратника (стр. 142). Написано в марте 1912 г. Текст записан на оборотной стороне пригласительного билета на вернисаж «Ослиного хвоста» (11 марта).

Ирония встреч (стр. 143). Написано, вероятно, в 1912 г. Печатается по автографу.

«Я победил» (стр 144). Написано летом 1912 г.; на том же листе запись Хлебникова, где перечислены все его вещи, напечатанные в 1908—1912 гг.

«Ночь полная созвездий» (стр. 145). Написано, вероятно, в 1912 г. Печатается по автографу.

«Где прободают тополя жесть» (стр. 146). Написано в августе 1912 г., во время пребывания Хлебникова в Чернодолинском имении графа Мордвинова у Бурлюков. Обращено к Надежде Д. Бурлюк. В Чернянке Хлебников впервые гостил летом 1910 г. См. в неопубликованном письме Д. Бурлюка к М. В. Матюшину (конец июля): «...Работаем мы это лето и много и мало. Все лето почти у нас писал М. Ф. Ларионов, был Хлебников, сейчас он уехал — Одесса, Люстдорф, дача Вурста».

В мае 1912 г. Хлебников снова жил в Чернянке. 14.VI.1912 Д. Бурлюк писал Н. Кульбину: «...у меня гостил Хлебников, сейчас уехал на время в Одессу» (неопубл. письмо). Из Одессы Хлебников во второй половине июля вернулся в Чернянку.

Печатается по автографу.

К стр. 13. Януся — Марианна, младшая сестра Д. Бурлюка.

«Месяц плывучий» (стр. 147). Напечатано в сборнике А. Крученых «Помада» (М., 1913, январь), где указано, что стихотворения «Месяц плывучий», «Небо душно и пахнет сизью и выменем» и «В мигов нечет» написаны, «совместно с Е. Луневым» (псевдоним Хлебникова). Написано в конце 1912 г.

«Небо душно» (стр. 148). Впервые напечатано в сборнике А. Крученых «Помада» (М., 1913). По свидетельству А. Крученых, последняя строка в первоначальной редакции, принадлежащей Хлебникову, была иной: «Я и так уже распят на западе ивами». Первоначальный вариант этой строки см. в стих. Хлебникова, написанном

в конце 1908 г. (См. Собр. произв., т. II, стр. 283, где текст искажен. Автограф у Ю. Д. Соколова).

В своем докладе «Новейшая русская литература», прочитанном 20 ноября 1913 г. в Петербурге, Маяковский цитировал это стихотворение, противопоставляя сниженный образ в строке 1 «кондитерским, парикмахерским образам» в поэзии символистов. (См. газ. «Россия», СПБ., 1913. 27 ноября).

Утренняя прогулка (стр. 151). Печатается по беловому автографу, датированному Хлебниковым «13 — 13»: 13 февраля 1913 г. — день рождения Надежды Д. Бурлюк, которой это стихотворение было подарено Хлебниковым.

К стр. 10. — «Крепыш» — знаменитый орловский рысак, получивший в феврале 1912 г. «интернациональный приз». 12 февраля 1912 г. на 1-м диспуте о современном искусстве, устроенном об-ом художников «Бубновый валет», выступали Д. Бурлюк (с докладом о кубизме) и М. Ларионов, заявивший о своем расхождении с «бубновалетовцами». По этому поводу фельетонист «Русского слова» писал: «Днем на ипподроме страшно «резались» метисы Бурлюк и Ларионов. А вечером в Большой аудитории Политехнического музея кубисты Крéпыш и Центурион разъясняли публике сущность своего «нового искусства». Первым пришел к столбу серый красавец Бурлюк — гордость художественной конюшни «Бубновый валет». (Газ. «Русское слово», М., 1912, 15 февраля). Ср. в воспоминаниях М. Бурлюк: «...На Бурлюке в тот вечер был темносерого цвета костюм, а «Крепыш» тоже был серого цвета»... (Сб. «Красная стрела», Нью-Йорк, 1932, стр. 13).

«Муха!» (стр. 152). Написано, вероятно, в 1913 г. Печатается по автографу.

«О, черви земляные» (стр. 153). Написано в 1913 г. Текст записан на листе того же формата и тем же почерком, что и стихотворения «И смелый товарищ шиповника» и «Бех». Над текстом стих. «И смелый товарищ шиповника» — следующая запись: «Д<ети> Выдры — Каменскому». «Дети Выдры» были закончены в 1913 г. Басня «Бех» в Собр. произв. неправильно помещена среди вещей 1916 г.

К стр. 2. «Настой из барвинка служит для целей ворожеи». (Примечание Хлебникова).

«И смелый товарищ шиповника» (стр. 154). Написано в 1913 г. Печатается по автографу. (См. коммент. к стих. «О, черви земляные».) Под текстом этого стихотворения записано следующее четверостишие:

Предтечи! Я сжатое поле!..
Жнецы в нем ходили с серпами

И вестью на воле.
Меня осудили цепами.

К стр. 9. Цекавый (польск.) — любопытный.

«Я вам внимаю, мои дети» (стр. 155). Впервые напечатано в брошюре А. Крученых «Чорт и речетворцы» (СПБ., 1913, конец ноября.) Написано в ноябре 1913 г. В своих неопубликованных мемуарах А. Крученых пишет: «Мою брошюру «Чорт и речетворцы» обсуждали вместе. Просматривали с ним уже написанное, исправляли, дополняли... Так мое нефтевание болот Сологубовщины Хлебников подкрепил четверостишием о недотыкомке... Здесь замечательна «Неть» — имя смерти».

«В дюжем ругательстве» (стр. 156). Написано в конце 1913 г. Печатается по автографу.

Песнь смущенного (стр. 157). Написано в конце 1913 г. По свидетельству А. А. Ахматовой, Хлебников в ноябре — декабре 1913 г. читал посвященное ей стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

...Поднявши руку длинную
Освещу созвездьем гостиную.

Это стихотворение было опубликовано А. Крученых в вып. XIII «Неизданного Хлебникова» среди черновых вариантов поэмы «Игра в аду». Ошибка А. Крученых объясняется тем, что текст стихотворения записан на обороте листа, заполненного текстом «Игры в аду». Здесь печатается по автографу.

«Сижу в остроге» (стр. 158). Написано в конце 1913 г. Печатается по автографу.

«И есть ли что мечей покорней» (стр. 159). Впервые напечатано в литографированном сборнике В. Хлебникова и А. Крученых «Тэ-Ли-Лэ» (СПБ., 1914, январь). Окончательная редакция относится к концу 1913 г. Это стихотворение по своей тематике и типу метафорических неологизмов близко к поэме «Война — смерть», напечатанной в сборнике «Союз молодежи» (СПБ., 1913, № 3, март).

Две начальные строки стихотворения входят в поэму «Внучка Малуши» (1909), впервые напечатанную в 1913 г.

У Л. И. Жевержеева, издателя сборн. «Союза молодежи», сохранился беловой автограф поэмы «Война — смерть» (1910), с поправками, внесенными Хлебниковым в 1912 г. Заглавие вписано рукой Д. Бурлюка, которому, повидимому, и принадлежит. В рукописном тексте Хлебниковым зачеркнут ряд кусков — предварительная «автоцензура».

Привожу куски, отброшенные Хлебниковым и Д. Бурлюком.
После строки 95:

Стекали красные росы,
Был страшен глаз спящий упор,
Казалось, с дальней бойни переносится
И над пугоком качается топор.

После строки 99:

Тогда огни толпу разили —
Негистели звенистелей —
То пленных отроков узили
Когда бичи, бия, свистели.

Слово «огни» вписано вместо первоначального «войска».
После строки 103:

Любно, братно, ровно,
Которые звало уставшее зовно,
Вы к нам пришли в последних трупах,
Застывших в разнообразно страшных купах.

После строки 129:

Иссякла ль русская ведава?
Поет мятежная ходава.
О были небылимой ходатири поют,
И в них нашли навини свой уют...

Исправляем здесь опечатки первопечатного текста. Правильное чтение строк 53, 62, 140, 146, 161:

И дольний выстрел пророкочет

О время, — вайс ли покоя

И пуст некогда благословляемый очаг

Он вселеннебро разверзнув крыл

Но тот: «Не можем, говорю».

В первопечатном тексте строки 114, написанной четырехударным ямбом, отсутствует начальный слог (союз «и»), изъятый, вероятно, корректором.

Правильный текст

И сладок, думает горирь

Строки 21—24, 1—12, как самостоятельное стихотворение, впервые напечатаны в сборн. А. Крученых и В. Хлебникова «Мирсконца» (М., 1912, ноябрь). Под заглавием «Война» перепечатано в «Изборнике» Хлебникова (СПБ., 1914), с вариантом стр. 23.

«Сегодня снова я пойду» (стр. 160). Впервые напечатано в статье В. Маяковского «Теперь к Америкам!» (газ. «Новь», М., 1914, № 115, 15 ноября). Вторично приведено Маяковским в некрологе «В. В. Хлебников», журн. «Красная новь», М., 1922, кн. 4. См. также в статье Н. Асеева «В. В. Хлебников» (Журн. «Творчество», Владивосток, 1920, № 2 (июль), стр. 26.) Ни в один из сборников Хлебникова это четверостишие не вошло.

В своих докладах и статьях 1913—1914 гг. Маяковский неоднократно цитировал стихи Хлебникова. См. в воспоминаниях Д. Бурлюка: «...Маяковский на лекциях пользовался некоторыми стихами Хлебникова, как полемическим оружием, в защиту новой формы» (сб. «Красная стрела», Нью-Йорк, 1932, стр. 11). Стихи Хлебникова Маяковский цитировал по памяти, иногда давая своеобразный пересказ хлебниковского текста. (См., например, в статьях 1914 г. «Без белых флагов», «Война и язык», Полное собр. соч., М., 1935, т. I.)

Жены смерти (стр. 161). Печатается по автографу, датированному Хлебниковым: 22.IX.915. Первоначальное заглавие зачеркнуто: Песня мав. Вне основного текста записаны «варианты» строк 13—15, построенные на составных рифмах:

Свист дудки могил, не дыша, лью,
Закутана <серою> шалью.

Кувшин мертвеца без труда лью,
Охвачена белою далью.

Жемчужные капли с меча лью,
Охвачена странной печалью.

«Меня не трогают» (стр. 163). Написано в 1915 г. Главки 2 и 3 в измененной редакции напечатаны как отдельное стихотворение

в сборн. «Ошибка смерти» (М., 1917, вышел в конце 1916 г.); включено также в поэму «Война в мышеловке». Вариант главки 2 воспроизведен Д. Бурлюком в сб. «Красная стрела», Нью-Йорк, 1932.

Печатается по беловому автографу. Под строкой 8, не зачеркнутой Хлебниковым, вписан параллельный вариант: «Пехотинца бежавшего прочь!», совпадающий с более поздним текстом в сб. «Ошибка смерти». Другой вариант этого стихотворения помещен в посмертном сборнике Хлебникова «Стихи», М., 1923. Сохранился также черновик публикуемого здесь текста.

К стр. 18. Светлейший — кн. Г. А. Потемкин-Таврический.

К стр. 21. Турецкая крепость Очаков после многомесячной осады была взята войсками Потемкина в декабре 1788 г.

«Пусть нет еще войск матерей» (стр. 164). Написано в конце 1915 г. Варианты 5 и 10 строк были использованы, как цитата, в статье Д. Варравина «О стихе В. Хлебникова», напечатанной в сборнике «Московские мастера» в апреле 1916 г. Сохранились также черновой вариант этого стихотворения и в неточной транскрипции Д. Петровского черновик стихотворения, датированного 26—27.X.1917, с вариантами строк 5—8. В этих черновиках есть строки, совпадающие и с 28—35 строками «Морской песни» (сборник «Без муз», Нижний Новгород, 1918).

«Лютиков желтых пучков» (стр. 167). Написана в конце 1915 г. одновременно с предыдущим. (Тексты обоих стихотворений записаны на одном листе почтовой бумаги.)

«Моя так разгадана книга лица» (стр. 168). Написано, вероятно, в начале 1916 г. Печатается по копии с белового автографа, сделанной в 1916 г. Д. Петровским.

«Где как волосы девицыны» (стр. 169). На автографе дата рукой Д. Петровского: «Царицын. Национал. Гостин. 19 мая 16-го года». Ср. письмо, посланное Хлебниковым Петровскому в апреле 1916 г.: «Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Царицын, 93 зап. пех. полк, вторая рота, Виктору Владимировичу Хлебникову» (Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926, стр. 17). 8 апреля 1916 г. (см. стих. «Печальная новость» — сб. «Временник» I, изд. в Харькове в конце 1916 г.) приехавший в Астрахань Хлебников был призван на военную службу и отправлен в Царицын.

Отсюда он послал своим литературным соратникам — Н. Кульбину, Д. Бурлюку, Д. Петровскому письма с просьбой бросить ему «спасательный круг». 5 мая 1916 г. Д. Бурлюк писал Н. Кульбину: «...Хлебников в Царицыне в роте штрафных — солдатствует! Его письмо — кошмар, пришлю копию». (Архив Гос. Русского музея в Ленинграде.) Письмо Хлебникова к Д. Бурлюку, повидимому, не

Имя Викторъ

Отчество Владиміровичъ

Фамилія Хлѣбниковъ

На службѣ съ „ ... 191... г.

На правахъ

В полку съ 28 Апрѣля 1916 г.

Изъ сословія пот. поч. граждан

Губерніи Астраханской

Уѣзда

Города или волости

Села или деревни

Вѣроисповѣданія

Холостъ или женатъ холостой

Знаетъ мастерство литератор

Грамотенъ ли грамотен.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Ефрейторомъ съ ... 191 ... г.

Младш. унтеръ-офицеромъ съ ... 191 ... г.

Старш. унтеръ-офицеромъ съ ... 191

Военный билет В. Хлебникова (1916).

сохранилось. Благодаря хлопотам Н. Кульбина участь Хлебникова была облегчена, и в июне он был переведен в Астрахань.

Стихотворение было напечатано А. Крученых в вып. I-II «Неизданного Хлебникова».

«Татлин, тайновидец лопастей» (стр. 170). Написано в конце мая 1916 г. в Царицыне. 25 мая 1916 г. Хлебников и приехавшие в Царицын Татлин и Д. Петровский устроили в «Доме науки и искусств» вечер, на котором военное начальство Хлебникову не разрешило участвовать. Написанную Хлебниковым лекцию «Чугунные крылья» читал Д. Петровский. (См. Д. Петровский. Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926, стр. 18—21). Печатается по автографу, хранящемуся у В. Е. Татлина.

К стр. 11. «...жестяные кистью вещи» — Хлебников имеет в виду живописные рельефы и угловые контр-рельефы В. Татлина. По свидетельству В. Е. Татлина, Хлебников в марте 1916 г. посетил футуристическую выставку «Магазин», организованную Татлиным в Москве. Кроме того, работы В. Татлина Хлебников видел в декабре 1915 г. в Петрограде на «Последней футуристической выставке картин» (0,10)».

2 ноября 1917 г. Хлебников совместно с Татлиным составил программу постановки трех своих пьес: «Ошибка смерти», «Госпожа Ленин» и «13 в воздухе». Спектакль этот не состоялся.

Смерть коня (стр. 173). Написано в 1918—1919 гг. Рукопись представляет собой беловик по старой орфографии с поправками, внесенными позднее (новая орфография). Вещь под таким заглавием упоминается в плане «Сестер молний», переданном Хлебниковым Р. Якобсону весной 1919 г. (См. Собр. произв., т. III, стр. 380—381.)

Строки 6—7 вписаны вместо зачеркнутых:

Рука погладит мне гриву,
Как ветер осеннюю ниву.

«Москвы колымага» (стр. 174). Впервые напечатано в сборнике имажинистов «Харчевня зорь» (М., 1920) с датой: «Апрель. 1920». Написано в апреле 1920 г. в Харькове, где Хлебников встречался с приехавшими Есениным и А. Мариенгофом. 19 апреля в Городском театре имажинисты устроили шутовский церемониал посвящения Хлебникова в «председатели земного шара». (См. А. Мариенгоф. Роман без вранья. Л., 1927, стр. 79—82). Знакомство Хлебникова с С. Есениным относится к концу 1917 г. В записной книжке Хлебникова 1916—1918 гг. есть следующие записи, датируемые маем 1918 г.: «...Есенин... Казань ехать с Есениным... Есенину статьи...» Совместная поездка с Есениным в Казань не состоялась.

Стр. 9 представляет собой цитату из стихотворения С. Есенина «Преображение» (1918), которым открывается одноименный сборник его стихов (М., 1919). 28 мая 1919 г. эта строка в виде эпатажного «кощунственного» лозунга была написана имажинистами на стене Страстного монастыря в Москве.

«Россия, хворая, капли донские пила» (стр. 175). Впервые напечатано в сборнике «Мир и остальное» (Баку, конец 1920 г.). Участники сборника — Хлебников, А. Крученых и Т. Толстая-Вечорка. См. в «Воспоминаниях о Хлебникове» Т. Вечорки. «В то время ему [Хлебникову] очень хотелось печататься. Но нельзя было. Особенно хотелось видеть напечатанной большую статью... хоть на машинке. Но было некогда и негде, так я и возвратила ему рукопись. Напечатали только в 20 экз. сборник «Мир и остальное», куда он был готов отдать свою толстую книгу, плюс много листочков. Но машинистка ворчала, и пришлось отобрать только 6 стихотворений». (Записная книжка Велимира Хлебникова. Собрал и снабдил примечаниями А. Крученых. М., 1925, стр. 25). Кроме перепечатываемого здесь стихотворения, в сборнике помещены первоначальные варианты следующих произведений, относящихся к 1920 г.: «Воет судьба улюлю», «Мощные свежие до нага», «Леляною ночи, лелявою грусти», «Море» (см. Собр. произв., т. III) и «Три сестры». (Собр. произв., т. I, и журн. «Маковец», М., 1922, № 2).

В «Гросбухе» Хлебникова записан более поздний, но не вполне доработанный вариант.

Алеше Крученых (стр. 176). Впервые напечатано в сборнике А. Крученых «Мятеж», кн. I, Баку, 1920. Перепечатано в сборниках «Стихи вокруг Крученых» (Баку, 1921) и «Заумники» (М., 1922). Вариант опубликован в посмертном сборнике В. Хлебникова «Стихи» (М., 1923). Здесь печатается по беловому автографу, датированному «26.10.920».

К стр. 2. Хорошеуки — по объяснению Хлебникова — хорошему учащие. (См. «Неизданный Хлебников», М., 1930, вып. XVI, стр. 17.)

«Кто-то дикий, кто-то шалый» (стр. 177). Впервые напечатано в сборнике «Стихи вокруг Крученых» (Баку, 1921) без двух заключительных строк. В комментарии к «Записной книжке В. Хлебникова» А. Крученых писал: «В Баку, в 1920 г. Серг. Городецким была поднесена мне «Завертиль». Убил Ейная книга (ко дню 10-тилетнего юбилея)». Стихотворение «Кто-то дикий, кто-то шалый» записано возле рисунка Городецкого, где изображен А. Крученых «в очень нервном виде, идущим по городской улице». Под стихотворением приписано Хлебниковым: «10-летний «праздник ажи» и дата «25 дек. 1920г.». Здесь печатается по автографу.

«Разрушающий порядки» (стр. 178). Впервые напечатано в сборнике «Стихи вокруг Крученых» (Баку, 1921). Написано в конце декабря 1920 г. Здесь печатается по автографу («Завертиль, Убил Ейная книга», хранящаяся у А. Крученых).

«Замороженный Озирис» (стр. 179). Впервые напечатано в сборнике «Стихи вокруг Крученых» (Баку, 1921). Перепечатано в сборнике «Заумники» (М., 1922). Написано в конце декабря 1920 г. Здесь печатается по автографу («Завертиль»).

К стр. 5. Голошанный — голый, бедный.

«Б» (стр. 180). Написано в конце декабря 1920 г. Опубликовано А. Крученых в «Записной книжке В. Хлебникова» (М., 1925).

К стр. 4. Мирза-Баб-Али-Мохаммед, в 1840—1849 гг. выступил как реформатор исламизма, объявил себя апостолом и назвался Бабом («врата на небе»), был казнен. Основанная им религиозная секта получила название бабидов.

См. в письме Хлебникова, посланном из Энзели 14.IV.1921 г.: «...уезжая из Баку, я занялся изучением Мирза-Баба, персидского пророка, и о нем буду читать для персов и русских...» (Собр. произв., т. V, стр. 320).

Энвер-Бей (1883—1922) — виднейший деятель младотурок. С 1913 г. военный министр и фактический диктатор Турции. После победы Антанты скрылся за границу.

К стр. 5—6. См. в воспоминаниях Хлебникова о его пребывании в Баку в конце 1920 г.: «...я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития вместе с Доброковским... Громадная надпись «Доброкузня» была косо нацарапана на стене, около ведер с краской лежали кисти, а в ушах неотступно стояло, что если бы к нам явилась Нина, то из города Баку вышло бы имя Бакунина. Его громадная лохматая тень висела над нами». (В. Хлебников. Отрывок из «Досок судьбы», I. М., 1922, стр. 3). Ср. также в стихотворении «И чередой»:

Ныне в Баку
Нина Бакунина.

(Собр. произв., т. V, стр. 71.)

Самострел любви (стр. 181). Впервые напечатано в сборнике «Стихи вокруг Крученых» (Баку, 1921), с посвящением Н-вой. Здесь печатается по автографу с датой: «25.1.21 г.»

«Очапа-мочана» (стр. 182). Напечатано в журнале «Искусство», Баку, 1921, № 2—3, октябрь, стр. 18—19. Написано летом 1921 г. Первоначальные варианты строк 7—8, 14—16, 18 — в недоработанной поэме «Труба Гуль-Муллы». (См. Собр. произв., т. I, стр. 238, 240, 245.) Здесь печатается по беловому автографу, хранящемуся у

С. М. Городецкого. Среди бумаг Хлебникова сохранился первоначальный текст этого стихотворения.

К стр. 7—8. Ср. прозаическую параллель в письме Хлебникова к родным (Энзели, май, 1921 г.) «...Берег Ирана устлан тухлыми судаками и сомами» (Собр. произв., т. V, стр. 321).

К стр. 17. Гуль мулла (персидск.) — священник цветов.

К стр. 22. Урус дервиш. См. воспоминания С. Городецкого в некрологе «Велимир Хлебников»:

«...В Персии его называли «Урус дервиш» — русский дервиш. В Персии он питался тем, что выбрасывало море. В городах, если его не брали на попечение друзья, жил не лучше. В Энзели он продал рубаху и штаны за один туман, чтобы купить еду, оделся в мешки, но, встретив нищую, отдал ей тут же свой туман. Красноармейцы, матросы, крестьяне любили его братски, персы и курды тоже». (Газ. «Известия ВЦИК», М., 1922, № 147.).

«Тайной вечери глаз» (стр. 183). В посмертном сборнике В. Хлебникова «Стихи» опубликован первоначальный вариант, датированный: 16.II.1921. В «Гросбухе» (1921 г.) записаны две «промежуточных» беловых редакции с той же датой.

Печатаемая здесь окончательная редакция относится к началу 1922 г. Варианты строк 12—15 входят в незаконченную вещь «Кто он Воронихин столетий» (Собр. произв., т. V, стр. 104).

Беловой автограф предоставлен Амф. Решетовым, который заведывал литературным отделом журнала «Маковец». В своих неопубликованных воспоминаниях Амф. Решетов пишет о том, как он получил рукописи от Хлебникова в начале 1922 г.: «...Я зашел за материалом для второго номера «Маковца». Хлебников выволок из-под кровати картофельный мешок, набитый рукописями, и тихо предложил выбрать. Мешок был набит листками, исписанными почерком Хлебникова. Я вынул наудачу несколько разрозненных листков, лежащих сверху. Они были формата почтовой бумаги, с оборванным левым краем, видимо вырванным из тетради. Всего было семь листков, исписанных с двух сторон, они содержали 278 стихов. Стихотворения были пронумерованы. На вынутых листках были нумера: 5, 6, 7, 8, 9, 18, 19 и 20. Перед первым стихотворением, помеченным № 5, три строки предыдущего стихотворения. Недостающих листков я в мешке не нашел».

Стихотворение «Тайной вечери глаз» в тетради Хлебникова помечено № 7. Перед № 5 записаны заключительные строки стихотворения «Сыновеет ночей синева», впервые напечатанного в сборн. «Булань» (М., 1920), где оно датировано 1920 г. (Собр. произв., т. III). Под № 5 — канонический текст стихотворения «Будущее», впервые опубликованного в посмертном сборнике В. Хлебникова «Стихи» (Собр. произв., т. III). Под № 6 — окончательная

редакция стихотворения «На глухом полустанке», напечатанного в Собр. произв., т. III, с датой: «14.XII.21 г.». Под № 19 — окончательная редакция поэмы «Три сестры».

«Где море бьется диким неуком» (стр. 184). Это стихотворение полностью входило в черновой текст поэмы «Уструг Разина», законченной в начале 1922 г. (См. Н. Степанов. Наследие Велимира Хлебникова. Журн. «На лит. посту», М., 1927, № 22—23, стр. 87.) Здесь печатается по беловому автографу, предоставленному Амф. Решетовым (в тетради Хлебникова под № 8).

К стр. 1. Неук — невыезженная лошадь.

«На нем был котелок вселенной» (стр. 186). Печатаемая здесь окончательная редакция относится к началу 1922 г. Автограф предоставлен Амф. Решетовым (тетрадь Хлебникова, № 9). Черновой текст (строки 1—19) опубликован в Собр. произв., т. V, в отделе черновиков 1919—1921 гг.

К стр. 21. См. прозаическую параллель в декларации, напечатанной в сб. А. Крученых «Мятеж» (Баку, 1920) и в брошюре Хлебникова «Доски судьбы» (М., 1922, лист 3-й, стр. 42).

«Мой череп путестан» (стр. 187). Написано в конце 1921 г. Печатается по беловому автографу 1922 г., предоставленному Амф. Решетовым (тетрадь Хлебникова, № 18). Это стихотворение в первоначальной редакции вошло в «Зангези».

«Я вспоминал года» (стр. 188). Написано в конце 1921 г. Первоначальные варианты строк 7—35 входят в черновой текст поэмы «Горячее поле» (главка 29-я). Печатается по беловому автографу 1922 г., предоставленному Амф. Решетовым (тетрадь Хлебникова, № 20). Вариант последней строфы см. в стихотворении «В щеки и очи» (Собр. произв., т. III, стр. 154).

К стр. 47. Шереметев А. Д., граф — дирижер и композитор. С 1902 г. начальник придворно-певческой капеллы.

К стр. 53—57. Здесь Хлебников имеет в виду поражение русской революции 1905 г.

В Кремле происходило коронование русских императоров.

«Русь певучая в месяце Ай» (стр. 190). Написано осенью 1921 г. Печатается по автографу («Гросбух»). Вариант см. в Собр. произв., т. III.

«Завод» (стр. 192). Написано осенью 1921 г. (На обор. стор. листа записан вариант стихотворения «Голод», Пятигорск, 1921). Первоначальный текст с искажениями в строке 21 напечатан в Собр. произв., т. III, стр. 89.

Дерево (стр. 193). Написано в начале ноября 1921 г. В тетради, где записан беловой текст этого стихотворения, сохранился также незаконченный и зачеркнутый вариант под тем же заглавием:

Стыди<шься>, дерево, земли,
Как сын, купивший сапоги,
Срамится нищей своей матери.
[Как человек не от мира сего,
Уходишь в высоту
И убегаешь праха.]

См. комментарий к поэме «Шествие осеней Пятигорска».

«Перед закатом в Кисловодск» (стр. 194). Печатается по беловому автографу со следующим посвящением: «Калерии Арсеньевне Виноградовой на (красн) (скобка) (черта) <?> в день именин, проведенных на Дмитровской, 42, от В. Хлебникова. (Он погиб, не умея писать посвящения.)» Под текстом стихотворения надпись: Velamir Chlebnikов и дата: «10.X.21 г.» На правой стороне листа приписано: «5 гор» — Пятигорск, где в это время жил Хлебников. (Автограф находится в Гос. Лит. Музее в Москве, № 3911/8). Первоначальная редакция этого стихотворения, близкая к беловому тексту, датирована «9.XI.21.».

К стр. 19. Бабка К. А. Виноградовой (урожд. Травиной) была сестрой великого русского математика.

К *стр. 23—24. По свидетельству* К. А. *Виноградовой*, Хлебников, приходя к ней и к ее мужу Н. Г. Виноградову, пил вино из серебряной рюмки-боченка. По ее же словам, Хлебников любил рассматривать принадлежавшую ей металлическую копилку: боченок, к которому прижалась передними лапами собачка.

«Пусть пахарь, покидая борону» (стр. 195). Написано в конце 1921 г. Первоначальная редакция опубликована в Собр. произв., т. III. Здесь печатается по беловому автографу 1922 г.

К стр. 13—18. Ср. прозаическую параллель в статье «Предложения», написанной в 1920 г. (Собр. произв., т. V, стр. 161.)

«Дикарей докарай!» (стр. 196). Написано в начале 1922 г. Печатается по беловому автографу.

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

I. Поэмы

«Передо мной варился вар» (стр. 197). Написано осенью 1909 г., в период сближения с кружком Вячеслава Иванова, куда Хлебников вошел в мае того же года. «Передо мной варился вар» представляет собой своеобразное «протокольное» описание «среды» у В. Иванова.

В. Иванов, которому Хлебников послал стихи еще до своего приезда в Петербург, по свидетельству самого Хлебникова, «весьма сочувственно отнесся к его начинаниям». (См. Собр. произв., т. V, стр. 286). По приезде в Петербург Хлебников стал постоянным посетителем «башни» В. Иванова, где, кроме литературных собраний по средам, дважды в месяц собиралась так называемая «Академия стиха». Здесь Вячеслав Иванов читал молодым поэтам лекции по теории стихосложения и анализировал их стихи.

С октября 1909 г. заседания «Академии стиха» («Общество ревнителей художественного слова») начали происходить в редакции только что основанного журнала «Аполлон».

В качестве докладчиков в 1909—1910 гг. выступали В. Иванов, И. Анненский, Ф. Зелинский и др. В совет «Общества ревнителей художественного слова» были выбраны В. Иванов, И. Анненский, А. Блок, М. Кузмин, С. Маковский и В. Брюсов. (См. «Письма Блока к родным». Л., 1927, I, стр. 277).

13.XI.1909 г. Хлебников писал: «...я член Академии стиха, очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах. Одна моя вещь будет напечатана в февральском номере «Аполлона» (Собр. произв., т. V, стр. 287—288). Повидимому, первые литературные опыты Хлебникова были сочувственно встречены только В. Ивановым и М. Кузминым. Так, например, А. Блок, упоминая в письме о заседании «Академии стиха» 26.X.1909 г., писал о том, что после доклада Вяч. Иванова «разбирали плохие стихи» (Письма, т. I, стр. 278). Есть основания предполагать, что на этом заседании читал свои стихи и Хлебников.

Связь Хлебникова с поэтами «Аполлона» была кратковременной (октябрь—декабрь 1909 г.). Уже в письме, относящемся ко второй половине января 1910 г., Хлебников писал: «В Академии стиха две недели не был»... (Собр. произв., т. V, стр. 290). Вещь Хлебникова (вероятно, «Зверинец») в февральском № «Аполлона» напечатана не была.

Новаторские тенденции, проявившиеся уже в ранних вещах Хлебникова, ориентировавшегося на неканонические жанры фольклорной поэзии (раешник, былина), встретили враждебное отношение со стороны большинства участников «Академии стиха». Ироническое высказывание об опытах Хлебникова зафиксировано самим поэтом в строке 124 «сатиры» «Передо мной варился вар»:

...Вы ловко похитили у раешников меру.

Окончательный разрыв Хлебникова с «Академией стиха» произошел в феврале 1910 г. К этому времени в Петербург вернулся В. Каменский. (См. «Его — моя биография», М., 1918, стр. 100.)

Первое выступление Хлебникова в печати состоялось при поддержке В. Каменского, редактировавшего журнал «Весна» (СПБ.) 18 октября 1908 г. Хлебников писал В. В. Хлебниковой: «Я пишу о себе; вчера имел счастье видеть свое произведение «Искушение грешника» в печати в «Весне». Моя путина в полях славобы будет торна, если будет охота идти». В начале 1909 г. В. Каменский, занимавшийся живописью, сблизился с группой художника Н. Кульбина (Е. Гуро, М. Матюшин, Э. Спандиков, И. Школьник, А. Балльер, Б. Григорьев и др.), которая в марте того же года устроила выставку «Треугольник». Одновременно в Петербурге была открыта другая выставка художников-новаторов, организованная художником и поэтом Д. Бурлюком, «Венок Стефанос» (Д. Бурлюк, В. Бурлюк, А. Лентулов и др.). Тогда же состоялся блок этих художественных группировок (Хлебникова в то время в Петербурге не было). Незадолго до открытия объединенной выставки «Треугольника» и группы «Венок Стефанос», в феврале 1910 г., В. Каменский привел Хлебникова к Е. Гуро и М. Матюшину, у которых Хлебников впервые встретился с приехавшим в Петербург Д. Бурлюком. См. в неопубликованных воспоминаниях Д. Бурлюка: «...Через несколько дней после этой встречи я отправился за Хлебниковым на Волково кладбище, где он жил у купца на уроке за комнату, чтобы перевезти его к себе на Каменноостровский...»

Любопытно, что на выставке «Треугольник» (март, 1910) в отделе рисунков и автографов русских писателей, преимущественно классиков и поэтов-символистов, были экспонированы рукопись и рисунок В. Хлебникова (см. каталог): факт, свидетельствующий о канонизации Хлебникова его литературными соратниками. К открытию выставки было приурочено издание сборника «Студия импрессионистов» (ред. Н. Кульбина), где, наряду с полудиллетантскими произведениями, были впервые напечатаны стихи Хлебникова, Д. Бурлюка и Н. Бурлюка. Новаторские опыты художников и поэтов «Студии импрессионистов» получили резко отрицательную оценку в журнале «Аполлон». (См. в статье С. Маковского «Художественные итоги» и в хронике «Художественная жизнь», 1910, № 7.) Наконец, во второй половине апреля 1910 г. вышел первый боевой сборник поэтов-будетлян «Садок судей», изданный в количестве 300 экз. Участники сборника: Хлебников, Елена Гуро, Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, В. Каменский, Екатерина Низен, С. Мясоедов, А. Гей (Александр Городецкий). В сборнике были воспроизведены рисунки В. Бурлюка — портреты будетлян. По свидетельству В. Каменского, заглавие, предложенное А. Ремизовым — «Песьеголовцы с единым оком», было отвергнуто Хлебниковым, давшим

сборнику название. Ср. в воспоминаниях Д. Бурлюка: «...благодаря ненависти, насмешкам окружающих... ясно стало, что мы — новое племя! Ремизов назвал нас опричиной русской литературы. «Вы песьеголовцы!»... Началась непримиримая война за новое в искусстве» (Журнал «Творчество», 1920, № 1, стр. 13).

О первом литературном выступлении будетлян В. Каменский писал: «Мы великолепно понимали, что этой книгой кладем гранитный камень в основание «новой эпохи» литературы, и поэтому постановили: 1) разрушить старый синтаксис, выкинуть... букву «ять» и твердый знак; 2) напечатать книгу на обратной стороне комнатных дешевых обоев, — это в знак протеста против роскошных изданий... 3) по выходе книги... читать вещи и пропагандировать о пришествии «будетлян» (от слова «будет», по Хлебникову). («Путь энтузиаста», М., 1931, стр. 133). Сборник будетлян был враждебно встречен представителями старшего литературного поколения. Так, например, В. Брюсов писал:

«...Почти за пределами литературы стоит «Садок судей». Сборник переполнен мальчишескими выходками дурного вкуса, и его авторы прежде всего стремятся поразить читателя и раздразнить критиков (что называется épater les bourgeois). Такая дорога может вести к добру лишь тогда, когда с нее решительно сворачивают. Авторам «Садка», как кажется, еще далеко до этого»... (Журн. «Русская мысль», М., 1911, № 2, стр. 230.) В «Аполлоне», вместо рецензии, была помещена издевательская заметка в «юмористическом» отделе журнала (1910, № 12, стр. 57—58).

Печатаемая нами вещь чрезвычайно близка к «сатире» Хлебникова «Карамора № 2-ой» (ноябрь, 1909), отрывок из которой был опубликован Д. Бурлюком под заглавием «Петербургский «Аполлон» в 1914 г.

Обе вещи написаны «вольным размером» (термин Хлебникова), близким к раешнику и басенному стиху.

«Карамора № 2-ой» представляет собой памфлет, направленный против «Аполлона» и «Академии стиха» и в частности против поэта «сатириконца» П. Потемкина, как представителя поэтического «западничества»:

Тщательно застегнутый на золотые пуговицы,
Он был, как военный, строен и других выше.
Волосатое темя подобно колену.
Слабо улыбаются желтые зубы.
Смотрите! приподнялись длинные губы
И похотливо тянут гроб Верлена.

Полемическая направленность «сатиры» Хлебникова заострена литературно-бытовыми намеками:

...И вдруг в его глазах, тщетно просящая о пощаде, вспыхивает,
мяуча страшно, кошка,
Искажая облик лица в общем пригожего.

Здесь Хлебников имеет в виду скандальный судебный процесс «кошкодавов», где в качестве одного из главных обвиняемых был П. Потемкин. (См., напр., газ. «Вечер», СПБ., 1908, №№ 145, 146, октябрь.) См. также в литературных воспоминаниях Андрея Белого:

«В петербургских газетах разоблачали писателей-хулиганов: где-то стали пропадать кошки; что же оказалось? Компания литераторов (назывались небезызвестные имена модернистов, как-то Потемкина), собираясь пьянствовать у какого-то фрукта, истязала-де кошек»... (Между двух революций. Л., 1934, стр. 197).

Автограф стихотворения «Передо мной варился вар» дает «промежуточную» редакцию с многочисленными вставками и черновыми наслоениями.

Вариант строк 1—11 помещен Д. Бурлюком в сборн. Хлебникова «Творения» (М., 1914) под заглавием «Поэт», с рисунком В. Бурлюка (см. также Собр. произв., т. II, стр. 262—263).

Конец вещи Хлебников предполагал переработать. Приводим текст заготовки:

— Вы богородица?
— Да, я богородица.
— Садитесь, не хотите ли вина?
Может, вы любите какие-нибудь блюда?
О, только спросите и ответь<те> люблю? да?
Здесь нет прибора.
Нисса, подайте прибор богороднце!
— Извините — моя вина — я не знаю, в чем моя вина.
Ах, вы не желаете вина?
Ну, тогда, может быть, вы хотите чаю?
— Я чаю воскресения мертвых.
— Ах, вы не хотите чай.
Ну, тогда так посидите.
Я хотела бы вам сказать: за мной идите.

Привожу также ряд кусков, место которых в контексте установить невозможно.

Против строк 60—63:

Мальчик с губками тучными,
Мальчик с глазками скучными,

Зачем ты смотришь в сто<рону> Вя̆ч<еслава>
нескромным взглядом.
Здесь есть живые.
Мы с тобою рядом сядем,
Тольк<о> не склоняй старат<ельно> выи.
В стар<ой> <домовине>
С тобой м<ы> с<ядем> ныне.

Против строки 70:

Аббат
Глазам<и> бьет тревожны<ми> в набат.

«Аббат» — прозвище М. А. Кузмина, данное ему участниками кружка Вячеслава Иванова.

Против строк 94—95:

И для сидящего учнмца его россказни
Являя<лись> нов<ым> вид<ом> египетск<ой> казни.

Против строк 80—97:

Вот не просто простой,
Изысканно толстый Толстой,
Точно сошедший с дагеротипа писателей 40-х годов.
Всегда стихи читать готов.
О, как я рад, бывая вас у.
Вы для меня глоток красивого квасу.
Когда красив, и гол, и потен,
Я в бане восседаю до грехопадения полотен.
Он с чувством жмет руку
<нрзб.> Аминзуку.
Но не знали ли предел те, кто бы<лй> изумлены,
Когда узнали, что обры были поклонники белены!
И, чувствуя истому,
Изысканный бродит Толстой.
К Толстому
Подходят толпою густой
Здесь Гумилев, Потемкин, Ауслендер, Гюнтер, я.
И каждому из нас с мечтательной улыбкой
Лавровый венок из лавровы<х> <листьев> муз предлагает
насмешливая семья.
Слепой ужасный выбор.
Иль не бледнели, выбирая, вы бы?

Один для тех, кто взоро<м> дики и вещи,
Другой для кидания в щи!

Ср. в письмах Хлебникова от 16 и 23 октября 1909 г. (Собр. произв., т. V, стр. 286—287).

К ст. 2 отрывка. А. Н. Толстой в то время выпустил книгу стихов «Лирика» (СПБ., 1907). Его стихи и рассказы печатались в журн. «Аполлон». Стихи А. Н. Толстого, написанные в 1909—1910 гг. и вошедшие в его сборник «За синими реками» (М., 1911), перекликаются с ранними произведениями Хлебникова (фольклорный стиль, омонимические рифмы, образы «славянской» мифологии, национально-историческая тематика). См. особенно «Лешак», «Лесная дева», «Обры», «Мавка», «Фавн» и др.

К стр. 14. Здесь пародирована строка стихотворения Гумилева «Озеро Чад»:

Изысканный бродит жираф.

К стр. 17. Ганс Гюнтер — поэт и переводчик, сотрудник «Аполлона», где он помещал свои заметки о немецкой литературе (1909—1910). Переводил стихи русских символистов на немецкий язык. (См. «Neuer Russischer Parnass». Berlin, 1912.)

Против строк 102—105:

Здесь немец говорит «Гейне»,
Здесь русский говорит «Хайне»,
И вечер бродит ворожейно
По общей жизни тайне.

Под строкой 105:

Ах, ах! Его глазам и его взглядам придавала тупость
Им сказанная однажды глупость.

Над строкой 124:

Жирафопевцу внимая, ясница
Прислоняет к устам сладкий палец.
Ей рассказал, как красива на Нил<е>денница,
Устав быть собою, скиталец.

Против строки 126:

Его величают Velimir'ом.
— Но я должен наз<вать> в<ас> луч<шим> души моей кумиром.

Ср. в письме Хлебникова от 30 декабря 1909 г.

«...Меня зовут здесь [в салоне Вяч. Иванова] Любек и Велимир» (Собр. произв., т. V, стр. 289).

Между строками 136—137:

— Я пошел туда и чуть не попал в объятья NN,
Но разговор требует перемен.

Против строки 143:

Когда о боге разговор
Смыкал и размыкал гостей уста,
Лишь видение Винчи, выставленная на позор,
Заметила, что богородица боже<ственно> те<мна> и пуста.

Примечания к основному тексту:

К стр. 46. Амизук — анаграмма — Кузмин М. А.

Среди петербургских поэтов-символистов Вяч. Иванов и М. Кузмин были наиболее ценимы Хлебниковым. Сохранился отзыв Хлебникова о пьесе В. Иванова «Тантал» (1905) и повести М. Кузмина «Подвиги великого Александра» (1909). В незаконченной статье «Фрагменты о фамилиях», относящейся, вероятно, к концу 1912 г., Хлебников писал:

«Имена собственные не называют дарования. Видимое исключение: Кузмин и Иванов... Перу Иванова при<надлежит> «Тантал», Кузмина — «Подвиги Александра». Вихрь силы вещи Иванова повествует о темном бессильном порыве, гордо отказывающе<мся> от неправого счастья ради правого несчастья. Так как право есть корень счастья в будущем, то эта вещь повествует о русском несчастии, отказывающемся от счастья Европы или завешенн<ого> занав<есом> настоящего счастья внуков. Подчеркивает, что эти вещи суть верхушки творчества именованных твор<цов>, <олицетворяющих> безличную народную единицу.

Вещь Кузмина говорит о человеке-роке, в котором божественные черты переп<летаются> с человеческими. Она знаменует союз человека и рока и победу союзника над сиротливым темным человеком. Она совпала с сильными личностями в Руси и написана пером времени, когда общечеловеческие истины искажены дыханием рока»...

«Подвиги великого Александра» Хлебников упоминает в стих. «Вам» (16.IX.1909), посвященном М. Кузмину (Собр. произв., т. II), и в письмах от 16 до 23 октября 1909 г. (Собр. произв., т. V).

К стр. 55—64. «Писатель» — Федор Сологуб. «...Заслуженной пользуясь славой звездочета» — здесь Хлебников имеет в виду цикл

стихотворений Сологуба «Звезда Маир». (См. его «Собрание стихов», М., 1904, кн. III и IV.) По свидетельству проф. Б. П. Денике, встречавшегося с поэтом в «гимназический» и «студенческий» периоды, Хлебников уже в 1904—1906 гг. «знал наизусть многие стихи Сологуба». Драматические произведения Хлебникова находятся в определенном соотношении с «лирической драмой» Сологуба и Блока. Ср., например, «мистерию» Сологуба «Литургия мне» (1907) и пьесы Хлебникова «Девий бог» и «И и Э» (1911). Сологуб оказал влияние на Хлебникова и как прозаик (см. письмо В. Хлебникова к В. Каменскому, стр. 355).

К стр. 65—67. «Младой поэт с торчащими ушами» — Гумилев, который в сентябре-октябре 1908 г. путешествовал по Египту.

К стр. 67. Намек на стихотворение Гумилева «Озеро Чад» («Романтические стихи», Париж, 1908).

К стр. 75. Вероятно, намек на вторую главу из «неоконченного романа» М. Кузмина «Новый Ролла» (1908—1910):

...О, Корфу, цветущая пустыня,
Я всхожу на твой счастливый брег!
Вечер тих, как божья благостыня,
Кроток дух, исполнен тихих нег.

(См. в газ. «Межа», СПБ., 1908, № 1, 20 октября и сб. Кузмина «Глиняные голубки», СПБ., 1914).

К стр. 125—126. В. К. Иванова—Шварсалон—падчерица Вяч. Иванова.

Карамора № 2-й (стр. 202). Печатается по беловому автографу, конец которого утрачен. Написано в ноябре 1909 г., когда Хлебников примыкал к группе поэтов, объединившихся вокруг журнала «Аполлон». В этом отрывке дано описание 2-й выставки в редакции «Аполлона» — картин К. Петрова-Водкина, открывшейся 14 ноября 1909 г. и сменившей выставку акварелей и рисунков Г Лукомского (см. «Аполлон», СПБ., 1909, № 2, ноябрь, стр. 33).

Конец этой вещи был опубликован Давидом Бурлюком еще в 1914 году в сборнике «Затычка» под заглавием: сатира «Петербургский «Аполлон» (отрывок). Отрывок перепечатан в Собрании произведений В. Хлебникова (Т. II, стр. 80—82).

См. комментарии к поэме «Передо мной варился вар...» (421—422).

К заглавию. Карамора (украинск.) имеет два значения: «тарабарщина» и длинноногий большой комар».

К стр. 3—4. «Древлянские напевы»—цикл пейзажей Г. Лукомского. (См. заметку М. Волошина, «Аполлон», 1909, № 2, стр. 13.)

«Висящие турчанки» — Хлебников имеет в виду картины К. Петрова-Водкина, написанные во время путешествия по Африке: «Айша», «Карфагенянка» и др. (См. статью С. Маковского «Аполлон», 1909, № 3, декабрь, стр. 11—12.)

К стр. 9. Брюллова. Л. П. — поэтесса, участница двух сборников, изданных в Казани («На рассвете», 1910, и «Зилант», 1913).

К стр. 11. Здесь каламбурное использование фамилии Лизогуб.

К стр. 21. Сафо — вероятно, Е. И. Дмитриева, поэтесса, создавшая вместе с М. Волошиным вымышленный образ поэтессы Черубины де Габриак. Стихи Черубины де Габриак печатались в «Аполлоне» в 1909—1910 гг.

К стр. 39—42. «Боец, испытанный в шахматных ходов грозах» — Е. А. Зноско-Боровский — секретарь редакции и сотрудник «Аполлона», известный в то время шахматист. (См. В. Пяст. Встречи, М., 1929, стр. 176.)

К стр. 70. «...арабчонок радостный висел» — вероятно, «Негритенок» (картина К. Петрова-Водкина).

Песнь мне (стр. 205). Печатается по автографу, дающему сводку первоначального чернового текста. Написано, вероятно, в 1911 г. Первоначальные варианты строк 87—90 и 137—138 записаны на л. 102 и л. 104 сборника «Садок судей» I (СПБ., 1910), выправленного Хлебниковым в 1911 г. Повидимому, текст этой вещи Хлебниковым доработан не был. Варианты строк 25—28, 77—78, 83—86 вошли в публикуемую нами поэму 1912 г. («Сердца прозрачней чем сосуд»): ср. строки 377—380, 395—396, 441—444. На полях сборника «Садок судей» I, принадлежащего Хлебникову, сохранился ряд черновых набросков и заготовок к этой вещи, не вошедших в сводный текст. Привожу наиболее законченные куски:

Я променял бы власть Нерона
И вас, полки младого Цезаря,
На твой лохматый клюв, ворона,
На чьем горит лице заря.

Ведь предки те же были люди,
Мечтали, грезили, служили,
Дрались, любили и тужили.
Чарует новь в волнистом чуде.

А много надо ли,
[Чтоб жизнь прожить бесславно, глупо]
С глазами падали,
С делами трупа.

Проклятые вы мной,
Меня окружившие стеной,
О, попугаи и глупцы,
Отчизной русскою купцы.
Махая тряпкой полинялой,
Отечества хотите быть менялой.

Отечество, ты — серый тигр
С глазами верными судьбе,
Я много песен, много игр
Слыхал и помнил о тебе.

Медлум и Лейли (стр. 209). Написано, вероятно, в 1911 г. Рукопись — незаконченный черновик с поправками и столь характерными для поэтической практики Хлебникова параллельными вариантами как отдельных строк, так и целых строф. Большинство строф перечеркнуто вертикальными линиями: повидимому, текст был перебелен Хлебниковым.

В черновой рукописи зафиксированы колебания в расположении частей. Ряд кусков отмечен римскими и арабскими цифрами. Эта авторская нумерация, обусловливающая перестановку частей, была учтена при компановке выделенного основного текста поэмы, дающего некоторое приближение к связному чтению. При этом мы сочли необходимым дать разбивку на отдельные строфы, подчеркивающую условность композиции.

Тема разлученных семейной враждой любовников восходит к поэме персидского поэта Низами Гянджеви (1141—1203) «Лейла и Меджнун», которую Хлебников считал «лучшей повестью арамейцев». (См. повесть «Ка», Собр. произв., т. IV, стр. 58.)

В сборнике «Садок судей» I (СПБ., 1910), принадлежавшем Хлебникову, записан кусок, первая половина которого почти совпадает со строками 13—14:

В время весеннее,
В день вознесения,
Я вижу славу земли
В объятиях Медлума и Лейли.

«В лесу, где лебедь с песней стонет» (стр. 213). Эта вещь представляет собой перебеленный, но не вполне отделанный текст вступления поэмы «Лесная дева». Поэма написана, вероятно, в 1911 г.

Строки 33—34 вписаны вместо зачеркнутых:

И в вышине журчит орел,
На мир смотря, как на престол.

Вместо строк 37—38 было:

Вдали красивых синих гор
Сияет каменный узор,
Вблизи в голубое зеленый залив.
Смолы-свечи затопив,
Свои верхи качает бор.

Против строк 51—54 записан следующий текст:

И много нежных щебетуний,
Глазами ясными шалуний,
Слагало строки звонкой славы
Про сосны, озеро и травы.

Возможно, что это «вариант» строк 47—50.

К стр. 47. Древяницы (ср. дриады, лесные нимфы) — «славянское» словообразование, принадлежащее С. Городецкому и заимствованное Хлебниковым из сборн. «Ярь» (СПБ., 1907, стр. 51).

Поэма «Лесная дева» была впервые напечатана Д. Бурлюком в начале 1914 г. (сборн. «Творения»).

Рукопись, находившаяся у Д. Бурлюка, вероятно, утрачена. Однако нам удалось найти полный черновой текст поэмы, первоначально называвшейся «Пан». При переработке черновика Хлебников подверг текст сокращению, изъяв некоторые эротические места.

Наиболее крупный кусок, отброшенный Хлебниковым, в первопечатном тексте заменен строками 46—48 (записанными в черновике вне основного текста).

Приводим текст:

Они упали тут же меж корней,
Где выше мох, где травы суше,
И четвероногих двое парней
Сидят, направив уши.
[Как его суровые] уста
Сковал он с ртом по воле Пана
И как вдоль слабо изогнутого стана
Ходила тень его перста.
Потом усталый вздох.
В его глазах усталость крылий врана.
Бездушный мох

Запечатлел намеки стройные младого стана.
Он спит. Шея его руки младой
Испытывает плены.
Закрыв себя рукой,
Медленно посещает покой.
Его от страсти отдыхают члены.
И спящей бородой щекочет он
Ее, лежащей, грудь прелестную.
Так просьба и закон
Живут порой судьбою тесною.

Текст сборника «Творения», напечатанного в провинциальной типографии, изобилует искажениями, лакунами и опечатками.

Вносим ряд поправок в первопечатный текст по черновому автографу.

В строках 13—14 эпитеты неправильно отнесены к рифмующим словам.

Надо:

Пылает взоров синих колос,
Звенит ручьем волшебным голос.

В строке 89 в Собр. произв. восстановлена отсутствующая в первопечатном тексте рифма, но не изъят лишний слог (слово «так»), искажающий синтаксический строй и размер. Правильное чтение:

Она сидит и плачет тихо.

Аналогичный случай в строке 100:

Шептали губы: зверь

Ср. Собр. произв., т. II, стр. 56—57.

В строке 44 опечатка, нарушающая размер:

Вокруг глаза синего обманщика

Надо:

Вкруг глаза синего обманщика

Выпавшая из первопечатного текста рифмующая пара к строке 124 в черновике следует после строки 126:

Тьма ночная

Исправляем также искажения и опечатки в строках, отсутствующих в черновике.

Явная опечатка в строке 128:

Темно-кровавые цветы.

Правильное чтение:

Темно-кровавые цветá.

См. рифму: «та»

Смысловая невязка словосочетания в строке 118:

С черно-синевой ночью глаз

устраняется следующим чтением, подсказываемым смыслом и размером:

С черно-синей ночью глаз

Синтаксически несогласована и строка 37:

К ленивцу тараруя

Надо:

К ленивцу-тараруя

Тавтологическое удвоение глаголов в строке 49, вероятно, объясняется контаминацией двух рукописных вариантов:

Она л е ж а з а с н у в с ласкающей свободой.

Наконец местоположение строк 44—45 сюжетно немотивировано: повидимому, они попали не на свое место при наборе. В черновой рукописи они вписаны против строки 96, после которой, вероятно, и должны следовать.

«Напрасно юноша кричал» (стр. 215). Написано в 1912 г. Печатается по незаконченному черновому автографу. Черновой текст Хлебников предполагал подвергнуть дальнейшей обработке. Об этом свидетельствует его пометка: «Лучше, но не больше о суде».

Привожу наброски и заготовки, не вошедшие в основной текст.

Против строк 34—37:

Язык железного жезла,
Скрипя, вонзился в мягкий пол.

На справедливой каре зла
Земной покоится престол.

Против строк 50—53:

Кровавый серп луны
Горит близ кладбища небесного.
И вот [молчанье] тишины
Нарушил голос неизвестного.

Против строк 54—98:

Он помнит мягкие ковры
И озаренное гордое тело.
И тень на звездные миры
Ресницы бросали дивно и смело.

Он помнит пляску и напевы,
Ее изгиб, ее волну
И шопот страстной нежной девы...

Есть вера. В ней за ночь
Неодеваемых одежд
И не от сна упавших вежд,
И стонов, и страданий,
За слезы, вздохи и простыни,
За обнаженные святыни,—
Пытка в огненном краю,
И эту ночь тебе я отдаю.

Он помнит черноб<ровую>
И обруч серебр<а>
Сквозь влас
И тело мощное здоров<ое>.

Он помнит треск сиявших свеч,
Он помнит трепет бледных плеч...

Уж утро голубее,
Чем глаз ослепшего коня.

Ср. стр. 99—100 основного текста.
Против строк 111—119:

Будто призраки людей,
Будто женственное племя,
Перейдя в страну теней,
Позабыло час и время.

В песне счастие слетало бы
На простор печальных стран,
Бьется жалостная жалоба
На богов высокий стан.

Между строк 24—27:

И гроб открыт. Лишь желтый прах и пыль
От отрока остались.
И только кудри, как ковыль,
Белы, печальны волновались.

См. строки 77—80 основного текста.

Средина строки 139 осталась незаполненной.

Сохранились первоначальные наброски с вариантами строк 111, 121, 124—125, 128—133. Привожу два наброска, не вошедшие в основной текст:

Волна багряная течет
Из шеи мертвого коня,
Вождю усопшему почет
Творит печальная семья.
Ладья высокая стоит
На насыпи кургана.
Печальный вид! В ладье сидит
[Супруга скорбью] осияна...
И черных колет петухов
Вдали от служащих жрецов
Седой высокий воин.
Товарищ, спи. Ты умер. Ты достоин.

Морских валов однообразие
Ласкает сердце поморян,
И пируют девицы Абхазии
На коленях северян.

Эта строфа в измененной редакции вошла в 3-й парус «Детей Выдры» (Собр. произв., т. II, стр. 150).

Мелькавзо пленил Сыржу,
Деву песенную младости.
И теперь творит грозу
Пляской [буйною от радости].

Вариант первой половины этой строфы входит в основной текст (строки 168—169).

Этнографический материал Хлебников заимствовал из статьи П. Мельникова «Очерки Мордвы». (Журн. «Русский вестник», М., 1867, т. 71).

К стр. 114. Позморо (стар. мордовск.) — жертвенная песня.

К стр. 121. Атепокштей — выборный старец, исполнявший жреческие обязанности. И. Н. Смирнов в своей монографии «Мордва» (Казань, 1905) подвергает сомнению этимологию этого слова в толковании П. Мельникова.

К стр. 133. Сакмеде — по Мельникову «молчите!» — возглас жреца на мордовских моляных. И. Н. Смирнов указывает, что в мордовском языке нет глагола «сакменс» — молчать, от которого могла бы произойти форма «сакмеде».

К стр. 168—169. Сыржа — имя девы, на которой женился бог грома Мелькаво (у Хлебникова «Мельканзо»). Более распространенное в мордовской мифологии имя бога грома — Пург-ине-Пас.

К стр. 35. «Булгарский владавец» — Булгар — государство волжских болгар (в X—XIV вв.) граничившее с землями мордвы.

<Отрывки из чернового текста поэмы «Вила и леший»> (стр. 220). Поэму «Вила и леший» Хлебников писал в течение первой половины 1912 г. См. в его письме к А. Крученых, посланном в конце августа 1912 г.: ...«Присылается вещь «Вила» незаконченная. Вы вправе вычеркнуть и опустить кое-что и, если вздумается, исправить. Эта вещь не цельная, написана с неохотой, но все же кое-что есть, в особенности, в конце». (Собр. произв., т. V, стр. 298). Эта рукопись была опубликована А. Крученых в сборн. Хлебникова «Ряв», изданном в декабре 1913 г. Автограф утрачен, за исключением двух листов, заполненных беловым текстом строк 42—89 и 141—194, со сдвоением стихов. Отметим ошибки и искажения в беловом тексте. В строке 182 слово «отдых» вписано рукой А. Крученых вместо зачеркнутого им «радость». Строку 191 Крученых восстановил в первоначальной редакции:

[Коса] волной легл[а] вдоль груди

Окончательная редакция:

Власы волном легли вдоль груди.

В строках 59 и 77 слово «дубрава» должно быть заменено «дуброва».

Высказывание Хлебникова о беловом тексте поэмы, как «незаконченном и нецельном», объясняется отказом поэта от первоначального сюжета, оставшегося неразрешенным. В 1930 г. А. Крученых опубликовал «промежуточную» редакцию поэмы, полученную им от Н. Асеева. (См. «Неизданный Хлебников», вып. XVII.) К сожалению, и эта рукопись сохранилась в неполном виде: листы 3—5, 8—9, 14, 16, 18. Весь текст был записан на 19 листах с заполненными оборотами. Отрывок из этой рукописи (не сохранившийся) был напечатан Н. Асеевым в журн. «Творчество» (1920, № 1). Часть текста, опубликованного А. Крученых, л. 27—28, 31—32, 35, была перепечатана в «Избранных стихотворениях» В. Хлебникова, без указания разрывов между кусками, как «окончание поэмы» (см. строки 1—9, 10—53, 54—96). В текст этих кусков, сверенных нами по рукописи, необходимо внести следующие поправки: строки 34—35, 78—79, зачеркнутые Хлебниковым, и строка 86, представляющая собой первоначальный вариант строки 87, должны быть изъяты из основного текста.

Правильное чтение строки 13:

Овчарка встала заворчав

Ср. строку 370 белового текста.

В строке 53 последнее слово читается «утомила» (рифма: мило).

В строке 54, написанной каноничным четырехударным ямбом, подлежит изъятию третий слог от начала строки, нарушающий размер:

Да будь [по]живее: ты покойник.

Строки 55—56 должны следовать в обратном порядке.

Вторая половина последней строфы отрывка может быть восстановлена по тексту найденного нами черновика поэмы:

Как боги войн прилежно пели,
И сумрак скрыл виды земли.

Черновой текст поэмы, относящийся к началу 1912 г., записан в тетради на 24 листах с заполненными оборотами. В черновом тексте, изобилующем исправлениями и параллельными вариантами, зафиксированы три стадии обработки. Сокращая текст, Хлебников вместе с тем изменял порядок расположения частей. Текст конца поэмы записан в виде ряда набросков и заготовок. (См. «промежуточную» редакцию в «Неизданном Хлебникове».)

Первоначальными заглавиями поэмы, вероятно, были «Истар и леший» (ср. «Шаман и Венера») и «Природа и леший».

Печатаемые здесь отрывки из черновика, не сохранившиеся в перебеленном «промежуточном» тексте и не вошедшие в окончательный, дают возможность отчасти реконструировать первоначальный сюжет поэмы. (См. особенно эпизоды встречи вилы с пастухом и возвращения лешего домой.)

Строки 1—9, 10—19, 20—29 входят в основной текст черновика (л. 7, 8, 9, об. л. 10) и следуют после вариантов строк 40—43, 175—178, 355—356 белового текста.

Строки 30—76 (л. 13—14), также входившие в основной текст и следовавшие после вариантов строк 71—75 белового текста, при вторичной обработке черновика были отброшены Хлебниковым.

Строка 77—86 записана на полях против текста предыдущего куска (об. л. 13).

Строки 87—98 записаны на л. 17: за ними следуют варианты строк 370—373 белового текста. (Ср. также строку 10 отрывка, опубликованного в комментарии к «Избранным стихотворениям» Хлебникова.)

Строки 99—137 (л. 17—18) входят в основной текст, следуя после вариантов строк 362—381 белового текста, и заполняют пробел в «промежуточной» редакции. (См. «Избранные стихотворения», между строками 53 и 54.)

Строки 138—161 и 162—200, записанные на об. л. 18, 20 и л. 24, в основной текст черновика не входят.

Помещаем здесь три наиболее крупных куска, место которых в контексте установить невозможно.

На обороте листа 15:

Зеленый берег, много лоз,
Они круглы и серебристы,
И тучи веющих стрекоз,
А небеса сини и чисты.
Слышен шопот, слышен трепет
Растворяемых кустов,
И раздался страсти лепет
Там на острове цветов.
Рой полос дрожаще зыбкий
Без неправды и ошибки
Опрокинул вглубь леса,
Мошек, мушек, небеса,
Близнецы срослись главой,
Разделены бичевой.

На обороте листа 23:

Глаголом ссоры нет охоты,
Бранчливой песнью жизни гневно
Воспеть волшебные красоты.
Суетливой, желчной, повседневной
На суд звать <гордую> красу,
Глаза, улыбку и косу.
Не райский вид одежды вымен,
И бег волос, как пламя дымен.
В ресницах пылкие лучи,
Вас, белоснежные мячи,
Венец не найденных находок,
Тебя, красивый подбородок,
Что о колено оперся
И взглядом к небу поднялся.

Язык наш создан для испорченых,
Нуждой иль злобой злою скорченных,
Для самоубийц и калек
На пользу, ласку и потребу.
Его замыслил человек,
Когда он болен гордый к небу,
Верноподданного хлебу.
И серебристая дуга
Ее плеча и нежных ног.
Да, ей свобода дорога,
Не даром терпит лишь венок,
Не даром плащ ее есть воздух,
Его прозрачная холстина.
Ей паутины луч громоздок,
Как моря свободе плотина.

Отрывок из чернового текста поэмы с иллюстрацией Н. Гончаровой был напечатан в сборнике В. Хлебникова и А. Крученых «Мирсконца», изданном в ноябре 1912 г., и вторично в сборнике тех же авторов «Старинная любовь. Бух лесиный» (СПБ., 1914).

Другой отрывок из чернового текста («Сюда лиска прибегала») был помещен Д. Бурлюком, в качестве самостоятельной вещи, в сборнике В. Хлебникова «Творения» (М., 1914), с искажениями, обусловленными неправильной конъектурой.

Правильное чтение строки 10:

Вопль казни, вопль плахи

Две заключительные строки выпали из печатного текста, так как не были прочтены Д. Бурлюком:

Я слышу в вопле муки пекла,
Иди, чтоб время помощи путь не пересекло.

(Ср. в Собр. произв., т. II, стр. 261.)

Строфа из чернового и промежуточного текстов, с незначительными разночтениями, включена, как цитата, в стихотворения «Каменная баба». 1919: см. строки 52—55 (Собр. произв., т. III).

<Куски, не вошедшие в поэму «Игра в аду»> (стр. 226.) Печатаемые здесь куски принадлежат Хлебникову, и ни в один из двух печатных текстов поэмы не вошли.

Строки 1—60 входили в первоначальные рукописные наброски, относящиеся к февралю-марту 1912 г. На отдельном листе, заполненном текстом строк 13—22, Хлебниковым записан предварительный план поэмы: Ад. Игра в карты. Любовь. Воспоминания грешни<ков> и бес<ов>.

Строки 61—92 вписаны Хлебниковым в экземпляре 1-го издания поэмы, хранящемся у А. Крученых. Первопечатный текст был переработан авторами в конце 1912 г.

Строки 93—96 записаны на отдельном листе, заполненном вариантами строк 141—148, 437—440 канонического текста. (См. Собр. произв., т. II). Эти строфы также написаны в конце 1912 г.

Наконец строки 97—150 записаны Хлебниковым на оборотах литографированных листов экземпляра 2-го издания поэмы, вышедшей в Петербурге в январе 1914 г.

Строки 119—126 вписаны против литографированного рисунка К. Малевича: характерный для практики поэтов кубо-футуристов пример стиховой иллюстрации рисунка.

О процессе работы над поэмой см. в неопубликованных воспоминаниях А. Крученых:

«С Хлебниковым меня познакомил Давид Бурлюк в начале 1912 года в Москве, на каком-то диспуте или на выставке... В одну из следующих встреч в неряшливой и студенчески-голой комнате Хлебникова я вытащил из коленкоровой тетрадки два листка-наброска, строк 40—50 своей первой поэмы «Игра в аду». Скромно показал ему. Вдруг, к моему удивлению, Велимир уселся и принялся приписывать к моим строчкам сверху, снизу и вокруг собственные. Это было характерной чертой Хлебникова: он творчески вспыхивал от малейшей искры. Показал мне испещренные его бисерным почерком странички. Вместе прочли, поспорили, еще поправили. Так неожиданно и непроизвольно мы стали соавторами. Первое издание

этой поэмы вышло летом 1912 г., уже по отъезде Хлебникова из Москвы (автография с 16 рисунками Н. Гончаровой)... Эта ироническая, сделанная под лубок, издевка над архаическим чортом быстро разошлась». В августе-сентябре 1912 г. Хлебников писал А. Крученых: «Спасибо вам за письмо и за книжку: у ней остроумная внешность и обложка». (Собр. произв., т. V, стр. 297).

Полных рукописных текстов «Игры в аду» не сохранилось. Однако у А. Крученых, кроме экземпляров 1 и 2 изданий поэмы с поправками и дополнениями авторов, сохранились куски рукописей, в которых зафиксированы все стадии обработки текста.

В первоначальных рукописных набросках варианты строк 1—4, 13—16, 29—44, 93—96, 239—942, 469—484, 489—494 принадлежат А. Крученых, а варианты строк 25—28, 49—52, 61—64, 81—88, 121—124, 165—176, 207—218, 231—234, 497—507 — Хлебникову. (См. Собр. произв., т. II.)

В период 1912—1913 гг. текст поэмы подвергался многократной переработке. Некоторые строки представляют собой контаминацию параллельных вариантов, принадлежащих обоим авторам.

Куски, вписанные в экземпляр 1-го издания поэмы и вошедшие в окончательную редакцию, дают возможность установить, что автором первоначальных вариантов строк 17—24, 57—60, 141—164, 369—372, 433—440 был Хлебников (А. Крученых вписаны варианты строк 45—48, 101—104, 117—120, 125—128, 177—180).

Сохранился также рукописный текст отрывка, впервые напечатанного в сборнике А. Крученых «Взорваль» (вышел в мае 1913 г.). Этот отрывок (ср. строки 181—194 окончательной редакции) почти целиком написан Хлебниковым (А. Крученых принадлежит последняя строфа — вариант строк 195—198).

При подготовке 2-го издания поэмы в ноябре-декабре 1913 г. перебеленный А. Крученых текст подвергся дальнейшей обработке. Сохранились листы, заполненные вариантами строк 1—54, 85—176, 215—246, 358—436. В текст был вписан ряд новых кусков, из них Хлебникову принадлежат варианты строк 413—420, а Крученых — варианты строк 9—12, 89—92, 219—222, 227—230.

Этот текст был вторично перебелен А. Крученых и вновь выправлен Хлебниковым. Сохранившийся текст строк 37—68, 105—176, 287—380 дает окончательную редакцию, совпадающую с текстом 2-го издания поэмы. При обработке беловика А. Крученых впервые был вписан текст «Речи судреца», Хлебникову принадлежат строки 295—298, 303—306, 339—342.

Всего в текст окончательной редакции вошло 292 новых строки. Одна строфа первопечатного текста была отброшена авторами (строки 283—286). Эта строфа восстановлена редакцией Собр. произв.

в основном тексте поэмы, напечатанной с позднейшими поправками А. Крученых.

Поэма «Игра в аду», вышедшая 1-м изданием в августе 1912 г. в Москве (в количестве 300 экз.), получила отрицательную оценку в полемических статьях и рецензиях представителей враждебных литературных группировок: эго-футуриста В. Шершеневича (в его книге «Футуризм без маски», М., 1913, стр. 79—81), символиста С. Кречетова (в газ. «Утро России», М., 1912, № 230) и «аполлоновца» Н. Врангеля (в журн. «Русская художественная летопись», СПБ., 1912, № 13). Отметим также рецензию П. Перцова в газ. «Новое время» (СПБ., 1912, 2 ноября) и издевательский фельетон А. Бухова в «Синем журнале», СПБ., 1912, № 36. Единственный одобрительный отзыв принадлежит С. Городецкому. (См. «Непоседы», газ. «Речь», СПБ., 1912, № 269.) Отрывок из статьи С. Городецкого был помещен А. Крученых в качестве предисловия во 2-м издании поэмы. Предисловие ко 2-му изданию поэмы, написанное в конце 1913 г. обоими авторами, осталось неопубликованным. Приводим текст:

«Подобно звезде, раз взошедшей на небо, повторяющей свой путь, обещанный давно, «Игра в аду» выходит вторым изданием.

Имеют книги свои судьбы!

Но длинный хвост неясных дополнений следует за первоначальным ядром, порой закрывая его.

Звездочеты! Спешите отметить появление нового светила на вашем пустом небе».

Написанное Хлебниковым выделено курсивом.

2-е издание поэмы «Игра в аду» вышло в количестве 800 экз., с иллюстрациями О. Розановой и К. Малевича.

В конце 1913 г. Хлебников в соавторстве с Крученых написал вторую поэму — «Бунт прокаженных» (под неправильным заглавием «Бунт жаб», с лакунами и искажениями, напечатана в т. II Собр. произв.). Ряд произведений А. Крученых был подвергнут Хлебниковым стилистической правке: поэмы «Полуживой» и «Пустынники» (М., 1913) и несколько стихотворений 1912—1914 гг., две декларации 1913 г. (Собр. произв., т. V, стр. 247—249) и полемические статьи «Чорт и речетворцы» (СПБ., 1913 г.) и «Тайные пороки академиков» (М., 1915). У А. Крученых сохранилась рукопись незаконченной его вещи — «Военная опера» (1914), с поправками Хлебникова.

Жуть лесная (стр. 231). Написана летом 1914 г. Печатается по незаконченному черновому автографу с многочисленными поправками и параллельными вариантами.

Строки 91—94 вписаны вместо зачеркнутого куска:

Здесь остроумия волдырь
Воля постигает Даля ширь.
Играет стул. Трещит полено.
Поклоны, нравы по колено.

Вместо строк 103—104 первоначально был другой текст:

Не умерев тогда, маркиз
Любил высоких зданий низ.

Отбросив эти строки, Хлебников внес поправку в строку 102, первоначально читаемую так:

[Висят маркизы] на стене

Против строки 349 вписан следующий кусок, место которого в контексте не установлено:

Но ходит гостья в черном, черном
По доскам желтым и притворным

После строки 366 следует незавершенный, связанный текст:

Чтобы постичь очарованье
Могучей и лысой красы.

Аналогичный текст см. после строки 401:

Как уверяла ты меня, ты силой воли способная
Главой подняться к потолку
И так висеть, в опоре не нуждаясь

Ср. строки 448—450

Строки 430—433 вписаны, вероятно, вместо незачеркнутых Хлебниковым четырех строк, полностью не поддающихся прочтению:

...Настой<порочный>и лечебный
<Добыл>ей блеск очей волшебный.

Далее следует текст первой половины недописанной строфы::

Я был рекою без ограды
И пил ее, кто захотел.

Строка 435 не имеет рифмующей пары.

Вне основного текста записаны следующие куски:

Суконные черные осы
Хранили жало в лебяжьем мху.
И их развернутые косы
Стеклянно блещут на ходу.

Льняные кудри, точно птенчики
Уж разоренного гнезда,
Разинув клювики-бубенчики
И с пляской пели: вас сюда!
Тяжелое изящество ея,
На шелке черном кружев ячея.
<Поздней> свершив полет дуги,
Мы стали милые враги.
Воспоминаньем про мозоль
Уже закуталася смоль.

Чугунной куклы сухой треск
Дощечек узких вокруг рук
К желанно<му> жеман<ный> блеск,
Кружил <растрепанный> паук

Дана мне слава <мух>,
Ее к ногам бросаю слуг.
И на клыке моем слоновьем
Сиде<ла> весть: иди к здоровьям.

Взбежал наверх: какая темь!
Число звонка я вижу: семь.

Сюжет поэмы построен на биографических фактах, относящихся к 1913—1914 гг.

К стр. 31. Надми — императив от глагола надмить — делать кого-либо или что-либо надменным.

К стр. 57. Круль (польск.) — король.

К стр. 70. «Собака» — артистический подвал «Бродячей собаки» (художественное общество интимного театра) в Петербурге (Михайловская площадь, 5). См. в неопубликованных воспоминаниях М. В. Матюшина: «...В 1912 г. Кульбиным, Евреиновым и Прониным было основано место постоянной встречи новых сил: «Бродячая

собака»... Сюда приходили художники, литераторы, актеры... Там начиналось собрание около 10—11 часов вечера и кончалось в 4—5 утра». В. В. Каменский пишет в своих воспоминаниях «...Хлебников да и мы все очень любили «Собаку» («Путь энтузиаста», М., 1931, стр. 222). «Бродячая собака» была закрыта полицией в марте 1915 г.

К главкам 7—8. Здесь описан инцидент, происшедший на чествовании Бальмонта в «Бродячей собаке» 8 ноября 1913 г., где с чтением стихов и приветственными речами выступали Ф. Сологуб, С. Городецкий, П. Потемкин и Н. Кульбин. (См. газ. «День», СПБ., 1913, 10 ноября.) После чествования сын пушкиниста П. О, Морозова дал Бальмонту пощечину. За Бальмонта вступился С. Городецкий и др. Желтая пресса обвинила в оскорблении Бальмонта футуристов. (См. газ. «День», СПБ., 1913, №№ 306, 307.) Правление общества интимного театра поместила в газ. «День» письмо о том, что Морозов не принадлежит к так называемым футуристам (№ 309).

К стр. 75. «Перун» — сборник стихов С. Городецкого (СПБ., 1907).

К стр. 77. Здесь Хлебников имеет в виду Анну Ахматову.

К стр. 102. «Красивы трупы на стене» — стены «Бродячей собаки» были расписаны художниками (С. Судейкиным, Н. Кульбиным).

К стр. 165. Пяст В. (Пестовский) — поэт-символист. В конце 1913 г. Пяст пытался организовать блок молодых поэтов «вне групп». 7 декабря Пяст прочел в Петербурге лекцию «Поэзия вне групп», где дал положительную оценку русскому футуризму, призванному «обновить обветшавшую технику слова». (Газ. «Биржевые ведомости», СПБ., 1913, №№ 13896). Футуристы ответили выпадом по адресу Пяста в сборнике «Рыкающий Парнас» (СПБ., 1914).

К стр. 231—232. Картина П. Филонова, изображающая коня, была на последней выставке об-ва художников — «Союз молодежи» зимой 1913—1914 гг.

К стр. 241—242. «Листок немецкий» — объявление войны Германией (19 июля 1914 г.).

К главке 19. Обращено к художнице К. Пуни-Богуславской.

К стр. 342. «Художник» — И. Пуни, художник-кубист, издавший сборник «Рыкающий Парнас» (СПБ., 1914, январь).

К стр. 379. «Теперь на Каспие...» — весну и лето 1914 г. Хлебников провел у родных в Астрахани.

К стр. 388. Езиня — см. в неопубликованной лингвистической статье Хлебникова 1913 г.: «...Езини живут в езерах или озерах».

К стр. 399—400. Ср. в записной книжке Хлебникова: «9.XII.1913.

7.XII — самый короткий день, его я провел на даче Куоккала у Пуни... Ссора и гнев на меня... Три дня сидел, не выходя из комнаты» (Собр. произв., т. V, стр. 327).

II. Стихи

Черновики и отрывки

«Как во лодочке» (стр. 244). Написано, вероятно, в 1903—1904 гг. Это стихотворение представляет собой опыт подражания фольклорному стиху. Текст не вполне доработан.

«Странник, ты видел» (стр. 245). Написано, вероятно, в 1904—1905 гг. Печатается по автографу.

«О женщины!» (стр. 246). Написано во второй половине 1908 г. На оборотной стороне листа, заполненного текстом этого стихотворения, записаны сохранившиеся в неполном виде куски, один из которых примыкает к нему тематически и конструктивно:

...Вы одиноки в воплях о поле,
Поленницы войн пола с полом.
О, женщины, скользящие мимо,
С улыбкой случая и мига любимо,
В вас рокот струнный спл
Коварство и любовь смесил

...всех чаш!
<Всег>да и в тот и в этот час!
Ты плаха желанная встреч!
И борзая гордая речь!
И превыше и выше слав
Ты, горний Вячеслав!
О, каменное слово!
В тебе ли мор вернулся с лова?
Здесь нищете и нищих бедам
Восставлен стон
Превыше «Румянцева победам»,
Знаете ли вы это?
Мятелеустая мечта?
Не ты ли занесла меч в стад
Стоногое тело?
Где дымолиственных лес труб
Застит заката золот сруб.

У солнцелетных жерл я растаял
Острейное лезвие загадочного сверла.

Варианты строк 16—17 второго отрывка входят в пьесу «Снежимочка» (см. стр. 71). См. коммент. к стих. «Предательский извивен ящер» (стр. 247).

«За дорогой» (стр. 404). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по беловому автографу, в котором текст первой строки сохранился не полностью: отсутствует рифмующее слово.

В неполном виде сохранился также черновик этого стихотворения (см. коммент. к стих. «Предательски извивен ящер»).

Стихотворение Хлебникова — вольный перевод начала поэмы Э. Верхарна «Кузнец» (ср. перевод В. Брюсова в книге: Э. Верхарн. Стихи о современности. М., 1906, стр. 3).

Д. Дамперов, вспоминая о своих встречах с Хлебниковым в 1907 г., пишет: «Хлебников интересовался привезенными мною из Парижа книгами: Верхарна, Гюисманса, Метерлинка, Бодлэра, Верлэна, антологией французской поэзии (Van Bever)...» (неопубл. воспоминания).

«[Мы] воины» (стр. 248). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу, текст которого не вполне доработан. Сюжет и образы этого наброска связаны с картиной Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895). Сохранились также первоначальный черновой текст наброска и следующий близкий к нему кусок:

Наши весла красны, длинны,
Вода несла глину.
Вода была желта, мутна,
Река не имела дна.
Лодки выстроились в ряд.
Пищали взмет<нули> огнем.
Что наши кольчугам стрелы говорят?
Многие лодки переверн<улись> вверх дном.

Над первой строкой этого отрывка записана фамилия художника: Суриков.

См. коммент. к стихотворению «Предательски извивен ящер».

«Гонщик саней» (стр. 249). Написано во второй половине 1908 г. Первоначальный вариант последней строфы напечатан Д. Бурлюком в сборн. «Требник троих», М., 1913. (Автограф в Гос. Лит. Музее, № 1102/20, тетр. II, л. 53.) В публикуемом нами беловом автографе конец текста последней строки не сохранился. См. коммент. к стихотворению: «Предательски извивен ящер».

«Я забывал тебя во всяком взоре» (стр. 250). Написано во второй половине 1908 г. Строки 13—16 входят в пьесу «Снежимочка». На лицевой стороне листа, где записан текст этого стихотворения, автографы двух публикуемых здесь вещей: «Сутконогих табун кобылиц» и «Я славлю лет его насилий».

«...И она ответила тихо» (стр. 251). Написано, вероятно, в 1911 г. Начало рукописи утрачено. Против строк 8—19 вписано:

Здесь власти летали и лели
Над страстью сожженными устами,
И ноги женские голели
Под сумасшедшими изгнанника перстами.
Табор, где жажды
Собрались и просят
Луга огней зажжен<ных> два<жды>
Словами он холод<ный> косит.

К стр. 16. Каменка — птица (motacilla).

К стр. 29. Крин — лилия.

«Други оба молодые» (стр. 252). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

«Мечтатель, изгнанник рыдал» (стр. 253). Написано, вероятно, в 1911 г. Рядом с текстом этого отрывка записана следующая строфа:

О, пуля! Отлил тебя кузнец,
Придумал мыслитель,
И ты ведешь конец
В грудную обитель.

К стр. 6. Акатуй — каторжная тюрьма в Сибири. Место ссылки революционеров при Николае II.

«Семь холодных синих борозд» (стр. 254). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по незаконченному беловому автографу. На том же листе записан первоначальный черновой текст. Третья строфа не была перебелена Хлебниковым:

Исчезло прежнее величье
В ее глазах воздетых,
И сердце <вновь> дрожит девичье
От страст<ных> снов раздетых.

«Я закрываю веки» (стр. 255). Написано в 1911 г. Текст записан в сборн. «Садок судей» I, принадлежавшем Хлебникову (об. л. 112.)

«О, эти камни серого чертога» (стр 256). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

«Пламена» (стр. 257). Написано в начале 1912 г.; первоначальный текст строк 1—3 записан в рукописи Хлебникова, относящейся к январю 1912 г. Печатается по черновому автографу. Хлебников вписал ряд параллельных вариантов, которые из-за своей связанности не могут быть введены в основной текст. Строки 32—35 вписаны вместо недоработанного и зачеркнутого куска.

Так конь вперед стремится, раздувши свои ноздри,
Как темное копье,
Как молния двух туч.
И дымные пылают ноздри,
И в глазе синем пылает луч.
И долго по полю со звонким ржаньем мчится,
Пока с подругой снежною в лесу не уединится.

Этим куском в свою очередь был заменен первоначальный текст:

Я был опасен:
С моей стези сошло бы все в защиту лат,
И путь продлился бы стороной.
Так всадника бывает путь не ясен,
Коль пылкий жеребец, что мастью вороной,
Узрит своего вида женщину давно не быв женат.

Мифологическая тема убиения человеком двух солнц, заимствованная Хлебниковым из орочонской космогонии, использована также в 1-м парусе «Детей Выдры» и в «орочонской» повести «Охо» (см. стр. 291).

К стр. 28—31. Ср. прозаическую параллель в 1-м парусе «Детей Выдры», где сохранена даже рифма: «...Сын Выдры, вынув копье и шумя черными крылами, темный, *смуглый*, главы кудрями *круглый*, ринулся на черное солнце»... (Собр. произв., т. II, стр. 143).

«Меня проносят на слоно <вых> » (стр. 259). Написано, вероятно, в 1913 г. Печатается по черновому автографу.

«Гевки, гевки, ветра нету» (стр. 260). Написано в конце 1913 г. Строки 1—4 напечатаны А. Крученых, как самостоятельное четверостишие, в сборнике Хлебникова и Крученых «Старинная любовь. Бух лесиный» (СПБ., 1914, вышел в январе). Эта строфа перепечатана в т. II Собр. произв. Варианты строк 7—10, 19—24, 30—31 входят в стихотворение «Ночь в Галиции», впервые напечатанное в «Изборнике» (СПБ., 1914, вышел в феврале). Здесь печатается

по автографу, находившемуся в 1913 г. у А. Крученых. Вне основного текста записаны две строки:

А впрочем мавы черноброзы,
Сурово<й> чарою суров<ы>.

К стр. 4. Легинь (украинск.) — парень.

К стр. 8. Гуцулы — славянское племя, живущее в Карпатах, в восточной Галиции, в Венгрии и в Буковине.

Мавы, мавки (украинск.)—русалки. См. в неопубликованной статье Хлебникова (1913): «...Галицийская Русь создала страшный образ мавки: спереди это прекрасная женщина или дева, лишенная одежд<ы>, сзади—это собрание <витых> кишек».

К стр. 45. Солодка — см. в письме Хлебникова к В. В. Каменскому, посланном весной 1914 г.: «...солодка (угро-русское, русское слово) — подруга».

Тверской (стр. 262). Написано, вероятно, в конце 1914 г. Первое стихотворение из неосуществленного цикла «Перед войной». Вещь недоработанная: в ней отсутствует одна строка, рифмующая со строкой 11. Место этой строки обозначено пунктиром. Сохранился также черновой набросок строк 1—10.

К стр. 11—14. Ср. в стихотворении Маяковского «Война объявлена», напечатанном в августе 1914 г.:

...«Постойте, шашки о шелк кокоток
Вытрем, вытрем в бульварах Вены!»

«Котенку шепчешь не кусай» (стр. 263). Написано в 1915 г. Печатается по автографу, в котором отсутствуют главки IV — VII. Первая строфа с незначительными разночтениями позднее была включена в стихотворение «Бегство от себя», впервые напечатанное в сборнике «Ошибка смерти» (вышел в декабре 1916 г.). Вариант этой строфы входит и в поэму «Война в мышеловке». (Собр. произв., II, стр. 251). Обращено к Н. В. Николаевой.

Н. В. Николаевой посвящен ряд произведений Хлебникова, написанных в 1914—1917 гг. К ней обращен прозаический отрывок «И тогда я славил государствокбсых» (Собр. произв., т. IV, стр. 326). См. также образ Лейли в повести «Ка» (1915).

К стр. 3.—Хоккусай (Хокусаи)—знаменитый японский художник (1760—1849).

К стр. 9—10. «Дворцы угрюмого Додона» — декорация Наталии Гончаровой к опере Римского-Корсакова «Золотой петушок», поставленной С. Дягилевым в Париже и Лондоне в 1914 г.

К стр. 15. Одолен — растущая в воде вдоль берегов трава.

«Из ревности, из удали» (стр. 265). Печатается по списку, сделанному Д. Петровским в начале 1916 г. В списке это стихотворение заканчивает, как последняя главка, цикл «Бегство от себя», напечатанный в конце 1916 г. (см. Собр. произв., т. II, стр. 234). Сохранился отрывок из чернового текста «Бегство от себя» с первоначальным вариантом этой главки.

К стр. 2. Сарты (узбекск.) — желтые собаки — шовинистическая презрительная кличка узбеков в дореволюционной России.

«Желтели шишаки» (стр. 266). Написано в 1915 г. Текст записан на том же листе и тем же почерком, что и прозаический отрывок «Я пошел к Асоке». (Автограф хранится в Институте лит-ры им. М. Горького.)

«Вечер он черный, он призрак, он иноче» (стр. 267). Написано в конце 1915 г. Обращено к В. А. Будберг. Печатается по черновому автографу. Окончательная редакция («Признание»), существенно отличающаяся от первоначальной, впервые была напечатана в сборнике Хлебникова «Ошибка смерти» (1917) и перепечатана в Собр. произв., т. II, с лакунами и искажениями в строках 6, 10, 15 (ср. строки 8, 12, 19 публикуемого нами текста).

С В. А. Будберг Хлебников встречался в сентябре — октябре 1915 г. в Петрограде. О ней неоднократно упоминается в дневниках Хлебникова (см. Собр. произв., т. IV, стр. 321—322, т. V, стр. 330—335). В. А. Будберг посвящено также стихотворение «Девы и юноши, вспомните», впервые напечатанное в сборнике «Пета» (М. 1916, вышел в декабре 1915 г.). См. также образ богини леса Подаги в повести «Скуфья скифа», 1916 (Собр. произв., т. IV, стр. 83—85).

К стр. 4. Айвенго — герой одноименного романа Вальтер-Скотта.

К стр. 12. Куоккала — дачное место в Финляндии, где в 1915г. жили Хлебников, Маяковский, И. Пуни, Н. Кульбин, К. Чуковский.

К стр. 27. Майневайнен — искажен. Вэйнэмейнен, герой финского эпоса «Калевала».

К стр. 29. Плевицкая — известная в дореволюционной России исполнительница русских песен.

«Я был владельцем замка» (стр. 269). Отрывок из утраченного белового автографа. Написано, вероятно, в 1915—1916 гг.

К стр. 6. Зой (архаическ.) — зык, вопль, крик.

«Да, есть реченья» (стр. 270). Написано в начале 1916 г. Обращено к Н. В. Николаевой. Публикуемую первоначальную редакцию Хлебников предполагал переработать, а также изменить расположение частей: ряд не вполне доработанных строф и кусков вписан параллельно основному тексту и на оборотной стороне листа. Там же записан черновой текст стихотворения «Моих друзей летели

сонмы» (неправильно помещенного в Собр. произ. среди вещей послеоктябрьского периода).

Варианты строк 1, 4, 25—33, 35—38, 41—46 входят в отрывок «Я умолял» (Собр. произв., т. V, где искажены строки 12, 23). В архиве Института лит-ры им. М. Горького хранится незаконченный беловик с заглавием-посвящением «Той»:

В сторону меры зачет!
Это — простой котелок,
В котором идет звездочет
Звездный постичь уголок.
Чье облако вроде платочка.
И я не похож на цветочек.
Железный звук моей перчатки
От синей Сены до Камчатки
Народы севера потряс.
Столетье мира кончил точкой
Наборщик «рок» без опечатки.
И вы, очарунья, внимая,
Блеснете глазами из льда,
И всходите солнцем Мамая,
Где копий стоит череда.

Строки 1—4 в первоначальной редакции см. в стих. «Да есть реченья» (стр. 8—11). Варианты строк 5—15 находятся на оборотной стороне листа, где записан публикуемый текст.

Далее записаны начальные строки трех строф:

Когда закончив руку пальчиком

См. строки 30—33.

И снов<а> гл<аза> щегольнули
Жемчугом крупным своим
И строго и пристал<ьно> льнули
К тому, что мы в сердце таим.

Эта строфа целиком записана на обороте листа, заполненного текстом стих. «Да есть реченья».

Последняя строка не дописана:

Холодн<ые> и сер<ые>...

См. строки 16—19.

К стр. 32. Альчики — распространенная на юге России игра в кости (бараньи позвонки).

«...в них качнются люди...» (стр. 272). Написано в 1916 г. Печатается по отрывку из белового автографа.

Строки 5—14 совпадают с текстом стихотворения «Моих друзей летели сонмы». Варианты строк 17—20, 22 в первоначальной редакции входят в стихотворение «Да, есть реченья». Ср. также в отрывке «Я умолял» (Собр. произв., т. V).

Первоначальный текст строк 23—26 записан на оборотной стороне листа, заполненного текстом стих. «Да, есть реченья». (См. комментарии).

Примечание к прозаическому тексту: «...другие в полотняных кольчугах и латах...»— ср. в «Предложениях», написанных в конце 1915 г.: «Носить вместо одежд средневековые латы белого цвета из того полотна, которое теперь служит для жалких воротничков и нагрудничков (Собр. произв., т. V, стр. 159). См. также в «утопии» 1915 гг. «Мы и дома» (Собр. произв., т. IV, стр. 276).

«Труп речи, но хохота князь» (стр. 274). Написано в 1916 г. Печатается по незаконченному беловому автографу. Последняя строка не дописана. См. также конъектуру в строке 10 (угол листа оторван).

«Вчера я молвил» (стр. 275). Написано в апреле 1917 г. Беловой текст, существенно отличающийся от публикуемого здесь чернового, под заглавием «Сон», впервые напечатан в однодневной газете Союза деятелей искусства «Во имя свободы», П., 1917, 25 мая (вошло в поэму «Война в мышеловке»). Вариант первопечатного текста опубликован в посмертном сборнике Хлебникова «Стихи» (М., 1923). В черновом автографе после строки 27 сбоку вписаны две не рифмующие строки:

Неумолимый и суров<ый>
Я прижимал мои уста

К стр. 4—5. Обращено к Н. В. Николаевой; у нее в квартире в Москве жил ручной уж.

К стр. 10. Дедер (тверск.)— нечистый, дьявол.

К стр. 16. Зины — глаза.

К стр. 18. Зетить (костромск.) — высматривать (ср. в статье Хлебникова «З и его околица», стр. 346).

К стр. 19—21. Ср. прозаическую параллель в тезисах антивоенной декларации Хлебникова, относящейся к апрелю 1917 г. «1. Мы смуглые охотники, привесившие к поясу мышеловку, в которой испуганно дрожит черными глазами судьба. Определение судьбы, как мыши. 2. Наш ответ на войны—мышеловкой» (Собр. произв., т. V, стр. 258—259). См. также в прозаическом отрывке «Можно ку-

паться в количестве слез...», 1916 (Собр. произв., т. V, стр. 144) и в статье «Из книги удач», написанной 19. IV. 1917 г. (Сб. «Временник», № 2, М., 1917, стр. 8).

К стр. 3. Жемжурка (тульск.)—здесь народная пляска с вертлявыми телодвижениями.

К стр. 32. Веле (польск.)—весьма, очень.

К стр. 51. Зебри (орловск., тамбовск.)—челюсть.

Дерево (стр. 277). Написано в начале ноября 1921 г. В основе рукописного текста лежит беловая редакция, подвергнувшаяся дальнейшей обработке. Здесь мы даем текст, соответствующий последней стадии обработки, которую, однако, нельзя признать окончательной. Так, например, после строки 54 Хлебников вписал следующий кусок, не изменив конец основного текста:

Шумя задумчивой Алёною,
Война всегда везде со всеми.
Война, война! Коней в овсе мыть
Бежали утром прутья.

Приводим также строки, отброшенные Хлебниковым. После строки 15:

Как мощен солнцелов!
Грозишь зеленым батогом враждебным ночи сапогам ночного тополя.

После строки 29:

Свадьба месяца и мрака. А ветер ковыляет хром.

После строки 34:

Дереву нравы дал зверь белокурый,
Милость и нежность глупы, как куры.

После строки 35:

До красного мака.

Одноименное стихотворение Хлебникова, впервые опубликованное Д. Козловым в журн. «Красная новь» (М., 1927, № 8), существенно отличается от печатаемого здесь. (См. также комментарии к поэме «Шествие осеней Пятигорска»).

К стр. 37. Галах (южно-русск.) — босяк, хулиган.

ПИСЬМА

«Со спутанной головой» (стр. 279). Печатается по автографу с датой: «4. VIII. 905». Это одно из наиболее ранних известных нам прозаических произведений Хлебникова.

«Была тьма» (стр. 280). Написано в 1905 г. Печатается по беловому автографу.

Песнь мраков (стр. 281). Написано, вероятно, в 1906—1907 гг. Печатается по автографу.

«Мертвых годин ожерелье» (стр. 282). Написано в начале 1908 г. Печатается по автографу (Гос. Лит. Музей в Москве, № 1102/20, тетр. I, л. 68).

«Белорукая, тихорукая, мглянорукая» (стр. 283). Написано во второй половине 1908 г. Печатается по автографу. В стилевом отношении (неологизмы, составные эпитеты, игра морфологическими и фонетическими ассоциациями) вещь близка к ряду произведений, написанных одновременно — «Искушение грешника» и др.

В конце рукописи Хлебниковым дан следующий теоретический комментарий: «Художе<ственный> пр<ием> давать понятию заключенному в одном корне очертания слова другого корня. Чем первому дается образ, лик второго».

Чрезвычайно знаменательно упоминание в этой вещи о приемах пуэнтелистов. Очевидно, Хлебников находил аналогию между пуэнтелистическими методами разложения живописей поверхности на отдельные мазки чистого цвета, не нарушающего, однако, иллюзии предметности и своим словотворческим методом, в котором сочетание беспредметных неологизмов создает в то же время иллюзию смыслового движения.

Крымов Н. П.—художник-пейзажист. В 1907—1908 гг. его картины были на выставках «Голубая роза» и «Союз русских художников» («К весне» и др.).

Зверинец (стр. 285). Впервые напечатано в сборнике «Садок судей» I СПБ., 1910). Написано летом 1909 г. Посвящено «В. И.» — Вячеславу Иванову. (См. первоначальную редакцию в письме Хлебникова к Вячеславу Иванову от 10.VI.1909, стр. 357).

Здесь печатается по тексту сборника, выправленному Хлебниковым в 1911 г.

Приводим не вполне доработанный кусок, вписанный Хлебниковым на л. 100: «Где звери, — о, их глаз<а> и <нрзб.>—цветные окна храма — в и<их> вид<ны> бо<жества>». Первопечатный текст в сокращенном виде был перепечатан А. Крученых в сборн. Хлебникова «Ряв» (СПБ., 1913).

К. Чуковский в своей книге «Уот Уитмэн (М., 1914) написал,

что Хлебников в «Зверинце» «откровенно пародировал Уитмана». Приведи цитату из стихотворения Уитмана «Пространство и время»,

Где пантера над головой снует по сучьям,
Где выдра глотает рыбу,
Где, нежась на солнце, гремучая змея вытягивает вялое тело,
Где бобр стучит по болоту хвостом, как веслом...
Где плавник акулы торчит из воды, словно черная щепка...
Где стадо буйволов покрывает собою землю на квадратные мили вокруг...

Из этой цитаты видно, что Хлебников не пародировал Уитмана, а подражал ему. По свидетельству многих современников, Хлебников очень высоко ценил поэзию Уитмана. См., например, в воспоминаниях Д. Козлова: «Он [Хлебников] очень любил слушать Уитмана по-английски, хотя и не вполне понимал английский язык». («Новое о Велимире Хлебникове», «Красная новь», М., 1927, № 8, стр. 179).

Есть основание предполагать, что «Зверинец» то «стихотворение в прозе», которое было принято к печати редакцией журнала «Аполлон» (см. в письме от 23. X. 1909 г. Собр. произв. т. V, стр. 287). В своей книге «Далекие и близкие» (М., 1912) В. Брюсов полуодобрительно отозвался о «Зверинце»: «Кое-что интересное есть... у Хлебникова, но больше в прозе, чем в стихах» (стр. 194).

«Белой земли люди» (стр. 289). Написано, вероятно, в 1911 г. Печатается по автографу.

Окó (орочонская повесть) (стр. 291). Написана в 1912 г. Рукопись беловая с немногочисленными поправками.

Орочонский фольклор Хлебников ценил, как «самые древние предания о прошлом людей» (см. его статью «О расширении пределов русской словесности», 1913). В «Свояси» (1919) Хлебников писал: «Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня». См. коммент. к стих. «Пламена» (стр. 447).

«Лицо чернеет грубое» (стр. 294). Написано в конце 1914—1915 гг. Вещь эта по сюжету напоминает эпизод убийства Эхнатэна в повести «Ка» (март 1915 г.), см. Собр. произв., т. IV, стр. 333. Сходны и отдельные аксессуары, так, например, описание хижины: «Русская хижина в лесу, около Нила... На бревенчатых стенах ружья, Чехов, рога». Однако стилистического сходства между этими вещами нет.

Путик (сибирск.) — ловчая яма для зверей.

Охота (стр. 296). Эта сказка написана Хлебниковым в октябре 1919 г., во время пребывания на Сабуровой даче, где он скрывался от мобилизации «белыми». Опубликована проф. В. Я. Анфимовым в статье «Хлебников в 1919 г.» («Труды 3-й Краснодарской клинической городской больницы». Вып. I, 1935. стр. 72).

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

«И тогда захотелось уйти» (стр. 299). Написано, вероятно, в 1906—1907 гг. Печатается по автографу. Отрывок записан на об. листа, заполненного текстом «Песни мраков».

Происшествие в помещичьей усадьбе среднего достатка (стр. 300). Написано в 1909 г. Печатается по беловому автографу, конец которого утрачен.

Хмара (украинск.) — туча.

«Ты, смеющиеся очи» (стр. 302). Написано, вероятно, в 1911 г. Черновой набросок. Печатается по автографу, где записан план всей вещи:

«Пчелиная драма. Улей. Жены, работницы, трутни. Рабочая трудовая жизнь. Появление мертвой головы. Самопожертвование. Замурование. Пчела. Убивший. Умираю<щий>».

Тема «Пчелиной драмы» была подсказана Хлебникову «Жизнью пчел» Метерлинка. До сих пор еще не учтено влияние, оказанное на драматургию Хлебникова поэтикой Метерлинка, который, по выражению Л. Андреева, «мысли свои одел в штаны, а сомнения заставил бегать по сцене». Между тем, под непосредственным воздействием «Слепых» Метерлинка, написана пьеса Хлебникова «Госпожа Ленин» (1909—1912).

Хлебников, развивая и гиперболизируя метерлинковский прием ограничения действия сферой одного чувственного восприятия (слухового), расчленил человеческое сознание на отдельные восприятия, превратив каждое в драматический персонаж («Голос слуха», «Голос рассудка», «Голос зрения», «Голос догадки»). При этом Хлебников заимствовал прием намеков и предчувствий, отрывистую синтаксическую конструкцию фразы Метерлинка, эмоциональные повторения отдельных реплик. Несомненно, Метерлинка имел в виду В. Шершеневич, когда писал: «Госпожа Ленин, как нам кажется перевод, хотя это не обозначено» (газ. «Нижегородец» 1913, № 272, 19 декабря).

Сохранился в неполном виде автограф «Госпожи Ленин», дающий первоначальный беловой текст с поправками Хлебникова, относящимися к 1912 г. Автограф почти совпадает с текстом сборника «Дохлая луна», в котором есть опечатки и искажения (сборник напечатан Д. Бурлюком в провинциальной типографии). См. в Собр. произв., т. IV:

стр. 248, строка 2 снизу — надо: «Голос осязания».

стр. 249, строка 1 сверху — правильно: «...чувствуют».

стр. 249, строка 5 сверху — правильно: «Светильник».

стр. 249, строка 15 сверху — правильно: «...повертывается».

«Управда» (стр. 303). Написано в 1912 г. Печатается по автографу. Материалом для этого драматического наброска послужил эпизод из царствования императора Византии — Юстиниана (438—565 гг.). Существовала легенда, опровергнутая новейшей историографией о том, что Юстиниан был по происхождению славянин и носил первоначально имя Управды. Управда упоминается в черновом плане 6-го паруса «Детей Выдры» (1912 г.). В сохранившейся черновой редакции 6-го паруса (январь 1913 г.) монолог Управды следует после реплики Яна Гуса:

Я Управда, востока земной властелин,
Я слышал сло<ва>: славянин,
Сядь на престоле слабых рим<ских> потомков,
Слаб он и гол,
Состоя из обломков.
Я прошел златым покоем
Между лестниц и дверей.
Славянина успокоим
Укрощающей зверей.
Был мне слышен хохот тайный,
Хохот тайный, не случайный.

(Архив института лит-ры им. М. Горького.)

В статье «О расширении пределов русской словесности» (1913) Хлебников упоминает имя Управды в числе неразработанных тем.

В печатаемом отрывке разработан эпизод из так называемого «восстания ника» (532 г. «Ника» — «побеждай!», возглас, которым публика подбодряла возницу во время бегов—девиз восставших). Начавшись 13 января в цирке, восстание вскоре охватило всю столицу. Благодаря энергии императрицы Феодоры Юстиниан отказался от бегства, его полководцы Велисарий и Мунд 18 января окружили гипподром и выбили оттуда восставших, которых погибло около 30 000 человек.

Среди бумаг Хлебникова сохранились заготовки, в которых зафиксированы и другие эпизоды из биографии Юстиниана.

«...Ранами и сечами своего дяди» — дядя Юстиниана — Юстин I, по происхождению крестьянин, был солдатом и лишь путем сложных интриг завладел императорским троном.

«...вспоминая то время, когда я пела и плясала»—императрица Феодора — дочь сторожа медведей в константинопольском амфитеатре, до замужества была певицей и танцовщицей.

«Твой воевода усмирил остготов» — здесь у Хлебникова ана-

хронизм. Диалог Феодоры и Юстиниана относится к 18 января 532 г., а победоносная борьба Велизария с остготами происходила в 535—540 гг.

Тройкобежцы — возницы, управлявшие беговыми колесницами на константинопольском гипподроме, где и началось восстание.

Жители гор (стр. 305). Написано в 1912 г. Печатается по автографу. Первоначальное заглавие вещи — «Девы русские». В рукописи два слоя поправок. Более поздние поправки относятся к концу 1913 г. Текст не вполне отделан. «Жители гор», особенно в описательных местах, написаны под явным воздействием патетического гоголевского стиля, в частности «Тараса Бульбы». Связь с Гоголем у Хлебникова не случайна. Любопытно отметить, что в беловом автографе рассказа «Велик-день» (1911) рукою Хлебникова вписан подзаголовок: «(Подражание Гоголю)». В творчестве Гоголя Хлебникова интересовала украинская мифология, внедрение в русский литературный язык диалектизмов, архаизмов и украинизмов, свобода переходов от плана реального к фантастике, метафорическое преображение неодушевленного мира и метод эпического повествования. В заметке «Уравнение души Гоголя» (1922) Хлебников упоминает лишь «малороссийские повести» и «радостные вечера, где ясная весна Украины, ее русалки, языческие веселые глаза прячутся за каждой строкой московского набора» (Собр. произв., т. V, стр. 272).

С «Тарасом Бульбой» Гоголя перекликается и 4-й парус «Детей Выдры»—«Смерть Паливоды» (1911). Само имя Паливоды заимствовано из «Тараса Бульбы». Так же, как у Гоголя, действующими лицами здесь являются запорожцы, повторяется гоголевский мотив об отделившейся от тела и летящей в небо душе.

«И был в станице бессмертных душ, полетевших к престолу, Паливода. Зрелым оком окинул он, умирая, поле битвы и сказал: «Так ныне причастилась Русь моего тела и иду к горнему Престолу».

И оставил свое тело мыть дождям и чесать ветру и полетел в высокие чертоги рассказать про славу запорожскую и как погиб за Святую Русь».

Сравни описание того же мотива в «Тарасе Бульбе»:

«Понеслась к вышинам суровая казацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела...»

«И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась казацкая душа из сурового тела...»

«...Собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться со светом. Дай бог всякому такой кончины! Пусть же славится до

конца века русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру».

Влияние Гоголя на прозу Хлебникова можно проследить и в прозаических вещах последнего периода. (См. «Есир», 1918—1919, «Малиновая шашка», 1921.)

К странице 305. Острачица Степан—казачий атаман, боровшийся против польского владычества в XVII в.

Грюнвальд — 15 июня 1410 г. на правом берегу нижней Вислы у Грюнвальда и Танненберга произошла битва между прусским рыцарским орденом и литовско-русским и польским войском. Битва кончилась поражением прусского ордена. 40 000 рыцарей было убито, 15.000 взято в плен.

К странице 306. Коссовское поле—место, где в 1389 г. произошла битва между турками и сербами, закончившаяся поражением последних.

Гачи—штаны, портки.

Легинь, солодка — см. комментарий к стихотворению «Гевки гевки...» (стр. 448).

«Лубны своеобразный глухой город» (стр. 310). Написано в 1912—1913 гг. Печатается по автографу.

В 1909 г. родные Хлебникова жили в Лубнах.

«Коля был красивый мальчик» (стр. 312). Написано в 1912—1913 гг. Отрывок написан теми же чернилами и на листе почтовой бумаги того же формата, что и предыдущий.

Коля — Н. Рябчевский, скрипач, двоюродный брат Хлебникова. В июне 1912 г. Хлебников жил в Одессе у своей тетки В. Н. Рябчевской. См. в письме от 5. VI. 1912 г.: «...Коля кончает испытания, похудел и вытянулся». (Собр. произв., т. V, стр. 293).

«Черцея макушкой стриженой» (стр. 314). Написано в 1912—1913 г. Печатается по автографу.

К странице 315. Бабурка—пестрокрылое насекомое, мотыль.

К странице 316. Насад—судно с поднятыми, надставленными бортами.

«Я пошел к Асоке» (стр. 317). Написано в 1915 г. Отрывок тематически и конструктивно примыкает к повести «Ка» (1915). Печатается по автографу (Архив института лит-ры им. М. Горького).

Асока (Ашока) — индийский царь (III в. до нашей эры). Ввел законы, основанные на уважении ко всем проявлениям жизни (у людей и животных), почитании старших, веротерпимости и т. д. В последние годы царствования принял монашество.

СТАТЬИ, ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАМЕТКИ

«Пусть на могильной плите» (стр. 318). Печатается по беловому автографу с датой: «24.XI.904».

Курган Святогора (стр. 321). Написана в конце 1908г., 10 января 1909 г. Хлебников послал эту статью В. В. Каменскому. Газета «Луч света», редактором которой был Каменский, вскоре прекратила существование, и статья осталась не напечатанной. Печатается по автографу, хранящемуся у В. В. Каменского.

Первое четверостишие — цитата из первоначального текста пьесы «Снежимочка» (1908 г.).

К странице 322. «...кто разорвет злые, но сладкие чары...» — здесь выпад против поэтов-символистов; в частности Хлебников имеет в виду сборник стихов К. Бальмонта «Злые чары» (М., 1906).

К странице 322. Буй—смелый, дерзкий, буйный.

«Изберем два слова» (стр. 325). Написана в начале 1912 г. Отдельные положения этой статьи совпадают с «разговором» «Учитель и ученик», особенно с первопечатанным текстом, изданным в мае 1912 г. Печатается по автографу.

Вне основного текста на л. 1-м записаны следующие законченные куски:

«Л означает те движения, в которых причина движения есть движущаяся точка.

Т—при<чину> движения.

Д — сокращение расстояний, как действие своесильное движущегося тела.

Л — сокращение расстояний, как действие, вызванное силами неподвижного тела.

Смысл лить выступает из сравнения с течь: сбегать, повинуясь силе тяжести. Река течет туда, куда велит уклон места. А человек льет воду, куда хочет. Отсюда луг, лужа».

«Ухо словесника» (стр 330). Написана, вероятно, в 1912 г. Печатается по беловому автографу. Примыкает к циклу лингвистических статей 1912—1913 г., в которых Хлебников пытался доказать, что отдельные фонетические единицы имеют самостоятельное смысловое значение.

«Сарынь на кичку» у Хлебникова истолковано произвольно. «Сарынь»—толпа, ватага. «Кичка»—нос судна. Боевой клич волжских казаков.

«Каким образом в со» (стр. 332). Написана на листе того же формата и тем же почерком, что и «Ухо словесника».

«Мы хотим девы слова» (стр. 334). Написана в начале 1912 г.

Одна из наиболее ранних деклараций Хлебникова, направленная против символистов. Печатается по автографу. Рядом с текстом статьи следующая запись: «В зверинце «клеветников России» состоят: Мережковский, Арцыбашев, Сологуб, Ремизов». Ср. в статье «Учитель и ученик» (Собр. произв., т. V, стр. 179—181).

«Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью». Для новаторских тенденций поэтов-футуристов характерно обращение к конструктивным принципам кубистической живописи. Из теории кубизма поэты-футуристы заимствовали понятие «фактуры слова», «шероховатой, занозистой поверхности», «сдвигов» и т. д.

Проф. Б. П. Денике вспоминает о своей встрече с Хлебниковым и Маяковским в 1912 г.: «...Я пошел в Щукинскую галлерею, которая была открыта тогда только по воскресеньям. Здесь я застал Маяковского и Хлебникова... Мы долго ходили по галлерее, и Хлебников проводил аналогии между новейшей французской живописью и своими формальными исканиями в области поэтического языка». См. в стих. Хлебникова «Бурлюк» (1921):

Странная ломка миров живописных
Была предтечею свободы, освобожденьем от цепей.

(Собр. произв., т. III, стр. 291.)

«...Андрей Белый томится в темнице Пушкина, так прославленного им». Хлебников имеет в виду статьи Андрея Белого в книге «Символизм» (М., 1910).

«Мы обвиняем» (стр. 335). Написана осенью 1912 г. в связи с подготовкой к изданию первых футуристических сборников —«Пощечина общественному вкусу» (М., 1912) и «Садок судей» II. (СПБ., 1913). Текст декларации записан на обложке поэмы А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду» (М., 1912, август).

«...старшие поколения дают младшим чашу бытия отравленной»— ср. стиховую параллель в поэме «Гибель Атлантиды», написанной, вероятно, в 1912 г.:

И юность и отроки наши
Пьют жизнь из отравленной чаши.

(Собр. произв., т. I, стр. 95.)

См. также в статье Хлебникова «Песни 13 весен», 1913 (стр. 340).

«...в этом смысл жизни Андреева, Арцыбашева, Сологуба и других»... Декларация направлена против упадочного мировоззрения символистов и модернистов, которому Хлебников противопоставлял жизнеутверждающую тематику народной поэзии (ср. «Учитель и

ученик»). Сохранился набросок резко полемической статьи Хлебникова о Л. Андрееве, написанной в начале 1908 г. в связи с выходом пьесы «Царь-голод»:

«Уж все журналисты прокричали, что Андреев — мировой писатель. «Прачки, стирая белье, убивают друг друга тонкостью вкуса, находя в произведениях Андреева сходство с картинами Гойя»,— жаловался мне мой один приятель. Я не читал. Я не подслушиваю того, о чем разговаривают прачки.

Но все же, что такое Андреев?

Есть писатели «наоборот» (aú rebours). Я не думаю, чтобы Л. Андреев был писателем «наоборот». Нет. Но не следует ли присоединиться к мысли — Л. Андреев сочинитель «шиворот-навыворот?» До сих пор думали, что за словами скрывается некоторое содержание. Писатель Леонид Андреев пришел и говорит: «Нет! За словами не скрывается никакого содержания». Ну что же, поверим.

Думали, что слова обязывают. Писатель Леонид Андреев говорит, что слова ничему никого не обязывают. И этому поверим...» (Гос. Лит. Музей в Москве, № 1102/20, тетр. II, л. 100—101).

О бродниках (стр. 336). Впервые напечатана в сборнике «Садок судей» II (СПБ., 1913), как произведение Д. Бурлюка. Это объясняется путаницей при верстке: в сборнике стихи Д. Бурлюка следуют непосредственно за этой вещью Хлебникова. Здесь печатается по беловому автографу.

Хабаров Ерофей Павлович — в 50-х годах XVII в. колонизовал земли, лежащие по реке Амуру.

Песни 13 весен (стр. 338). Написана в январе 1913 г. Три стихотворения тринадцатилетней Милицы «Хочу умереть», «В цветы полевые одета» и «Так скромно ландыш расцветает» под общим заголовком «Песня 13 весен» были напечатаны по настоянию Хлебникова в сборнике «Садок судей» II (СПБ., 1913, февраль). Цитируемая Хлебниковым «Песнь к ветру» в сборнике напечатана не была. Письмо Хлебникова к Матюшину, издавшему сборник, в Собр. произв. неправильно датировано ноябрем 1912 г. Между тем, оно не могло быть написано раньше января 1913 г. См. в найденном нами черновике этого письма: «Я только что радовался, сравнивая казенную «Пощечину», обложке и внешности «Садка судей». В нашем распоряжении находится также письмо Д. Бурлюка от 2 февраля 1913 г., в котором он упоминает об этом письме Хлебникова. Сохранились стихи Милицы, переписанные Хлебниковым и посланные им М. В. Матюшину.

О расширении пределов русской словесности (стр. 341). Впервые напечатана в газете «Славянин», СПБ., 1913, № 11, 21 марта.

Любопытно, что уже в августе-сентябре 1912 г. в письме к А. Крученых Хлебников выдвигает тезисы, развернутые в статье: «1) Составить книгу баллад». Что? Россия в прошлом, Сулимы, Ермаки, Святославы, Минины и пр., Вишневецкий. 2) Воспеть задунайскую Русь, Балканы. 3) Сделать прогулку в Индию, где люди и божества вместе. 4) Заглянуть в монгольский мир. 5) В Польшу. 8) Заглядывать в словари славян, черногорцев и др.» (Собр. произв., т. V, стр. 298).

Дубровник или Рагуза — центр славянской республики на берегу Адриатического моря, просуществовавшей с VII в. по XIX в. В 1815 г. Дубровник был присоединен к Австрии.

Медо-Пуцич, правильнее Пучич (Orsat Počič) — род. в 1821 г., сербский граф, автор ряда статей о дубровницких и далматинских писателях. В 1844 г. издал «Антологию» из произведений старых дубровницких поэтов. В 1856 г. вышла его «Povêstnica Dubrovnica». Собрал памятники по истории Дубровника.

Рюген — остров на Балтийском море, который в древности был населен славянами — вендами. О их господстве на Рюгене свидетельствуют географические названия, памятники, могилы, земляные валы и т. д.

«Рюген и поморяне лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого» — Хлебников имеет в виду стихотворения А. К. Толстого «Боривой» и «Ругевит».

Булгар — один из главных административных и торговых пунктов государства волжских болгар (X—XIV вв.)

Биармия — название полулегендарной страны, расположенной на севере России. Название это часто встречается в скандинавских сагах. Предполагают, что Биармия была страна с высококультурным и богатым финским населением, поддерживавшим торговые сношения с скандинавскими странами, с Византией и даже с Индией.

<Полемические заметки 1913 г.> (стр. 343). 1) Написана в конце октября 1913 г. в связи с лекцией К. Чуковского «Искусство грядущего дня (русские поэты-футуристы)», прочитанной 24 октября в Москве. О лекции см. в фельетоне С. Яблоновского «Шампанское в плошку» (газ. «Русское слово». М., 1913, № 246 25 октября). Печатается по автографу.

1913 год — период наиболее ожесточенной полемики с футуристами в газетной и журнальной прессе. См. тезисы доклада В. Маяковского, прочитанного 11 ноября 1913 г. «Достижения футуризма». «3) Критика в хвосте поэзии. Образцы вульгарной критики. Корней Чуковский, Сергей Яблоновский, Валерий Брюсов и другие». (Полн. собр. соч., т. I, М., 1935, стр. 351). Ср. также статью Хлебникова, написанную в начале 1914 г. (Собр. произв., т. V, стр. 194).

«Чуковский с топором Уитмана».—Хлебников имеет в виду статью К. Чуковского об Уитмане «Первый футурист» (газ. «Русское слово», М., 1913, № 127, 4 июня). Ср. в черновом тексте манифеста сборн. «Рыкающий Парнас» (декабрь 1913 г.), написанном А. Крученых и В. Хлебниковым: «...Ловкие старички продевают сквозь наши пути нити старых имен: Уитмана, Даниила Заточника, А. Блока и Мельшина. К. Чуковский возил на рыдване по городам и весям России наши имена» (Собр. произв., т. V, стр. 249).

II) Вторая декларация написана Хлебниковым в начале ноября 1913 г. — накануне лекции К. Чуковского «О футуризме», состоявшейся 5 ноября в Петербурге. В качестве оппонентов выступали В. Маяковский и А. Крученых, высказывания которого почти совпадают с декларацией Хлебникова (написанной при участии А. Крученых).

Апология Уитману, которого К. Чуковский, противопоставляя футуристам, охарактеризовал, как «первого футуриста» и «поэта грядущей демократии», вызвала отпор со стороны В. Маяковского, Д. Бурлюка, А. Крученых и В. Хлебникова. В своем выступлении А. Крученых прочел следующую пародию:

Чуковский-пристав
Занялся читкой
И ловлей прыткой,
Носат, неистов...
Из голенища
Берет узду:
Уитмана пища!
Закончил езду...
Корней Чуковский швайку точит,
Раек же... ический
С ордой девической
В ладонь грохочет.

(См. в газ. «День», СПБ., 1913, № 303, 8 ноября; текст выправлен по автографу А. Крученых, с поправками Хлебникова).

Полемическое отождествление К. Чуковского с приставом объясняется инцидентом, которым закончилась его предыдущая лекция (13 октября 1913 г. в зале Тенишевского училища): пристав заявил К. Чуковскому, что петербургским градоначальником запрещено публичное чтение футуристических стихов. (См. газ. «День», СПБ., 1913, № 279, 15 октября).

Пародия А. Крученых представляет собой переработку фельетона в стихах, написанного по поводу инцидента на лекции К. Чуков-

ского (см. Хафиз, «Пиковое положение», газ. «Раннее утро», М., 1913, № 239, 17 октября). Текст декларации Хлебникова записан на вырезке из газеты, где напечатан этот фельетон.

Лекции К. Чуковского «Искусство грядущего дня (русские поэты-футуристы)» были одной из первых попыток осмыслить особенности и тенденции нового поэтического течения и привлекли большую аудиторию. Первая лекция К. Чуковского состоялась 5 октября 1913 г. в Петербурге: выступали А. Крученых, И. Северянин.

В декабре 1913 г. лекция К. Чуковского под заглавием «Эго-футуристы и кубо-футуристы» была напечатана в альманахе «Шиповник», кн. 22.

К этому времени относится встреча Хлебникова с К. Чуковским, о которой см. в неопубликованных воспоминаниях М. В. Матюшина. «...На одном из докладов Чуковский, встретившись в зале с Хлебниковым, обратился к нему с предложением вместе издать не то учебник, не то что-то другое. Я стоял рядом и наблюдал; одинаково большого роста, они стояли близко друг к другу. Две головы — одна с вопросом, другая с нежеланием понимать и говорить. Чуковский повторил вопрос. Хлебников, не уклоняясь от его головы и смотря прямо ему в глаза, беззвучно шевелил одними губами, как бы шепча что-то в ответ. Это продолжалось минут пять, и я видел, как Чуковский смущенный уходил из-под вылупленных на него глаз Хлебникова и под непонятный шопот его рта. Никогда я не видел более странного объяснения».

Ряв о железных дорогах (стр. 344). Напечатана в сборнике Хлебникова «Ряв», вышедшем в декабре 1913 г. Написана, вероятно, в том же году. Наиболее ранняя из известных нам технических утопий Хлебникова.

Вступительный словарик односложных слов (стр. 345). По свидетельству В. В. Каменского, написан в 1915 г. Печатается по беловому автографу, хранящемуся у В. В. Каменского.

З и его околица. Из книги «О простых именах языка» (стр. 346). Написана, вероятно, в 1915 г. Статья эта примыкает к другой филологической статье Хлебникова, которая также называется «О простых именах языка». (Альманах «Очарованный странник», вып. 10, П., 1916, вышел в феврале).

«Мы, председатели Земного Шара» (стр. 348). Напечатан в сборнике «Без муз», изданном в июне 1918 г. в Нижнем Новгороде. В 1918 г. Хлебников в Нижнем Новгороде был дважды: в мае-июне и в июле-августе (по возвращении из Казани). С. Спасский вспоминает о первом пребывании Хлебникова: «В Нижнем я узнал о его проезде. Прочел несколько оставленных им манифестов. Ма-

нифесты были сочинены в сообществе с несколькими молодыми поэтами. (Журн. «Литературный современник», Л., 1935, № 12, стр. 195—196.) В списке своих вещей, составленном в 1922 г., Хлебников называет эту декларацию «Манифест скифов».

Союз изобретателей (стр. 349). Написана, вероятно, осенью 1918 г. Темы этой вещи впоследствии были использованы в декларации, написанной в 1920 г. и в поэме «Ладомир», 1920 (Собр. произв., т. V, стр. 157, т. I, стр. 189). Текст опубликозан А. Крученых в вып. 24 «Неизданного Хлебникова» (М., 1933). Здесь печатается по рукописи.

Открытие Народного университета (стр. 350). Напечатана под инициалами «В. Х.» в органе полит. отд. Револ. военного совета Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта — газете «Красный воин», Астрахань, 1918, № 66, 28 ноября.

Текст «отчета» принадлежит редакции газеты.

Эта статья близка к утопии Хлебникова «Лебедия будущего», также написанной в 1918 г. (Собр. произв., т. IV).

Богдо — гора в Киргизских степях, на левом берегу Волги.

Лебедия — см. примечание Хлебникова к статье «Лебедия будущего»: «Лебедией звался в древние времена весь земной край между Доном и Волгой». (Архив института лит-ры им. М. Горького).

Свое сотрудничество в газете «Красный воин» Хлебников отметил в краткой библиографии своих работ, приложенной к автобиографической заметке 1920 г. (Собр. произв., т. V, стр. 280.) Хлебников приехал в Астрахань, вероятно, в августе 1918 г. — из Нижнего Новгорода, где сотрудничал в газете «Рабоче-крестьянский нижегородский листок». 12 сентября 1918 г. Хлебников написал декларацию, обращенную к угнетенным народам Азии (Китай, Индия, Персия, Афганистан, Сиам). В этой декларации Хлебников сформулировал свое отношение к политике империализма: «...Пока во всех государствах пролетарии не взяли власть, государства можно разделять на государства-пролетарии и государства-буржуа». (Текст декларации, продиктованный Хлебниковым Р. Ивневу, хранится в Гос. лит. музее в Москве.)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Автобиографическая заметка (стр. 352). Написана, вероятно, в 1914 г. Печатается по автографу.

«О, рассмейтесь, смехачи» — впервые напечатано в сборн. «Студия импрессионистов», СПБ., 1910.

«Девий бог» — пьеса Хлебникова, напечатанная в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912).

«Сельская дружба» — поэма (Сборн. «Молоко кобылиц», М., 1914, напечатан Д. Бурлюком в конце 1913 г. в Херсоне).

«...Выступил... в защиту «угророссов, отнесенных немцами в разряд растительного царства». Хлебников написал статью «Кто такие угророссы?», напечатанную в газ. «Славянин» (СПБ., 1913, № 13, 28 марта). Эта статья направлена против «расовой» теории.

Среди бумаг Хлебникова сохранилась следующая запись (1912—1913 гг.).

«Германская наука о прошлом полна басен, которые были бы только смешны, если бы за ними не скрывались самые плачевные намерения. Доводя до предела эти измышления, следовало бы сказать, что уже первый человек был германцем, а германские племена, бродившие по лесу, занимались диференциальным счислением. Эти выдумки и измышления пришли на смену оскудевшему германскому духу». Ср. в статье Хлебникова «Западный друг», напечатанной в июле 1914 г.: «Теперь в Германии наука — служанка государства».

«В 1913 году был назван великим гением современности». Хлебников имеет в виду листовку «Пощечина общественному вкусу», изданную Д. Бурлюком в феврале 1913 г. в Москве: «В 1908 году вышел «Садок судей» — в нем гений — великий поэт современности — Велимир Хлебников впервые выступил в печати. Петербургские метры считали Хлебникова «сумасшедшим». Они не напечатали, конечно, ни одной вещи того, кто нес собой возрождение русской литературы».

А. Крученых в своих неопубликованных воспоминаниях пишет, что Хлебников особенно ценил эту листовку: «... расклеивал ее в вегетарианской столовой (в Газетном переулке) среди всяческих толстовских объявлений. Хитро улыбаясь, раскладывал на пустых столах, как меню».

В том же 1913 г. Давид Бурлюк прочел два полемических доклада «Пушкин и Хлебников», вызвавших ожесточенные нападки со стороны столичной и провинциальной «желтой» прессы. Первая лекция состоялась 3 ноября в Петербурге в зале Тенишевского училища (в пользу орловского землячества при Политехническом институте). Приводим тезисы лекции: «1) XIX в. — век Пушкина. 2) Отношение к слову и идее... 5) «Гилея футуристы — характеристика. Маяковский, Крученых, Н. Бурлюк. 6) Хлебников — созидатель. 7) Любовь к языку. 8) Понимание мира в связи с логосом. 9) Азийский пласт культуры. 10) Личность Хлебникова. 11) Поэт и общество». (Афиша.) В своей лекции Бурлюк цитировал преимущественно «словотвор-

ческие» эксперименты Хлебникова. На лекции Д. Бурлюка присутствовали В. Маяковский и А. Крученых. (См. заметки в газ. «Речь», СПБ., 1913, 4 ноября и «Новое время», СПБ., 1913 4 ноября.)

11 ноября Д. Бурлюк прочел доклад на ту же тему в аудитории Политехнического музея в Москве. В качестве второго докладчика выступил Маяковский («Достижения футуризма»). В своем докладе Д. Бурлюк использовал статью В. Каменского «О Хлебникове» (ср. в книге Хлебникова «Творения», М., 1914, и в заметке в газ. «Русское слово», М., 1913, 12 ноября). После докладов с чтением своих произведений выступили Маяковский, Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, В. Каменский и Хлебников. Это было единственное публичное выступление Хлебникова в 1913 г. По свидетельству рецензента газ. «Русское слово» «его [Хлебникова] невозможно было расслышать». 20 ноября 1913 г. Маяковский прочел в Петербурге доклад «О новейшей русской литературе», в котором охарактеризовал Хлебникова как зачинателя «новой поэтической эры». (См. газ. «Россия», СПБ., 1913, 27 ноября).

ПИСЬМА

1. В. И. Иванову.

Послано в Петербург.

Хлебников послал В. Иванову 14 стихотворений (См. коммент. к стих. «Желанье-смеяние» (стр. 401). Вероятно, В. Иванов высказал свое мнение о стихах Хлебникова в ответном письме, которое не сохранилось.

«Студенту В. В. Хлебникову» — в 1908 г. Хлебников был студентом естеств. отд. физико-математического факультета.

Автограф хранится в отд. рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина.

2. В. В. Каменскому.

В конце декабря 1908 г. Хлебников уехал из Петербурга в Москву, а оттуда — в Святошино (Киевск. губ.).

«Скифское» — не дошедшая до нас вещь Хлебникова.

«Крымское» — впервые было напечатано только в 1913 г. в сборнике «Садок судей» II (СПБ.). «Скифское» и «Крымское» Каменскому посланы не были.

«Курган Святогора» — статья, печатается впервые в настоящем издании.

«Купальщики» Савинова — картина А. Савинова «Купание», была

на выставке в Академии художеств в 1908 г. См. С Маковский «Выставка нового общества». Журн. «Аполлон», СПБ., 1911, № 1, стр. 47. (В настоящее время находится в Музее академии художеств в Ленинграде.)

«Навьи чары» — роман Ф. Сологуба, напечатанный в альманахе «Шиповник», СПБ., 1908.

«Свежимочка» — пьеса Хлебникова, впервые публикуемая в настоящем издании.

«Какой первый номер газеты». — Здесь идет речь о газете «Луч света», которую в начале 1909 г. редактировал В. Каменский. «В Петербурге возникла ежедневная газета Белкова — «Луч света». Меня пригласили редактировать. Я сгруппировал почти всю новую литературу. Предложил сотрудничать Ф. Сологубу, Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилеву, Городецкому. На одном из первых редакционных собраний Г. Чулков и Городецкий, вероятно, из желания завладеть моим портфелем редактора, осудили зло мой образ действий. Я ушел из редакции, и газета кончилась». (В. Каменский. Его — Моя биография, М., 1918, стр. 96). В № 1 (15 января) были напечатаны рассказы В. Каменского и А. Ремизова и статья Н. Кульбина. В № 2 (и последнем), от 22 января, — рассказ А. Толстого, статья С. Городецкого и фельетон Саши Черного.

«...В этом письме 6 листов». — Вместе с письмом Хлебников послал Каменскому статью «Курган Святогора».

Из Святошина в Петербург Хлебников вернулся в мае 1909 г.

3. В. И. Иванову.

Послано в день отъезда Хлебникова из Петербурга в Святошино.

О взаимоотношениях Хлебникова с В. Ивановым и его кружком см. в комментариях к стих. «Передо мной варился вар» (стр. 416).

В. Иванов, одобривший первые литературные опыты Хлебникова, незадолго до его поездки в Святошино (в июне 1909 г.) посвятил ему стихи (Сборн. «Cor ardens», М., 1911, кн. 1; ср. в сборн. «Стихи», М., 1923). Любопытно, что Хлебников, посвятивший В. Иванову «Зверинец», оставил это посвящение и в первом сборнике группы будетлян «Садок судей», изданном после окончательного разрыва Хлебникова с кружком Вячеслава Иванова. В последующие годы Хлебников продолжал встречаться с В. Ивановым. (См. в «Повести о Хлебникове» Д. Петровского, М., 1926, стр. 10—11 и в «Воспоминаниях о Хлебникове» Т. Вечорки Толстой («Записная книжка В. Хлебникова», М., 1925, стр. 27). В своем «дневнике» Хлебников упоминает о получении им письма от Вячеслава Иванова в 1914 или в 1915 гг. (Собр. произв., т. V, стр. 329).

В письме к Вячеславу Иванову, относящемуся, вероятно, к 1913 г., Хлебников писал: «Я задался вопросом, не время ли дать вам очерк моих работ, разнообразием и разбросанностью которых я отчасти утомлен...» (Это письмо было в неполном виде напечатано Д. Бурлюком в сбор. «Молоко кобылиц», М., 1914.) Однако, Вячеславу Иванову не принадлежит ни одного печатного высказывания о Хлебникове.

К стр. 355. В. К. — Вера Константиновна Шварсалон — падчерица В. Иванова.

К стр. 356. «Я был в Зоологическом саду». — В статье «Свояси» (1919) Хлебников неправильно указывает, что «Зверинец» написан в московском зверинце (Собр. произв., т. II, стр. 9). См. также коммент. к «Зверинцу» (стр. 453).

К странице 357. «Его [Ремизова] кажется заставляют грустить нападки печати». — См. коммент. к след. письму.

4. В. В. Каменскому.

Послано в Пермь.

В Святошине Хлебников провел летние каникулы (июнь — август).

«Внучка Малуши» — поэма, впервые напечатанная в сб. «Дохлая луна» (М., 1913).

«Поперек времен» — замысел этой вещи не был осуществлен.

«Италии» (СПБ., 1909) — литер. сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине.

«Плагиат писателя» — «Плагиат Алексея Ремизова» — заметка в газете «Киевская мысль» (1909, № 167, 19 июня), основанная на статье «Писатель или списыватель?», газ. «Биржевые ведомости» (СПБ., 1909, № 11160).

«...появилась позднее заметка», — «Плагиатор ли Ремизов?» («Киевская мысль», 1909, № 173, 25 июня), где была перепечатана статья М. Пришвина, выступившего в защиту А. Ремизова («Плагиатор ли А. Ремизов?», газ. «Слово», СПБ., 1909, № 833, 21 июня). См. также письмо А. Ремизова в редакцию газ. «Русские ведомости» (М., 1909, № 205, 6 сентября).

Поэтическая практика раннего Хлебникова находилась под сильным влиянием архаического крыла символизма (А. Ремизов, В. Иванов, С. Городецкий). Хлебников высоко ценил высказывания о его первых опытах А. Ремизова (см. предыдущее письмо).

В своих литературных воспоминаниях о 1908—1909 гг. А. Ремизов писал:

«...о ту же пору Яков Годин привел А. Н. Толстого, Пришвин, М. А. Кузмин, потом Вас. Вас. Каменский, В. Хлебников, с которым слова разбирали» (А. Ремизов. Кукха. 1923, стр. 57—58).

Отрывок из этого письма, неправильно датированного 1910 г., в искаженном виде напечатан в Собр. произв., т. V.

5. М. В. Матюшину.

Послано в Петербург.

Матюшин М. В. (1861—1934) — художник и музыкант, издатель футуристических сборников; муж Елены Гуро.

Гуро Е. Г. (1877—1913) — писательница и художница. Книги — «Шарманка» (СПБ., 1909), «Осенний сон» (СПБ., 1912) и посмертная «Небесные верблюжата» (СПБ., 1914).

«... приступайте к печатанию». — Издание сборника произведений Хлебникова было задумано М. Матюшиным еще в конце 1910 г., см. в письме Хлебникова к родным (декабрь 1910 г.): «...После Рождества издаю том своих сочинений» (Собр. произв., т. V, стр. 293).

«Велик день» — рассказ Хлебникова, впервые напечатан в Собр. произв., т. V, стр. 121—123.

«Аспарух» — пьеса, впервые напечатана в сборнике «Рыв» (СПБ., 1914).

«Смерть Паливоды» — рассказ, впервые напечатан в сборнике «Рыкающий Парнас» (СПБ., 1914).

«Девий бог» — пьеса, впервые напечатанная в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912).

Вера Хлебникова—младшая сестра В. В. Одновременно с письмом, посланным Матюшину, Хлебников отправил письмо сестре, напечатанное в т. V Собр. произв., где оно неправильно датировано 1912 г.

«Молодой художник» — вероятно, Б. Эндер.

6. Е. Г. Гуро.

«...Упал во время полета Васильев-Каменский» — см. в воспоминаниях В. Каменского: «...еду в Гатчину тренироваться на аэродроме... Один раз падаю с небольшой высоты, ломаю хвост аэроплана и царапаю себе ноги». (Его — Моя биография, М., 1918, стр. 113).

В 1911—1912 гг. В. Каменский был летчиком. В мае 1912 г. он упал во время полета в Ченстохове и затем оставил авиацию.

«Звени день» — стихотворение В. Каменского, напечатанное в сборн. «Садок судей» I, СПБ., 1910.

«Выставка, где царят Бурлюки» — вторая выставка Об-ва художников «Союз молодежи», открывшаяся 11 апреля 1911 г. (См. «Русская художественная летопись», СПБ., 1911, № 8, апрель.) Здесь было выставлено одиннадцать работ Д. Бурлюка и семь работ В. Бурлюка, написавшего «Портрет поэта Хлебникова», местонахождение которого в настоящее время неизвестно (см. каталог выставки).

Мясоедов С. — участник сборника «Садок судей» I, где напечатан его рассказ «В дороге». М. В. Матюшин в своих неопубликованных воспоминаниях пишет: «На Лицейской появился и Мясоедов, учитель математики, оригинальный ум. Он рассказывал, что у них в роду все Мясоедовы говорили друг с другом на своем изобретенном ими языке, и уже это одно делало его необходимым соучастником нового творчества».

«Дон-Кихот» — сюита для фортепиано М. Матюшина, изданная в 1915 г.

«...век Санчо Панчо». — См. в ответном письме Е. Гуро: «...наш век не Санчо-Панса, у Санчо есть все же своя совесть и верность, наш век просто биржевого маклера, который только видит сделку и дальше не входит ни во что».

Иогансон Тамара — музыкантша, ученица М. В. Матюшина.

В журнале «Аполлон» в отделе «Пчелы и осы Аполлона» были приведены без комментария под заголовком «Образцы из сборника «Садок судей» цитаты из произведений В. Каменского («На высокой горке»), Н. Бурлюка («Самосожжение», «Поэт и крыса», «Ночная езда») и С. Мясоедова («В дороге») («Аполлон», СПБ., 1910, № 12, стр. 57—58, вышел 20 ноября). Очевидно, об этой заметке Хлебников упоминает в письме к родным (декабрь 1910 г.): «...О Садке судей» заметка насмешливая» (Собр. произв., т. V, стр. 292).

Сборник драматических и прозаических произведений «Черный холм», об издании которого Хлебников вел переговоры с М. Матюшиным и Е. Гуро, издан не был.

К этому времени относится фрагмент Ел. Гуро, где в образе поэта дан «портрет» Хлебникова (см. Е. Гуро «Небесные верблюжата», СПБ., 1914, стр. 110).

7. К родным.

«Семь легенд» — книга новелл немецко-швейцарского писателя Готфрида Келлера, русский перевод которой вышел в серии «Универсальной библиотеки» в июле 1911 г.

«Пусть он напечатается» — речь идет о статье В. Хлебникова и его брата «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе», напечатанной вскоре в журнале «Природа и охота» (1911, кн. XII, декабрь, стр. 1—25).

8. В. А. Хлебникову.

Послано в с. Алферово (Симбирской губ.).

17 июня 1911 г. Хлебников был исключен из Университета. В Археологический институт он не поступил.

9. Андрею Белому.

Послано в Москву.

Написано Хлебниковым на обложке его статьи «Учитель и ученик», вышедшей отдельным изданием в мае 1912 г.

Андрей Белый с 1912 г. по 1916 г. жил за границей, и книга Хлебникова им, вероятно, получена не была.

Перед подписью зачеркнуто слово «Я».

Далее зачеркнуто: «Я сын Азии» и еще одно или два слова, которые не поддаются прочтению.

«...стан осажденных». — Полемическая часть статьи «Учитель и ученик» направлена против символистов.

Роман Андрея Белого «Серебряный голубь» был издан в 1910 г. (М., изд. «Скорпион»).

10. Е. Г. Гуро.

«Позднее пришлю более чистую книжку». — Речь идет о статье Хлебникова «Учитель и ученик». (См. в письме Хлебникова к М. Матюшину, Собр. произв., т. V, стр. 295.)

«Осенний сон» — пьеса Елены Гуро, напечатанная в одноименном сборнике ее произведений (СПБ., 1912).

«Звенят кузнечики» — стихотворение, напечатанное в книге «Осенний сон».

«Скрипичная вещь М. В. Матюшина» — из скрипичной сюиты «Осенний сон». Ноты напечатаны в книге Е. Гуро. См. также «Осенний сон», сюита для скрипки с фортепиано (П., 1915).

«Я принадлежу к числу понимающих ее и кто не гонит».—«Осенний сон» открывается следующим посвящением: «Отдаю эту книгу тем, кто понимает и кто не гонит».

«Шаман и Венера» — поэма Хлебникова, напечатанная в сборнике «Садок судей», изданном М. Матюшиным в феврале 1913 г. Повидимому, Хлебникову были посланы корректурные гранки.

11. М. В. Матюшину.

Елена Гуро умерла 6 мая (нов. ст.) 1913 г. в Усикирко (Финляндия).

«...как можно видеть из знаков о неслучайности встреч, найденных на березовой коре». — Ср. в фрагменте Е. Гуро «Утро»: «А в тонких кристальных березах знаки бессмертной жизни. Знаки, что кинутые здесь отрывки встреч и разлук будто минутные, полны значенья — вечно и верно» (сборн. «Садок судей» II, из цикла «Небесные верблюжата», стр. 95).

«Баянов, отцов Петровых». — Баян (Рославлев) — журналист, сотрудник «Гражданина», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и «Русского слова».

Григорий Петров — священник, публицист умеренно-либерального направления. Автор ряда книг духовно-нравственного содержания. Сотрудник газ. «Русское слово».

«...Я присылаю для вас... кое-что» — вероятно, вещи, вскоре напечатанные в сборн. «Трое» (СПБ., 1913); поэма «Хаджи-Тархан» и рассказы «Николай» и «Охотник Уса-Гали».

12. М. В. Матюшину.

В этом письме Хлебников просит прислать деньги на поездку в Уусикирко для участия в «Первом всероссийском съезде баячей будущего» (А. Крученых, К. Малевич, М. Матюшин) 18—19 июля 1913 г., где было решено организовать футуристический театр (см. журн. «За 7 дней», СПБ., 1913, № 28). Однако посланные М. Матюшиным деньги Хлебников потерял, и поездка не состоялась. (См. Собр. произв., т. V, письмо № 35, неправильно отнесенное к июню 1913 г.)

13. А. Е. Крученых.

Послано в село Тесово, Смоленской губернии.

«Я поеду...» — речь идет о «съезде» футуристов в Петербурге (доклады и спектакли осенью — зимой 1913 г.). Ср. в письме А. Крученых к М. Матюшину от 8 сентября 1913 г.: «...Вчера отправил вам письмо, а сегодня получил от вас, и от Малевича, и Д. Бурлюка. Они пишут, что будет в Москве вечер после 20 сент. — вероятно, съезд откладывается по сему обстоятельству (про съезд они ничего не пишут). Хлебников живет там же: Астрахань, Петропавл. площадь, д. Куликова. Я ему писал насчет приезда, он очень рад. Напишите ему...» (Архив Ганс в Ленинграде, № 981).

Хлебников приехал из Астрахани в Петербург в сентябре 1913 г. (Сохранился портрет Хлебникова работы Н. Кульбина с следующей надписью: «3-ий рисунок. В. Хлебников. 12. IX. 13»). 11 ноября 1913 г. Д. Бурлюк читал в аудитории Политехнического музея в Москве доклад «Пушкин и Хлебников» с участием Хлебникова. После этого выступления Хлебников вернулся в Петербург.

«...Р<усского> б<огатства> не читал». — В журнале «Русское богатство» (СПБ., 1913, кн. 6,7) была напечатана статья А. Редько «У подножия африканского идола», о которой А. Крученых писал: «А. Е. Редько... первый сделал попытку разобраться в новом будетлянском искусстве, к сожалению, в конце статьи народнический истоптанный лапоть выставился откровенно и совершенно некстати» (А. Крученых. Поросята. СПБ., 1913).

Чернянка — Чернодолинское имение графа Мордвинова, где жили Бурлюки.

«Трое» — сборник, в котором были напечатаны вещи Хлебни-

кова, А. Крученых и Е. Гуро. Вышел в начале сентября 1913 г. (СПБ.); посвящен памяти Е. Гуро.

«Требник троих» — сборник, изданный в Москве в марте 1913 г. Участники: Хлебников, Маяковский, Д. Бурлюк и Н. Бурлюк.

«...Я боюсь бесплодных отвлеченных прений об искусстве». — Хлебников имеет в виду полученную им листовку А. Крученых «Декларация слова как такового» (СПБ., 1913).

«...ряд ано, еее...». — См. в «Декларации» А. Крученых: «2) Согласные дают быт, национальность, тяжесть, гласные — обратное — вселенский язык. Стихотворение из одних гласных

о е а
и е е и
а е е ять»

«...Еуы ладит с цветком — см. в «Декларации слова как такового»:

«5) Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово «лилия», захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию «еуы» — первоначальная чистота восстановлена».

«...Пылкие слова в защиту Адама застают вас вдвоем вместе с Городецким». — Хлебников имеет в виду статью С. Городецкого *«Некоторые течения в современной русской поэзии»*, где поэты-акмеисты названы «новыми адамами» (журн. «Аполлон». СПБ., 1913, № 1).

«Лыки-мыки». — См. в декларации А. Крученых:

«3) стих дает (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка)...»

«...Дыр бул щыл...» — ср. у А. Крученых:

«7) В искусстве могут быть неразрешенные диссонансы — «неприятное для слуха», ибо в нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый.

Пример — дыр бул щыл и т. д.»

Анализ «Декларации» А. Крученых с лингвистической точки зрения см. в статье И. Бодуэн де Куртенэ «К теории слова как такового» и «буквы как таковой» (журн. «Отклики», № 8, прилож. к газ. «День», СПБ., 1914, № 56, 27 февраля).

14. Н. Д. Бурлюку.

Печатается по черновому автографу.

Николай Бурлюк (1890—1920) — поэт-футурист, брат Д. Бурлюка. Его стихи, проза, полемические и теоретические статьи напечатаны в *футуристических сборниках* 1910—1916 гг.

Первые лекции Маринетти по приезде в Россию состоялись в Москве 27 и 28 января 1914 г. Главной целью его приезда было установить связь с русскими футуристами.

Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский — в это время совершали турнэ по провинции, а Хлебников, Н. Бурлюк и А. Крученых находились в Петербурге.

1 февраля 1914 г. Маринетти читал лекцию в Петербурге в зале Калашниковской биржи, там же 4 февраля состоялось его второе выступление. К приезду Маринетти Хлебников издал листовку, в которой резко отмежевывался от итальянского футуризма и прокламировал самостоятельность и своеобразие новой русской поэзии.

«Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести, и склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы.

Люди, не желающие хомута на шею, будут, как и в позорные дни Верхарна и Макса Линдера, спокойными созерцателями темного подвига.

Люди воли остались в стороне. Они помнят закон гостеприимства, но лук их натянут, а чело гневается.

Чужеземец, помни страну, куда ты пришел.

Кружева холопства на баранах гостеприимства».

Эту листовку Хлебников раздавал публике на 1-м вечере Маринетти в Петербурге. Здесь у Хлебникова произошла ссора с художником Н. Кульбиным, организовавшим лекцию Маринетти.

См. в неопубликованных воспоминаниях М. В. Матюшина: «На докладах обыкновенно Хлебников не выступал и молча сидел на сцене, но на вечере Маринетти он так разгорячился, что чуть не побил Кульбина, и тотчас же ушел».

Тогда же у Хлебникова произошел конфликт с Н. Бурлюком.

2 февраля в газ. «Биржевые ведомости» поместили заметку о вечере Маринетти, в которой была полностью перепечатана декларация Хлебникова с издевательскими выпадами по его адресу. Письмо Хлебникова к Н. Бурлюку написано, вероятно, 2 февраля 1914 г. 13 февраля 1914 г. в газ. «День» было напечатано письмо Н. Бурлюка, М. Матюшина и А. Крученых, где они опровергали свое участие в составлении групповой декларации, напечатанной 5 февраля в газете «Новь» (М., 1914, № 19). Эта декларация была написана Д. Бурлюком и В. Каменским, поместившими под ней имена всех участников сборника «Садок судей» II:

«...Мы... считаем... нашим долгом заявить, что еще... во II «Садке судей» нами было указано, что мы с итальянским футуризмом ничего общего, кроме клички, не имеем, ибо в живописи Ита-

лия является страной, где плачевность положения — вне меры и сравнения с высоким напряженным пульсом русской художественной жизни последнего пятилетия. А в поэзии наши пути, пути молодой русской литературы, продиктованы исторически обособленным строем русского языка, развивающегося вне какой-либо зависимости от галльских рус. О подражательности нашей итальянцам (или же наоборот) не может быть и речи...».

13 февраля 1914 г. Маринетти прочел в Москве последнюю лекцию «О футуризме» (в «Обществе свободной эстетики»). В. Маяковский и Д. Бурлюк, вернувшиеся в Москву после выступления в Минске, устроили Маринетти обструкцию, прервавшую диспут. 15 февраля в газ. «Новь» (№ 28) было напечатано письмо Маяковского, где он отрицал «всякую преемственность от итало-футуристов».

О полной автономии русского кубо-футуризма, враждебного футуризму итальянскому, Маяковский в резкой форме заявил в своем докладе «Достижения футуризма», прочитанном в Москве незадолго до приезда Маринетти, 11 ноября 1913 г. См. тезисы доклада, отрицательно характеризующие иллюзионистскую систему итальянских футуристов и их агрессивные методы воздействия:

> «Литературный параллелизм. Запад и мы.
> Маринетти. Толстый роман. Звукоподражание.
> Самостоятельность русского футуризма.
> Люди кулака, драки. Наше презрение к ним».
>
> *(Полн. собр. соч., т. I, стр. 351.)*

Во время своего пребывания в России Маринетти пришлось убедиться, что русский футуризм вырастает из совершенно особых социальных условий и что его теория и практика не совпадают с программой итальянцев.

По возвращении в Рим Маринетти прочел доклад, в котором объявил русских «будетлян» «лже-футуристами, искажающими истинный смысл великой религии обновления мира при помощи футуризма» (см. газ. «Русское слово», М., 1914, № 84, 12 апреля).

Среди бумаг Хлебникова нами найден отрывок из неопубликованной декларации, написанной в связи с приездом Маринетти в Петербург: «...Общественый вкус нашего времени носит готические усы. Маринетти! Дайте ваш общественый вкус, чтобы я мог дать пощечину общественному вкусу».

У А. Крученых сохранился экземпляр листовки, направленной против Маринетти, с следующим примечанием Хлебникова к последнему абзацу, вписанным в конце декабря 1921 г.: «(Чичиков, провоз кружев из-за границы)».

15. В. В. Каменскому.

Послано в Пермь. Повидимому, это письмо написано Хлебниковым после получения им письма В. Каменского, датированного 10. V. 1914.

В середине марта 1914 г. Хлебников уехал из Петербурга в Астрахань, к родным; по пути он заехал на 10 дней в Москву: см. в «дневнике» Хлебникова (Собр. произв., т. V, стр. 328).

Николаева Н. В. — знакомая Хлебникова, в то время жившая в Москве.

Максимович В. Н. — художник, знакомый Хлебникова, покончил жизнь самоубийством в конце апреля 1914 г. (см. газ. «Новь», М., 1914, № 86, 26 апреля).

«Журнала II тома нет». — № 2 «Первого журнала русских футуристов» готовился к печати в марте 1914 г., но издан не был.

«Танго с коровами» — пятиугольная книга стихов В. Каменского вышла в Москве в марте 1914 г.

Хлебников цитирует трагедию Маяковского «Владимир Маяковский» (1913), изданную Д. Бурлюком в марте 1914 г. (М.).

«Пишу полуученые статьи». В это время Хлебников работал над статьями, вошедшими в книгу «Новое учение о войне» (П., 1914).

«Недавно получил письмо от «13 весен» из «Садка судей» II». — См. комментарий к статье «Песни 13 весен» (стр. 461). Ср. в «дневнике» Хлебникова: «Весьма важно: от «13 весен» получил написанное в Москве 4—V—1914 письмо. Первое за все время» (Собр. произв., т. V, стр. 327).

16. Н. В. Николаевой.

Послано в Москву.

«Присылаю вам себя, котят». — Хлебников прислал свой фотопортрет (воспроизведенный в настоящем издании, стр. 47) и открытку — репродукцию картины A. Weczerzick «Liebe Mädchen und kein Mann!» («Котята»).

17. Н. В. Николаевой.

Послано в Москву.

18. Н. В. Николаевой.

Послано в Москву.

7 сентября 1914 г. Хлебников после ссоры с родными уехал из Астрахани. (См. Собр. произв., т. V, стр. 329.)

Вероятно, проездом Хлебников был в Москве. В «дневнике» Хлебникова сохранилась «петербургская» запись от 19. IX. 1914 (Собр. произв., т. V, стр. 328).

«...день 13 октября» — день рождения Н. В. Николаевой.

«...Доканчиваю статью» — см. коммент. к след. письму.

«...Я вышлю две книжки».— Хлебников послал два своих сборника: «Ряв» (СПБ., 1913) и «Творения» (М., 1914).

19. Н. В. Николаевой.

Послано в Москву.

«... Я дописываю статью и напечатаю» — вероятно, «Новое учение о войне» (см. комментарии к след. письму).

Якулов Г. Б. (1883—1928) — художник-новатор, один из авторов футуристической декларации «Мы и запад» (П., 1914, 1 января).

Василиск Гнедов — поэт эго-футурист. Его вещи см. в альманахах «Петербургского глашатая» (1913): «Дары Адонису», «Засахаре Кры», «Небокопы», «Развороченные черепа» и в сборн. «центрифугистов» «Руконог» (М., 1914). Книги Гнедова: «Гостинец Сентиментам», «Смерть Искусству» (СПБ., 1913). См. также: В. Гнедов и П. Широков. Книга великих (СПБ., 1914). Словотворческие тенденции, а также «эпатажные» выступления сближают Гнедова с кубо-футуристами. Впоследствии Гнедов примкнул к соратникам Хлебникова и издал «Временник» 4-й, М., 1918 (Хлебников, Асеев, Петников, Д. Петровский и Гнедов). Участвовал также в «Газете футуристов», М., 1918 (Маяковский, В. Каменский и Д. Бурлюк).

«Бродячая собака» — артистический «подвал» в Петербурге в 1912—1915 гг.

«Рыкающий Парнас» — футуристический сборник, изданный в январе 1914 г. в количестве 1000 экз. Арест, наложенный на этот сборник Петербургским комитетом по делам печати (за рисунки на стр. 38, 51, 68 и 119), был оставлен в силе определением Окружного суда (от 19 февраля), сославшегося также «на встречающиеся в упомянутой книге явно неблагопристойные выражения». Частная жалоба М. В. Матюшина (издавшего сборник совместно с худ. И. Пуни), поданная в Петербургскую судебную палату, была оставлена без рассмотрения.

Участники сборника: поэты — Хлебников, Маяковский, Крученых, Каменский, Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, Игорь Северянин и художники — Д. Бурлюк, В. Бурлюк, Филонов, Пуни, Розанова. Сборник открывается декларацией, направленной против символистов, акмеистов и эго-футуристов.

Блок «гилейцев» с Игорем Северянином, отошедшим от группы эго-футуристов, был кратковременным.

20. М. В. Матюшину.

«Немецкий врач, снимающий покров с тайны смерти». — Здесь Хлебников описывает часто воспроизводившуюся картину, изображающую старого хирурга у трупа девушки.

«Новое учение о войне» — брошюра Хлебникова, изданная М. В. Матюшиным в Петрограде, в ноябре 1914 г., в количестве 700 экземпляров (с предисловием А. Крученых). См. письмо А. Крученых к М. Матюшину от 5 ноября 1914 г.: «...Хлебников цензуру прошел. Надо печатать. Завтра я исправлю последние корректурные ошибки, а вы привезите бумаги» (Архив Ганс в Ленинграде, № 984).

Примечания, посланные Хлебниковым Матюшину, в печатном тексте отсутствуют.

21. М. В. Матюшину.

Адамс (1819—1892) и Леверрье (1811—1877) — астрономы, которые одновременно и независимо друг от друга, на основании теоретических вычислений, указали местоположение планеты Нептун, тогда еще не открытой.

«Книжонка» — «Новое учение о войне».

22. М. В. Матюшину.

Письмо это дает комментарий к стихотворению «Рассказ об ошибке», написанному на ту же тему (Собр. произв., т. II). Ср. также в брошюре Хлебникова «Время мера мира» (П., 1916), стр. 20—21.

23. М. В. Матюшину.

«Лотос Каспия». — Одновременно с письмом Хлебников послал Матюшину открытку с изображением «Каспийской розы» — лотоса, и следующей надписью: «Гад 1914—15-й. С новым гадом!» Тут же рисунок Хлебникова — рука, поражающая копьем змею.

24. А. Э. Беленсону.

Письмо к издателю сборника «Стрелец» I (П., 1915) Александру Беленсону, вероятно, послано не было. Текст письма зачеркнут Хлебниковым. В ответ на просьбу А. Беленсона (от 11 февраля 1915 г.), готовившего к печати сборник «Стрелец» II (Собр. произв., т. V, стр. 329), Хлебников предполагал послать рассказ «Сон», под текстом которого написано публикуемое здесь письмо.

Рассказ «Сон» при жизни Хлебникова напечатан не был.

25. М. В. Матюшину.

В марте 1915 г. Матюшин издал книгу Филонова с иллюстрациями автора: «Пропевень о проросли мировой». Изд. «Мировой расцвет». А. Крученых в своих неопубликованных воспоминаниях пишет: «Это драматизированная «Песня о Ваньке-Ключнике» и «Пропевень про красивую преставленницу». Написаны они ритмованной сдвиговой прозой (в духе рисунков автора) и сильно напоминают раннюю прозу В. Хлебникова». Хлебников высоко ценил Филонова и как художника.

26. М. В. Матюшину.

«... Бурлюков и К° увижу». — Из Москвы Хлебников уехал на ст. Пушкино а затем к Давиду Бурлюку в Михалево (около ст. Пушкино), где жил до конца июля. См. воспоминания М. Бурлюк «Хлебников в Михалеве»: «...Хлебников жил в Михалеве с июня месяца... Хлебников работал в 1915 году над биографией Пушкина и над «Дневником Башкирцевой», искал «кривую» творчества и делал свои математические выкладки.

Писал Велимир Владимирович на бумаге белого цвета, которую поселяне употребляли для курения, покупая по копейке за лист в бакалейной лавке... Хлебников курил много, и его пальцы были желтоватого тона... На стенах комнаты Велимира Владимировича висели натюрморты Бурлюков... Работал Хлебников медлительно, не торопясь, по ночам. Вставал поздно, к часу дня...» (газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1936, 15 марта). В Михалеве Хлебниковым была написана статья «Он сегодня», напечатанная в альманахе «Взял» (П., 1915) и включенная в качестве первой главы в книгу Хлебникова «Время мера мира» (П., 1916).

«...Хорошо, если бы он [Асеев] сейчас приехал в Москву и стал издавать». — В апреле 1915 года издательство «Лирень» (Н. Асеев и Г. Петников) решило издавать вестник художественной речи и критико-библиографии «Слововед». К участию были привлечены Хлебников, Маяковский, Д. Бурлюк, А. Крученых, М. Матюшин и др.

О программе журнала см. в письме Н. Асеева к М. В. Матюшину от 4 мая 1915 г.: «... «Слововед» будет стараться дать русло отдельно выбивающимся усилиям живой речи. Звук, слово, речь — все, что относится к их рождению и жизни, испишут его страницы. При всем том он будет не злободневен в смысле злобы дня. Никакой технике, никакой художественности слова в нем мест не будет. Он будет акушеркой речи (языка), и только... 1-й № выйдет в конце августа... Мне нужно бы известить о нем Хлебникова, но я не знаю, как это сделать: если вы сможете помочь мне в этом, будьте добры...»

Повидимому, М. В. Матюшин сообщил Хлебникову о предложении Н. Асеева, и Хлебников ответил принципиальным согласием сотрудничать в журнале. В следующем письме (от 21 июня 1915 г.) к М. В. Матюшину Н. Асеев писал: «Объявления о «Слововеде» уже были. Но ни Хлебников, ни Крученных не писали, и я не знаю, как быть, может вам что-нибудь известно?.. Если бы случайно вы увидели Дав<ида> Давидовича <Бурлюка>, пожалуйста, передайте мою просьбу о статье».

В августе 1915 г. № 1 журнала издать не удалось. О прив-

лечении к сотрудничеству в журнале Хлебникова Н. Асеев писал тому же адресату и 6 марта 1916 г.: «...Виктор Владимирович, кажется, на меня немного сердится, хотя я не знаю за что. Но он все же обещал мне свое содействие на случай, если я что-нибудь начну...»

Подготовка первого номера журнала затянулась до осени 1916 г., и в результате журнал не вышел. В журн. «Слововед» издатели предполагали напечатать стихи Хлебникова и его не найденную до настоящего времени вещь «Семь крылатых» (см. объявление на обл. «Трубы марсиан», М., 1916).

Автограф письма находится в архиве Государственной академии искусствознания в Ленинграде (№ 796).

27. В. В. Каменскому.

Послано в Москву.

В Петроград Хлебников приехал из Москвы в конце июля 1915 г. См. в письме И. Пуни к К. Малевичу: «...Сюда приехал Хлебников... Хлебников все путается с вычислениями и числами, стихи, кажется, совсем бросил». (Архив Ганс в Ленинграде, № 971.) В сентябре Хлебников намеревался приехать из Куоккала в Москву. (См. Собр. произв., т. V, стр. 304.) Вероятно, об этой несостоявшейся поездке Хлебников и пишет В. Каменскому. В Москву Хлебников приехал только в ноябре.

«Ка» — повесть Хлебникова, написанная в марте 1915 г.

«Гейша» — Хлебников имеет в виду Николаеву Н. В., изучавшую китайское искусство. См. в прозаической вещи Хлебникова, написанной в 1916 г.: «...дружба зелено-черных китайских лубков и миловидных китаянок с тонкими бровями, всегда похожих на громадных мотыльков, с тенями Италии на одной и той же пасмурной стене городской комнаты, и ногти, любовно холимые славянкой...» (Собр. произв., т. IV, стр. 301—302).

Самуил Матвеевич — Вермель, издатель футуристических сборников «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915) и «Московские мастера» (М., 1916). Сборн. «Московские мастера», М., 1916, подготовленный к печати осенью 1915 г., вышел в апреле 1916 г., в количестве 1000 экз. Сборник не был выкуплен издателем из типографии, и в продажу поступило только 200 экз.

28. М. В. Матюшину.

В это время Хлебников был рядовым 2-й роты 93-го запасного пехотного полка.

«...*До 15 августа буду в Астрахани*». 15 августа Хлебников получил месячный отпуск и через четыре дня уехал в Харьков, где жили Н. Асеев и Г. Петников (См. «Дневник» Хлебникова, Собр.

произв., т. V, стр. 334). В Харькове решено было издавать «Временник» (М., 1917), № 1 которого вышел в ноябре 1916 г.

«... П,Л,Ш,Ч,Щ сделаны». — Речь идет о теоретической работе Хлебникова «Перечень согласных» («Азбука ума»), напечатанной Г. Петниковым в сб. «Временник». См. также письмо Хлебникова к Г. Петникову от 19 сентября 1916 г. (Собр. произв., т. V, стр. 306).

«Проповедую общий сборник». — В 1916 г. группа кубо-футуристов («Гилея») фактически прекратила свое существование. Предложение Хлебникова вновь объединить своих соратников чрезвычайно характерно для его поэзии: «Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования». (См. декларацию «Пощечина общественному вкусу», 1912, и черновик манифеста «Идите к чорту», 1913).

«Десять книжек» — десять экземпляров брошюры Хлебникова «Время мера мира», изданной М. В. Матюшиным в марте 1916 г., в количестве 300 экземпляров.

Письмо хранится в архиве Ганс в Ленинграде (№ 977).

29. М. В. Матюшину.

«... Петников просил ваших вещей и Гуро». — Г. Петников предполагал поместить прозу Е. Гуро и искусствоведческую статью М. Матюшина в готовившемся к печати «Временнике» I.

«Я еще на свободе пока» — 23 сентября 1916 г. Хлебников писал из Астрахани Г. Петникову: «Сегодня 23 я ложусь «на испытание» в земскую больницу. Спокойной ночи! Пока ничего не переписывал». (См. также Собр. произв., т. V, письма №№ 47, 48.)

Письмо хранится в архиве Ганс в Ленинграде (№ 979).

30. М. В. Матюшину.

В декабре 1916 г. Хлебников был переведен из Астрахани в Саратов. Ранней весной 1917 г., получив пятимесячный отпуск, он уехал в Харьков, а затем вместе с Г. Петниковым отправился в Москву. В мае Хлебников и Петников уже находились в пути в Петроград.

«Что Петников?» — Петников приехал в Петроград раньше задержанного в Твери Хлебникова.

На гауптвахте в Твери Хлебников был два-три дня. Сохранился его автограф на книге «Изборник» с датой: Петербург, 18. V. 1917.

31. М. В. Матюшину.

«Список драматических вещей». — Во время своего пребывания в Петрограде в мае — июне 1917 г. Хлебников предложил М. В. Матюшину издать сборник своих драматических произведений. Сохра-

нился список вещей и план книги, составленный Хлебниковым, с датой: 8. VI. 1917 года.

Порядок расположения вещей, предложенный Хлебниковым, был таков: «Маркиза Дэзес», «Девий бог», «Снежимочка», «Дети Выдры», «Аспарух», «Госпожа Ленин», «Мир с конца», «Ошибка смерти».

Тут же рукой М. В. Матюшина вписаны предполагаемые названия сборника: «Зень-Зиры», «Зирин», «Сын Выдры», «Дети Выдры».

«Чортик» — пьеса Хлебникова, впервые напечатанная в сборнике «Творения» (М., 1914).

«Ховун» — назван по ошибке. Это не пьеса, а прозаический фрагмент, опубликованный в сборнике «Садок судей» II (СПБ., 1913). В следующем письме упоминается только «Чортик».

Письмо хранится в архиве Ганс (№ 827).

32. М. В. Матюшину.

Издание сборника драматических произведений Хлебникова не было осуществлено.

«...Что делает Крученых?» — А. Крученых жил в то время в Тифлисе, где издал ряд сборников и «автографических» книг (на гектографе). В Тифлисе А. Крученых написал также статью о Хлебникове, посланную им в Петербург издателю М. Матюшину: «...О статье о Хлебникове — извиняюсь, что вышла она грубовата, но я знаю, чтобы захватить широкую публику — ей надо нечто подобное — а иначе она никак не узнает Хлебникова... — в этом смысле я говорил: прославление» (письмо А. Крученых к М. Матюшину, январь 1917, Архив Ганс в Ленинграде, № 985). Эта статья А. Крученых в искаженном виде впоследствии была напечатана его литературными соратниками в газете «41°» (Тифлис, 1919).

Сборник «Табор двух» издан не был.

33. О. М. Брику.

«...Мы жили лето разобщенные с Москвой». — С 25 июня по 11 декабря 1919 г. Харьков был под властью «белых».

«Изданы мои сочинения или нет». — Издание всех произведений В. Хлебникова было задумано еще в октябре 1918 г. Тогда был заключен договор между литературно-издательским отделом Наркомпроса в Петрограде и объединением футуристов ИМО (Искусство молодых). У А. Крученых сохранился счет, поданный от «ИМО» Маяковским в Государственное издательство в августе 1919 г. Здесь, наряду с книгами Маяковского, Пастернака и других, ука-

зано и собрание произведений Хлебникова: «Все сочиненное В. Хлебниковым» со статьей Р. Якобсона «Подступы к Хлебникову». 30 мая 1919 г. Маяковский заключил договор на издание поэм Хлебникова с Центральным агентством ВЦИК (договор этот за № 4227 сохранился в архиве Маяковского).

Среди бумаг Маяковского сохранились также две расписки Хлебникова: 1 «Получил от издательства «ИМО» в счет платы за полное собрание сочинений 400 рублей. В. Хлебников. Москва 28 марта 919». 2. «Получил в счет издательства «ИМО» за издание собрания сочинений 750 рублей — семьсот пятьдесят. В. Хлебников. 16 апр. 1919».

В статье-некрологе «В. В. Хлебников» Маяковский писал: «Три года назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей. Накануне сообщенного ему дня получения разрешений и денег я встретил его на Театральной площади с чемоданчиком. «Куда вы? — На юг, весна!..» и уехал» (журн. «Красная новь», М., 1922, № 4, стр. 305.) Весной 1919 г. Хлебников уехал из Москвы в Харьков.

Все эти издательские планы не были реализованы. (См. также журн. «Вестник театра», М., 1919, 28 сентября, стр. 15.)

«Интернационал искусств» — сборник, готовившийся к печати Международным бюро отдела изобразительных искусств. В № 1, посвященном международному объединению работников изобразительных искусств, предположено было напечатать статьи А. Луначарского, В. Татлина, К. Малевича, С. Дымшиц-Толстой, Хлебникова и др. (См. Вестник отд. изобр. искусств Нар. Ком. по просв. «Искусство», М., 1919, № 8, 5 сентября.) Для этого сборника Хлебниковым по предложению В. Татлина была написана статья «Художники мира» (Собр. произв., т. V).

34. О. М. Брику.

«... мне делали предложения Есенин и др.». — См. комментарии к стих. «Москвы колымага» (стр. 413). В марте 1921 г. С. Есенин издал поэму Хлебникова «Ночь в окопах».

Лидия Юрьевна — Лиля Юрьевна Брик.

Владимир Владимирович — Маяковский.

«Я начинаю снова работать». — Харьковский период Хлебникова был чрезвычайно плодотворен: поэмы «Три сестры», «Ночь в окопах», «Ладомир», «Царапина по небу», «Азы из узы» и др.

35. В. Д. Ермилову.

Послано в Харьков.

Ермилов В. — художник, в июне 1920 г. издавший в Харькове поэму Хлебникова «Ладомир» (в колич. 50 экз.).

«Открыл основной закон времени...» — Хлебников имеет в виду свои статьи и вычисления, объединенные под общим заглавием «Доски судьбы».

«...Это уже случилось в Баку среди местных людей мысли». — Хлебников имеет в виду свой доклад «Коран чисел», прочитанный в ученом обществе при университете «Красная звезда» 17 декабря 1920 г. См. в заметке Хлебникова в «Нашем журнале», М., 1922 г. № 2, март, и в его письме, посланном из Баку 2 января 1921 г. (Собр. произв., т. V, стр. 316.)

«...я буду обучать ему лошадей» — ср. в «Отрывке из «Досок судьбы» (М., 1922): «Чистые законы времени мною найдены 20 года... именно 17/XI. ...Я полон решимости, если эти законы не привьются среди людей, обучать им порабощенное племя коней. Эту мою решимость я уже высказывал в письме к Ермилову» (стр. 3 — 4).

Мане Кац — художник, с которым Хлебников встречался в Харькове в 1919—1920 гг.

36. В. Д. Ермилову.

Послано в Харьков.

Катюша — жена В. Ермилова.

37. Л. Ю. Брик.

Послано в Ригу. Написано вскоре после приезда Хлебникова из Пятигорска в Москву (в конце декабря 1921 г.). 29 декабря Хлебников, Маяковский, Крученых и В. Каменский выступали с чтением стихов на вечере студентов Вхутемаса.

По настоянию Маяковского, начавшего в марте 1922 г. свое сотрудничество в «Известиях ВЦИК», в этой газете (1922, № 52, 5 марта) одновременно со стихотворением Маяковского «Прозаседавшиеся» было напечатано стихотворение Хлебникова «Эй, молодчики-купчики» (окончательная редакция).

Л. Ю. Брик вела переговоры об издании футуристических книг, в том числе поэмы Хлебникова «Ладомир».

В Москве Хлебников издал «Вестник Велимира Хлебникова» № 1 и № 2, «Доски судьбы» (лист 1-й) и подготовил к печати «Зангези».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

Поэмы

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

Стихи

ПРОЗА

ЧЕРНОВИКИ И ОТРЫВКИ

СТАТЬИ, ДЕКЛАРАЦИИ И ЗАМЕТКИ

(Редакция и комментарии Т. Грица и Н. Харджиева)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

(Редакция и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица)

Письма

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
73	3	зено	зерно
170	10	вещи,	вещи
192	24	Рука	Руда
239	301	стук	стук,
239	302	треск,	треск
259	23	завет.	завет,
319	12	чувств	чувствах
319	36	переходит	переходят
374	25	вычисления.	вычисления
453	заголовок:	письма	проза
464	31	в конце	в 1914—1915 гг.
482	11	поэзии	позиции

Зак. 494. Хлебников.

Переплет и фронтиспис худ. В. ТАТЛИНА

Редактор Н. Френкель.
Техн. редакт. Л. Сутина. Коррект. Л. Журавлева.

Изд. № 316. Инд. Х-40. Х-55. Тир. 5000. Формат бумаги 84×108 в 1/32 д. 30¼ печ. л. 22,19 авт. л. Сдано в набор 19 XI 1938 г. Подписано к печати 5 июня 1940 г. Уполн. Главлита А-27002. Набрано и матрицировано в 17-й ф-ке нац. книги ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Шлюзовская наб., 10.—Отпечатано в типографии «Искра революции». Москва, Филипповский пер., 13.